

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е.И. Кобахидзе

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ
В ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Владикавказ
2016

ББК 63.3(2)52

Печатается по решению
Учёного совета СОИГСИ ВНЦ РАН

Кобахидзе Е.И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 258 с.

ISBN 978-5-91480-254-4

Рецензенты:

доктор исторических наук,
директор СОИГСИ ВНЦ РАН **З.В. Канукова;**

доктор исторических наук,
зав. отделом истории СОИГСИ ВНЦ РАН **С.А. Айларова**

В книге обсуждается комплекс вопросов, связанных с реализацией объединительного курса российского правительства по отношению к Центральному Кавказу в позднеимперский период. Особое внимание уделено административной деятельности, ориентированной на унификацию местных общественных структур и стандартизацию форм общественного самоуправления. Рассмотрены также процессы становления в регионе системы судопроизводства, актуализировавшиеся в связи с проведением на Северном Кавказе судебной реформы; показана роль русского языка в кавказской начальной школе; проанализирован ряд аспектов переселенческой политики.

Книга предназначена для историков, этнологов, юристов и всех тех, кого интересуют вопросы истории народов Северного Кавказа и проблемы государственного строительства сквозь призму взаимоотношений Российской империи и ее северокавказской периферии.

ISBN 978-5-91480-254-4

ББК 63.3(2)52

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016
© Кобахидзе Е.И., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. В ПОИСКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ	13
«Устройство окончательного управления горскими племенами»	13
«Опыт централизации дал печальные результаты»	43
ГЛАВА 2. ЗАКОН И ПОРЯДОК	70
«Оружие духовной, внутренней силы...»	70
«Учредить в селениях правильный сельский строй»	110
ГЛАВА 3. РЕСУРСЫ РУСИФИКАЦИИ	158
Административное измерение русификации	158
«Говорящий по-русски уже не удивляет никого»	179
«Русифицирующий» потенциал колонизации	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	224
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	228
АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	250

Российская империя состоит из двух органических элементов: коренного русского государства, сердцевины империи, ее ядра, обнимающего то большинство населения, которое принадлежит к русско-славянскому племени, и из разнородных, разновремененно присоединенных инородческих и иноплеменных окраин: Царство Польское, Прибалтийский край, Финляндия, в большей мере Сибирь, Туркестанский край, Кавказ и Закаспийский край. Так как всякое государство, для утверждения своей силы, должно стремиться к возможному объединению разнородных элементов, то весьма естественно, что государственная политика требует, чтобы эта цель объединения была преследуема постоянно, настойчиво, но вместе с тем осторожно и разумно. Никакая приобретенная веками национальная или племенная своеобразность не сдастся без борьбы к поглощению, а потому, при преследовании целей объединения, необходимо с этим естественным законом считаться и часто делать ему временные уступки, не упуская из вида главные цели окончательного создания гармонического единства.

*Печатная записка статс-секретаря барона А.П. Николаи
по вопросу о преобразовании центрального управления на Кавказе.
Октябрь 1882 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Российское государство исторически сформировалось как сложное в этноконфессиональном, социокультурном, социально-политическом и множестве других аспектах социальное образование. В единых административно-территориальных границах, объединявших обширные пространства, сосуществовали народы, культуры, конфессии. Множественность типов социально-политической организации, выработавшихся у разных народов страны, ее культурно-языковое разнообразие, безусловно, создавали значительные трудности в практическом исполнении задач государственного управления. Основные усилия центральной власти были сосредоточены на поддержании единства и целостности страны. Приоритетным в объединительной политике правительства было выраженное стремление к формированию некоего имперского универсума, интегрирующего множественные микросоциумы в едином политико-культурном поле.

Идеологическим основанием универсализации общеимперского пространства выступала идея «русификации», имевшая разный социальный смысл в разные периоды истории взаимоотношений центра с окраинными провинциями. На первом этапе (в условных рамках последней четверти XVIII — 80-х гг. XIX в.) подразумевалось политическое единство в установленных государством административных границах, объединение разнородного населения в широком гражданско-правовом поле на основе общегосударственного законодательного права. В позднеимперский период перед Россией встала задача объединения общества на основе единой имперской идеологии, в связи с чем получила развитие идея формирования уже культурно-языкового единства, с выраженными доминирующими позициями языка и культуры русского населения как основы складывания общеимперской наднациональной идентичности.

Говоря об остроте проблемы унификации как явления, характеризующего процессы государственного строительства в

социально-политических образованиях имперского типа, следует в первую очередь обратить внимание на то обстоятельство, что и сегодня, как в центре, так и на местах, интеллектуально-властные элиты одинаково активно заняты поиском «национальной идеи», которая в новых социально-политических условиях послужила бы безусловным идеологическим обоснованием общественного устройства и политической системы современной России, а также на то, каким образом и в каких категориях эта идея формулируется. В связи с этим, безусловно, актуализируется необходимость обращения к историческому опыту взаимоотношений имперского центра с национальными окраинами, изучение которого поможет найти ответы на целый ряд вопросов — существовала ли в Российской империи отчетливо сформулированная «национальная идея» и, соответственно, внятная концепция «национальной политики», каковы были ее результаты и можно ли говорить об «инородческом вопросе» в имперской России как прологе вопроса «национального» в России советской и (тем более) постсоветской.

Изучение конкретных механизмов и практик взаимоотношений центра и национальных окраин на последних этапах существования Российской империи во многом объясняет сложности последующего федеративного строительства, возникавшие как при формировании советского государства, так и много позже — в постсоветский период, отмеченный всплеском национально окрашенных проблем, обострившихся на волне суверенизации с одновременной ретрадиционализацией всех сторон общественной жизни, особенно заметной в северокавказских субъектах Российской Федерации. Глубокий анализ исторического опыта реализации национальной политики Российского государства на северокавказской периферии в переломные для страны эпохи может и должен обеспечить научно-теоретическую основу при разработке стратегии модернизационного развития Северного Кавказа, адекватного современным реалиям общественной жизни.

Как видно, актуальность обозначенной проблемы обусловлена несколькими обстоятельствами, связанными как с ее социальной значимостью, так и с сугубо академическим интересом. Первое определяется практической необходимостью изучения опыта вхождения традиционных социумов в российскую государственность как важной составляющей современных реформ в административно-правовой сфере субъектов РФ; второе — недостаточной (несмотря на популярность отдельных сюжетов) разработанностью вопросов, связанных с преемственностью и разрывами в практике российского государственного управления окраинными регионами (и, в частности, Северным Кавказом) сквозь призму национальных проблем государственного строительства.

Судя по состоянию современной историографии, имперская проблематика прочно вошла в перечень исследовательских приоритетов исторической науки, что подтверждается заметным ростом числа публикаций, касающихся вопросов, так или иначе связанных с различными аспектами функционирования империй как сложно организованных социальных систем. Особую остроту в современных исследованиях приобрела проблема взаимоотношений центра и окраинных регионов Российского государства, сложившихся в позднеимперский период его существования¹. Как и сам исследуемый объект, «имперский» дискурс также

¹ См., например: [Американская русистика 2000; Большакова 2003; Большакова 2008; Имперские и национальные модели управления 2007; Имперский строй России 1997; Политическая история империи 2002; Российская многонациональная цивилизация 2003 и др.] Список можно продолжить другими работами как отечественных, так и зарубежных исследователей, и часть из них по мере необходимости упоминается в настоящем издании. Отдельно отметим, что в методологическом отношении весьма интересными представляются работы А. Миллера (см.: [Миллер 2002, 2006]), поскольку они опираются не только на отечественный, но и зарубежный исследовательский опыт, отличающийся более широким взглядом на российскую историю и дающий богатый материал для дискуссий по различным аспектам правительственной политики Российской империи на ее национальных перифериях.

сложен и многообразен, характеризуясь множественностью концептуальных и методологических подходов. Актуализация проблемы империи в современной историографии в большой степени детерминирована назревшей потребностью в переосмыслении исторического опыта построения социально-политических мегасистем, оценки их жизнеспособности и выявлении конструктивного потенциала. В российском политическом и социокультурном контексте проблема эта приобретает особую остроту ввиду ее очевидного современного звучания, обусловленного самой ситуацией, наблюдаемой в ряде российских регионов и в особенности на Северном Кавказе. Именно здесь общая обстановка пока такова, что влияние конфликтогенных факторов явно или подспудно тормозит современные модернизационные преобразования, во многом определяя общий социокультурный фон региона и являясь своеобразным индикатором недоработки и низкой эффективности государственной национальной и федеративной политики в целом.

Между тем, Кавказ, а Северный Кавказ даже в большей степени, представляет беспрецедентный для общеимперского пространства исторический опыт интеграции «иностранческого» населения в единый государственный организм, причем интеграции, осуществлявшейся в ходе активного взаимодействия диаметрально противоположных общественных систем и их отдельных институтов. Разработкой этих вопросов в последние годы активно занялись отечественные кавказоведы, на волне особого исследовательского интереса которых была и остается проблема российско-северокавказских отношений, представляющих яркий и в обществоведческом плане показательный пример сложности и противоречивости процесса формирования полиэтничного и поликонфессионального Российского государства. Полемика ведется как по поводу характера самих взаимоотношений, так и по поводу статуса новоприобретенной окраины. Чем был для России Северный Кавказ — колонией или неотъемлемой частью единого государства? — вот вопрос,

ответ на который для многих исследователей и сегодня выглядит далеко неоднозначным (Л. Гагагова, В. Дегоев, В. Матвеев, Ю. Клычников, Н. Великая и др.).

В перечень наиболее востребованных тем в российской историографии в последние два десятилетия прочно вошла и имперская проблематика (см. работы В. Дегоева, Л. Гагаговой, В. Матвеева, Ю. Карпова, В. Лапина, С. Лурье, Ю. Клычкова, Н. Великой и др.). В связи с этим необходимо отметить работу ростовского исследователя В. Матвеева «Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.) (Ростов н/Д, 2012). Она представляет авторскую позицию в решении крупной научной проблемы, в центре которой находятся взаимоотношения центра Российской империи с окраинными провинциями. Решая эту задачу, автор опирается на понятие универсализма, трактуемого им как производное от империй, но обладающего более широким символическим смыслом за счет включения цивилизационной составляющей. Именно принцип универсализма, по мысли Матвеева, определял общую направленность российской политики, проводившейся на окраинах империи, результатом которой стали качественные изменения, интерпретируемые как «трансформация».

Нельзя в этой связи не упомянуть и получившую широкую известность монографию И. Бабич и В. Бобровникова «Северный Кавказ в составе Российской империи» (М., 2007), которая позиционируется авторами как учебник для вузов и развивает далеко не бесспорные положения как об имплицитном ориентализме российского имперского дискурса, так и об особом феномене «пограничья» (фронтара), обусловившем специфику российско-кавказских отношений. Несмотря на то, что книга получила весьма неоднозначную оценку специалистов, следует отметить в качестве несомненной заслуги ее авторов попытку перейти «от описания к анализу» и представить собственный вариант «переосмысления северокавказского им-

перского нарратива», освобожденный «от старых колониальных стереотипов».

Одним из исследовательских направлений в широком проблемном поле интеграции традиционных социумов в имперскую (российскую) государственность стало изучение процессов формирования судебно-административной системы в регионе. Отдельные вопросы управления народами Центрального Кавказа освещались в исследованиях А. Фадеева, М. Блиева, Ж. Калмыкова, З. Блиевой, Л. Гатаговой, Г. Малаховой, Е. Битовой (Муратовой), Г. Лисицыной, В. Чернухой и др. Процессы и механизмы взаимодействия традиционной и государственно-административной систем управления, происходившие в Осетии на протяжении XIX в., стали предметом специального исследования автора предлагаемой книги.

В западной историографии проблема российской государственности также входит в число одной из наиболее приоритетных. Свое место в ней занимают работы, посвященные сложному комплексу вопросов, связанных как с выяснением сущностной природы Российской империи, этапами ее развития, так и административно-правовым положением и социокультурной спецификой населявших ее народов (А. Каппелер, Т. Баррет, П. Верт, Э. Таден и др.). В числе последних публикаций по имперской проблематике следует назвать работу Ж. Кадио (Лаборатория империи: Россия / СССР. 1890-1940. М., 2010), в которой автор рассматривает проблему с точки зрения истории науки, анализируя влияние российских ученых (статистиков, этнографов и специалистов по демографии) на практики управления империей и разнородную динамику жизни составляющих ее народов в переломные для страны эпохи — от времени контрреформ Александра III до предвоенного сталинского террора. Автор исследует вклад обществоведов в формулировку критериев этнической идентичности (от языкового до хозяйственно-географического) в эпоху национального пробуждения и коренной ломки прежнего общественного строя.

В большинстве же работ проблема решается на широком цивилизационном фоне с довольно свободными обобщениями, упускающими из виду конкретную региональную специфику, отличающую Россию от прочих имперских образований. Ряд исследователей фокусирует внимание на западных окраинах Российской империи (см., например, фундаментальный труд М. Долбилова «Русский край, чужая вера: этнокофессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» (М., 2010), а также работы Т. Р. Уикса, В. Родкиевича и др.), другие — на ее восточных территориях с «инородческим» населением (Р. Джераси), тогда как Кавказ вызывает значительно меньший интерес. Нельзя утверждать, что кавказская проблематика мало интересует западных исследователей, однако в ее разработке очевидна определенная тенденциозность, заключающаяся либо в поиске конфликтогенных факторов, определяющих процесс вхождения северокавказских народов в Российскую империю в терминах противостояния (П. Верт, Ч. Стейнведел, Дж. У. Слокум и др.), для чего активно используется исламская тематика (Р. Круз), либо в идеализации стремления кавказских горцев к освобождению от имперского доминирования. Безусловно, западный «российский» дискурс должен изучаться как один из возможных вариантов интерпретации истории взаимоотношений России с ее национальными окраинами. Однако, как представляется, задача российских исследователей состоит в изучении и акцентуации позитивных интерпретаций и должной аргументации конструктивности происходивших процессов в терминах диалога. От того, насколько аргументированы историческим опытом будут доводы в пользу той или иной точки зрения, зависит стратегия развития российской государственности, сегодня переживающей процессы, во многом сходные с теми, что имели место на рубеже XIX-XX вв.

В предлагаемой вниманию читателей книге рассматриваются лишь некоторые аспекты обозначенной проблемы. Особое внимание уделено административно-правовым механизмам

решения «инородческого вопроса» в Российской империи применительно к Центральному Кавказу; проанализирована русифицирующая роль образования и показан русифицирующий потенциал переселенческой политики правительства в последние десятилетия XIX — начале XX в. Углубление и расширение исследовательского поля в указанных направлениях, а также выявление и анализ иных аспектов объединительной политики Петербурга по отношению к региону (например, ее конфессиональной составляющей), является одним из приоритетных направлений в изучении российско-сеveroкавказских отношений на последних этапах существования Российской империи.

ГЛАВА I

В ПОИСКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

«Устройство окончательного управления горскими племенами»

Разнообразие конкретных форм социальной организации окраинных провинций Российской империи весьма осложняло процесс их включения в общегосударственную административно-правовую систему. Разработка оптимальных подходов к управлению различными частями единого государства в этих условиях становилась одной из первоочередных задач, стоявших перед правительством. В России усилия центральной власти по поддержанию территориальной целостности страны опирались на административный аппарат, деятельность которого строилась на принципах централизации как залога внутренней прочности и неделимости империи. В той или иной мере эти принципы реализовывались и в управленческой практике на вновь присоединяемых землях, где по мере укрепления политических позиций Петербурга создавались государственные административные институты. В ходе возникшего диалога каждый из окраинных народов России приобрел свой собственный, во многом уникальный, опыт вхождения в «государственность», по-разному реагируя на имперское присутствие и утверждение нового социального порядка. Подобный опыт приобрели и народы Северного Кавказа.

Российско-северокавказские отношения сложны и многообразны. Делая ставку на геостратегическую значимость региона, Россия всеми доступными ей средствами пыталась удержать его, вооруженным путем подавляя открытое сопротивление, подкупам и посулами гася глухое недовольство, поддерживая лояльность местной элиты и подогревая надежды простого люда на защиту и покровительство. Рационально обусловленная проблема установления единого на всей территории государства имперского порядка ставила перед Петербургом не-

простые и одновременно чрезвычайно важные практические задачи организации управления на присоединенных землях. Именно эта составляющая российской политики на Кавказе, успешное решение которой обеспечивало бы политическую стабильность и управляемость мозаичного по многим параметрам региона, стала одним из тех мощных факторов, которые определяли развитие российско-северокавказских отношений в течение всего периода политико-административного освоения здешних территорий. Вместе с тем, вне зависимости от сценария развития взаимоотношений государства с отдельными северокавказскими обществами, действия правительства в конечном счете подчинялись одной политической формуле. «Не единою силою оружия предлежит побеждать народы в неприступных горах живущие и имеющие надежные в оных от наших войск убежища, но паче правосудием и справедливостию нужно приобрести их к себе доверенность, кротостью смягчать нравы, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими», — наставляет Екатерина II²; «...покорение (Кавказа. — Е. К.) следует исполнить не одним оружием, напротив того, действовать осторожно, неторопливо и так, чтоб куда достигнем, оттоль не возвращаться, не став твердой ногой»³, — через полвека воспроизводит ее мысль Николай I.

На этом, высочайше предначертанном, пути конкретные административные решения, от разработки до их практического воплощения, зачастую становились результатом сочетания и борьбы противоположных систем взглядов на кавказскую по-

² Именной указ Екатерины II «О приведении Терской линии в лучшее оборонительное состояние; о построении укреплений от Екатеринодара до Воронежского редута; о поселении 6 Донских казачьих полков на Кавказской линии и об учреждении суда и расправы между горскими народами», данный генералу И. В. Гудовичу 28 февраля 1792 г. [ПСЗ-1, XXIII, 17025: 307].

³ Собственноручная памятная записка императора Николая I командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту А. И. Нейдгардту, 1842 г. [Кавказ и Российская империя 2005: 380].

литику — регионализма, порой на грани романтики, и централизма, отражавшего сугубо прагматические цели правительства по отношению к региону. Соответственно, изменялся и баланс внутренних, характеризующих собственное социально-политическое развитие местных народов, и внешних, представленных государственными преобразованиями, факторов, определяющих степень вовлеченности местных социумов в трансформационные процессы.

Если на первом этапе внедрения империи в географическое и политико-правовое пространство Кавказа при общем разнообразии подходов к управлению доминировали принципы «постепенности» и «невмешательства», то в последующем эти принципы оказывались все менее и менее востребованными, что объяснялось прежде всего стремлением России как можно скорее закрепиться в регионе, издавна привлекательном и особо значимом для империи в геополитическом и торгово-экономическом отношениях.

Поворотным событием, положившим начало следующему этапу становления российского государственно-административного управления на Центральном Кавказе, можно признать установление в 1830-х гг. системы приставства и податной системы — целого комплекса государственных мер, нацеленных на вовлечение окраинной провинции в круговорот социально-политической и экономической жизни страны. Политику «невмешательства» во внутренние дела коренных северокавказских народов, взятую на вооружение правительством на первых порах проникновения в регион, сменил жесткий курс на «покорение диких племен», проводившийся под лозунгом распространения в крае «начал цивилизации» и «русской гражданственности». Идея полного слияния края с Россией претворялась в жизнь во все ускоряющемся темпе, и на этом пути Петербург нередко прибегал к экспериментированию, опытным путем выявляя наиболее адекватные меняющимся целям и задачам способы и формы политико-административного освоения Кавказа.

Начало новой эпохи в развитии системы управления в регионе было положено учреждением в 1842 г. Кавказского наместничества и деятельностью высших кавказских начальников, первым из которых стал М. С. Воронцов. Важнейшим следствием его административной практики в должности кавказского наместника стало окончательное оформление т. н. военно-народного управления, в ведении которого находились все горские народы Северного Кавказа. Будучи своеобразным «политическим компромиссом» между центральной российской властью и местными народами и отличаясь от общегражданского управления Российской империи, система военно-народного управления тем не менее четко обозначила позиции правительства по отношению к региону, который представлялся неотъемлемой частью государства; окончательная же интеграция населения Северного Кавказа в общегосударственное политико-правовое и культурно-экономическое пространство оставалась лишь вопросом времени. В своих общих чертах военно-народное управление просуществовало на Северном Кавказе вплоть до конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в., когда край переживал Великие реформы. Но до этого времени в административной судьбе Центрального Кавказа произошло несколько важных событий. Напомним о них.

В середине 50-х гг. правительство, всерьез обеспокоенное затянувшимися военными действиями по подавлению движения Шамиля, пришло к необходимости изменения общей стратегии кавказской политики в сторону ужесточения административных мер и усиления военного начала в управлении. Эта задача была возложена на опытного военачальника А. И. Барятинского, в 1856 г. назначенного наместником и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и сменившего на этой должности Н. Н. Муравьева. С именем Барятинского связана целая эпоха в становлении государственно-административной системы управления краем, ознаменовавшаяся напряженными поисками административных форм, наилучшим образом отве-

чавших основной политической задаче, вставшей перед империей в ходе Кавказской войны, — сохранения региона в составе России. Несмотря на то, что всей предшествующей службой Барятинский никак не был подготовлен к гражданскому поприщу, его активная деятельность в административно-управленческой сфере по сути оказалась для Кавказа предвестницей Великих реформ, заложив основы преобразований в самых разнообразных областях социально-экономической жизни края на несколько лет раньше, чем в других регионах государства.

Будучи человеком военным, блестящим полководцем, начальником штаба войск при Воронцове, в сфере управления Барятинский действовал, скорее, экспериментально, непоследовательно, что породило сплошную чересполосицу «директив, циркуляров и практических действий, часто противоречивых, если не сказать более. В столкновение приходили интересы гражданского и военного ведомств, регионалистов и централистов, сторонников жестких мер и их оппонентов и т.д.» [Гатагова, Исмаил-заде 1998: 302] «Быстрое развитие гражданской жизни Кавказского и Закавказского края, — заметил по этому поводу С. С. Эсадзе, — служило поводом к частым переменам в устройстве местных административных установлений» [Эсадзе 1907 I: 90].

«Устройство окончательного управления горскими племенами» кавказский наместник считал «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе» [АКАК, XII: 1278]. Руководствуясь этой целью, Барятинский инициировал и провел в жизнь ряд существенных преобразований, коснувшихся как исполнительно-распорядительных институтов наместничества, так и его административной карты.

Прежде всего он занялся рассредоточением функций управления по отдельным ведомствам (см.: «Положение о Главном Управлении и Совете наместника кавказского» [АКАК, XII: 25-49]), напрямую экстраполируя законодательные и исполнительные институты центральной власти. В результате регион

превращался в административную автономию со своей ведомственной системой, в организационном и функциональном отношении дублировавшей общегосударственные исполнительные органы.

Положения, утвержденные Александром II 2 декабря 1857 г. и 1 апреля 1858 г., изменили военно-административное устройство Кавказа, а отдельный Кавказский корпус переименовывался в Кавказскую армию [ПСЗ-II, XXXII, 32529: 987-988; АКАК, V: 1276]. На Правом крыле вместо существовавших шести приставств учреждалось четыре, на Левом — прежние приставские управления упразднялись, а командующим войсками в различных местностях Кавказа помимо военных прерогатив предоставлялось право распоряжаться всеми ресурсами местности и осуществлять управление в ней [ПСЗ-II, XXXII, 32541: 995-996]. Вопросы гражданского характера, касающиеся местного населения, были отнесены к ведению Отделения по управлению горскими народами, созданного в соответствии с апрельским указом 1858 г. при Главном штабе Кавказской армии для согласования действий армейских властей на местах и сосредоточения дел при командующем войсками Левого крыла Кавказской линии [АКАК, XII: 222, 1276, 1277]. На самой Кавказской линии вводилась окружная система: в границах ее Правого и Левого крыльев формировались округа (Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский), делившиеся на приставства и участки (наибства); для управления округом назначался окружной начальник, облеченный «достаточной властью для устройства населения» [АКАК, XII: 1277]. Участковую администрацию возглавляли помощники начальника округа. В состав реорганизованного Военно-Осетинского округа вошли главное приставство горских народов бывшего Владикавказского военного округа, а также Куртатинское и Алагирское приставства. Территория Военно-Осетинского округа увеличивалась за счет участка Малой Кабарды, а в горной полосе — присоединения в 1859 г. Нарского и Мами-

сонского ущелий [там же: 1288], входивших до этого в Тифлисскую и Кутаисскую губернии [там же: 222].

Проведенные преобразования, как считал наместник, должны были способствовать развитию «полной системы экономических мер для устройства народного благосостояния» [там же: 1289]. Он был уверен в том, что хотя «Положение о Кавказской армии» от 1 апреля 1858 г. «... не установило еще народного управления; но, разграничив районы по действительным племенным делениям и подразделениям, будет служить верною рамкою, в которую удобно уложатся особенности местных учреждений» [там же: 1287].

К концу 50-х гг. в связи с близившимся окончанием Кавказской войны, отдельные вспышки которой переместились в северо-западную часть региона, на повестку дня выдвинулись вопросы, связанные с развитием гражданского управления в крае. В эти годы кавказская администрация проявила чрезвычайную активность, демонстрируя стремление как можно скорее достичь «мирных результатов», которых требовал сам император, полагавший, что ныне остается лишь «упрочить наше владычество: 1) введением сколько возможно правильной и справедливой администрации во вновь покоренных племенах, 2) прочным укреплением важнейших пунктов стратегических и 3) проложением надежных и во всякое время удобных путей сообщения...» [Кавказ и Российская империя 2005: 165-166].

Совершенствование административной системы на Северном Кавказе выдвигало в ряд первоочередных задач управление горскими народами — так считал наместник Барятинский [АКАК, XII: 1287], и эта установка стала определяющей в кавказской политике Петербурга. Идея развития гражданских начал в управлении краем нашла выражение в упразднении в январе 1860 г. Кавказской военной линии, почти сто лет служившей отправной организационной формой всех административно-территориальных преобразований. Из ее Правого и Левого флангов были образованы новые территориально-администра-

тивные единицы — Кубанская и Терская области [ПСЗ-II, XXXV, 35421: 122]. Вся территория Терской и Кубанской областей, а также Ставропольской губернии стала именоваться Северным Кавказом.

В июне 1860 г. Отделение по управлению «покорными горцами» было переименовано в Канцелярию по управлению кавказскими горцами, учрежденной при главном штабе Кавказской армии [ПСЗ-II, XXXV, 35962: 813]. В предварительной переписке, возникшей между различными подразделениями Кавказской армии по поводу преобразования этой административной структуры, ведавшей исключительно делами горцев, основным фактором, мотивировавшим необходимость изменений, называлось прежде всего расширение круга действий по «управлению покорными туземцами» после водворения в крае «большого порядка и спокойствия» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 3, л. 1-2]. Ввиду важности вопроса он рассматривался в Главном штабе Кавказской армии. В результате уже спустя месяц новая структура, созданная для гражданского управления местным населением, стала называться Канцелярией по управлению горцами Терской области, войдя в качестве самостоятельного звена в областной войсковой штаб войск [там же, л. 7-7об.; ПСЗ-II, XXXV, 36278: 202].

В действительности, управление столь сложным в этническом, правовом и конфессиональном отношениях регионом было непростой задачей, требовавшей особых подходов к его административному обустройству. К тому же, новые социально-политические обстоятельства, в которых Северный Кавказ оказался накануне его окончательного «замирения», определяли необходимость разработки иной стратегии управления, адекватно отвечающей как задачам «слияния» края с Российской империей, так и потребностям социально-экономического развития населяющих его народов. Схема административного деления Кавказского наместничества, сложившаяся в начале 60-х гг. XIX в., не была свободна от недостатков, что уже обра-

щало на себя внимание современников (см., например, «Рапорт командующего Кавказской армией ген.-адъют. кн. Орбелиани военному министру, ген.-адъют. Милютину. 28 января 1862 г.»: [АКАК XII: 1253-1254]): она, скорее, отвечала представлениям самого Барятинского о должном порядке, при этом мало соответствуя реальным обстоятельствам места и времени. Установленная в ходе военных действий, она носила во многом случайный характер, не учитывая географических границ расселения народов и механически объединяя в пределах одной административно-территориальной единицы совершенно разные этносы, отличающиеся в языковом, культурном, религиозном и других отношениях. К примеру, основными этническими группами довольно пестрого по этническому составу Военно-Осетинского округа являлись осетины, кабардинцы, ингуши и пр. — «9 различных народностей, живущих в горах и на плоскости, находились в ведении владикавказского коменданта» [Ларина 1960: 134]. В то же время дробление прежних административных единиц, входивших в Кавказское наместничество, ничуть не облегчило процесс «слияния» края с Россией, а, напротив, привело к уничтожению единства в управленческой политике, ставшему следствием чрезмерного разрастания чиновничье-бюрократического аппарата.

Впрочем, все огрехи административной деятельности и даже «некоторая легкость к государственному казначейству» наместника Барятинского не вызывали особых нареканий благодаря его блестящим успехам главнокомандующего [Зиссерман 1891: 5, 6].

Терская область в силу своего стратегического значения, а еще более ввиду «возможности к сильному сопротивлению» российским властям со стороны местного населения представляла собой объект наиболее пристального внимания как самой кавказской администрации, так и центрального правительства, которое даже после окончания военных действий на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе вынуждено

было держать здесь значительный воинский контингент [НА СООИГСИ. Ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 13]. Непрерывающееся упорное сопротивление горцев чуждым их пониманию нововведениям российских властей, насаждавшимся военной силой и сопровождавшимся репрессиями [там же, л. 6-7, 13], практические неудобства в управлении, связанные с удаленностью начальника Терской области от мест, самоуправство начальников округов, пестрый этнический состав населения каждого из округов [там же, л. 12-13] — все это ставило перед кавказским руководством вопрос о необходимости усовершенствования административного обустройства Терской области. Кроме того, все законодательно-правовые акты, регламентирующие порядок управления областью, изданные в разные годы, имели временный характер и, будучи принятыми в военных условиях, в преддверии близившейся окончательной победы российского оружия на Северном Кавказе перестали адекватно отвечать меняющимся политико-административным задачам.

Руководствуясь именно этими соображениями, командующий Кавказской армией генерал-адъютант Г. Д. Орбелиани в январе 1862 г. обратился к военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину с рапортом, где изложил аргументы в пользу необходимости упорядочения управления в Терской области и приведения его административно-организационных форм в соответствие с действительными потребностями края [АКАК, XII: 1253]. Поручив генерал-майору Д. И. Святополк-Мирскому при вступлении того в должность начальника Терской области (сентябрь 1861 г.) разработку соответствующего положения, Орбелиани рекомендовал за образец взять Дагестанскую область, управление которой вполне, на его взгляд, удовлетворяло «потребностям народа и видам нашего правительства».

Подготовив проект управления Терской областью, Святополк-Мирский направил его на рассмотрение Орбелиани, снабдив документ пояснительной запиской, где представил собственное видение управления краем [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5,

д. 6, л. 1-6]. Излагая свою точку зрения, новый начальник Терской области обстоятельно доказывал важность особого подхода к управлению областью, которая во многих отношениях отличалась как от Дагестанской, так и Кубанской областей, и настаивал на дифференцированном подходе к разработке положений для каждого из этих регионов. Хотя записка командующего войсками Терской области и касалась главным образом вопроса учреждения в ней постоянной милиции, по сути в ней давался детальный анализ традиционной специфики горских обществ и обосновывалась необходимость учета в управленческой практике местных особенностей самоорганизации и соотнесения их с общеполитическими задачами империи в регионе. Подобные меры, по убеждению самого Святополк-Мирского, должны были «основать власть нашу... на нравственном влиянии и доверии туземцев к правительству, имея и употребляя военную силу только в виде вспомогательного средства» [НА СОИГСИ. Ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 18-19].

Однако стремление к регионализму высших кавказских чиновников, по долгу службы близко знакомых со спецификой края и на собственном опыте убедившихся в необходимости взаимной адаптации местных социокультурных особенностей и государственных интересов, явно противоречило намерениям столичных властей, спешивших утвердить российское владычество в далекой окраине всеми доступными средствами, из которых особое предпочтение отдавалось силе оружия и силе закона. Проект управления Терской областью, подготовленный региональной администрацией, в Военном министерстве было рекомендовано «более согласовать с редакцией положения для Дагестанской области как оказавшегося на опыте удовлетворительным» [АКАК, XII: 1265]; к тому же, отступление от уже испытанных административных схем имело бы, с точки зрения правительства, негативные последствия, не только нарушив унифицированный для всего Северного Кавказа административный порядок, но и показав нежелательный пример для дру-

гих местных управлений, которые тоже могли начать требовать изменений в пределах подведомственных территорий. Немаловажное значение имела и финансовая сторона вопроса, и одним из решающих доводов оказалось веление «всевозможного сбережения расходов казны» [там же: 1266]. В итоге «Положение об управлении Терской областью» после рассмотрения его в Кавказском комитете и Военном совете и внесения «некоторых изменений» [там же: 1265] было утверждено 29 мая 1862 г. [ПСЗ-II, XXXVII, 38326: 497-502]. Одновременно было принято и «Положение об учреждении в Терской области охранной стражи и земской полиции», в основе которого лежали соображения Святополк-Мирского: в охранную стражу набирались люди из местных жителей, причем из уважаемых фамилий, их служба приравнивалась к государственной и оплачивалась из казны. Земская полиция, в которую назначались «пятисототенные и сотенные» старшины и их помощники, передавалась в помощь участковым начальникам и наибам, и за службу старшинам и их помощникам полагалось жалованье от 5 до 20 рублей ежемесячно [ПСЗ-II, XXXVII, 38327: 502-503].

«Положением об управлении Терской областью» границы области определялись «к северу землями 4-й бригады Кубанского казачьего войска и Ставропольскою губерниєю, к востоку — Каспийским морем и р. Сулаком, к югу — Андийским и главным Кавказским хребтами, к западу — Кубанскою областью, от которой отделяется горою Эльборусом и водораздельною линиею, идущею от этой горы до истоков р. Кумы». Терскую область населяли Терское казачье войско, горские народы, жители города Владикавказа, немецкие колонисты и жители военных слободок. Область в порядке управления разделялась на три военных отдела (Западный, Средний и Восточный), одно Отдельное управление (для округа Кавказских минеральных вод) и одно Городовое управление (для города Владикавказа). Каждый отдел в свою очередь распадался на округа, в основу выделения которых был положен принцип «племенного различия жителей

Терской области» [НА СОИГСИ. Ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 22]: Осетинский (вместо упраздненного Владикавказского), Кабардинский, Ингушский — в Западном отделе, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский — в Среднем отделе, Кумыкский и Нагорный — в Восточном отделе [ПСЗ-II, XXXVII, 38326: 498-499], причем округа получали наименование «большею частью по народностям, их населяющим» [Административные отделы Кавказского края 1877-1878: 108]. Каждый из этих округов делился на участки; в Осетинском округе, который вошел в состав Западного отдела, вместо прежних восьми приставств было создано три участка, являвшихся административными единицами Осетии «к северу от главного хребта»: Тагауро-Куртатинский, Алагиро-Мамисонский, Дигорский. Остальные административно-территориальные единицы, состоявшие в ведении начальника бывшего Владикавказского военного округа, были преобразованы и переданы под начало других администраций: из Назрановско-Карабулакского и Горского участков формировался Ингушский округ [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 6, л. 36, 37]; Малокабардинский участок снова переходил в ведение начальника Кабардинского округа [там же, л. 30-30об., 31-31об.]. Этой мерой, отвечавшей идее бюрократического практицизма, достигалось выравнивание округов в численном и территориальном отношении⁴.

В результате административный аппарат Терской области был сформирован на достаточно простых основаниях, что в целом отличало систему управления в регионе в годы существования наместничества [Ерошкин 1997: 229], и допускал в свой состав представителей «туземного» населения, занимавших низовые посты. Эта идея, высказанная командующим Кавказской армией Орбелиани еще на этапе подготовки «Положения», аргументировалась целесообразностью разделения принципов назначения на руководящие должности в местных администрациях исходя из «готовности» населения принять русских в каче-

⁴ Подробнее о реорганизации административного аппарата в начале 60-х гг. см.: [Кобахидзе 2010: 226-232].

стве начальников: так, в Кабардинском, Осетинском, Ингушском и Кумыкском округах участковыми начальниками были поставлены российские офицеры, а начальниками ряда наибств, входивших в Восточный и Средний отдел, назначались представители местного населения, сами же наибства формировались по тейпам [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 1, д. 6, л. 22об.]. Орбелиани объяснял свою позицию следующим образом: «...в тех местностях, жители которых уже привыкли к русской власти, где многие из них уже знают русский язык, я считаю полезным поставить русскую власть по возможности в ближайšie отношения к народу. В прочих округах, где население еще не довольно подготовлено к этому, туземцы в должностях участковых начальников будут полезнее» [АКАК, XII: 1254].

Новое управление официально именовалось «военно-гражданским» и призвано было «достичь цели другим, лучшим, сообразным с духом христианской цивилизации» образом [НА СОИГСИ. Ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 17], иначе говоря — путем приведения системы управления горскими народами в соответствие с общероссийской.

В действительности, утвержденное в 1862 г. «Положение об управлении в Терской области» определяло систему администрирования лишь в самых общих чертах, предполагая разработку в ближайшем будущем достаточно большого числа особых инструкций, правил и постановлений, детализирующих и уточняющих целый ряд позиций, не нашедших должного отражения в этом законодательно-правовом документе: об управлении «туземными племенами», о порядке сельского управления, о деятельности народных судов и т. п. Именно такой путь — постепенной административной регламентации — представлялся на тот момент законодателю наиболее целесообразным [Рейнке 1912: 7], «подготавливая» (в терминологии самих администраторов) горцев к безболезненному принятию чуждых их укладу жизни нововведений. Однако поспешность, с которой правительство законодательно оформило общий порядок

управления в Терской области, свидетельствовала об обратном: желании Петербурга как можно скорее утвердить российское властное присутствие в регионе и снять, наконец, с повестки дня вопрос о существовании русской власти, «для горцев еще не вполне решенный» [РГИА. Ф. 866, оп. 1, д. 37, л. 1об.]. Введение положения об управлении только что созданной областью, видевшейся уже однозначно российской территорией, имело, скорее, символический смысл, означая безоговорочную победу российской власти в Кавказской войне и включение Терской области (хоть и в составе наместничества) в общегосударственное правовое поле.

Другая часть задачи сводилась к приданию области статуса административной единицы, которая управлялась бы по формально-бюрократическим правилам, единым для всей империи. (Не случайно несколькими годами позже, в 1865 г., кавказское руководство всерьез задумывалось о возможности и целесообразности использования административного опыта, приобретенного в Оренбургском крае по поводу «соединения под одним управлением казачьего, гражданского и инородческого населения», применительно к населению Северного Кавказа [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 10, л. 1].) Все последующие административные шаги, предпринятые в течение 60-х — начале 70-х гг. XIX в., в действительности выполняли именно эту задачу, отражая ориентацию правительства на централизацию и бюрократизацию властных позиций в регионе и постепенное ограничение исполнительно-распорядительных прерогатив региональной кавказской администрации за счет расширения сферы действия общероссийских порядков.

Очередной виток в реорганизации наместничества (и, соответственно, очередная смена принципиальной стратегии управления Северным Кавказом) связан с назначением на высокий пост в декабре 1862 г. великого князя Михаила Николаевича. Годы его наместничества стали для всего Кавказа, в том числе и его центральной части, тяжелым испытанием на адаптив-

ность вследствие ярко выраженных централистских убеждений великого князя. Бурная реформаторская деятельность нового кавказского наместника создавала впечатление того, что «администрация края собственно только и началась с 1862 г.» [Пфаф 1871: 204]. Административная горячка распространялась в том числе на аулы и села, где «ломались старые учреждения..., шла замена их сельскими правлениями и целым институтом низовых лиц администрации по типу сельских мест метрополии» [Материалы по истории осетинского народа 1942 а: 32].

Оценивая двадцатилетний период наместничества великого князя, С. С. Эсадзе разделил его на два этапа: основными задачами первого десятилетия стали и окончательное покорение Кавказа, и проведение крестьянской и судебной реформ, и преобразование главного и местного управлений. Мероприятия второго десятилетия, будучи результатом предшествующей работы, «стремились к осуществлению идеи правительства о приобщении Кавказа к общерусской гражданственности» [Эсадзе 1913: 50].

Первые годы деятельности нового наместника характеризует тенденция к «правильному» административному управлению краем, т. е. «постепенному» введению общегосударственных законоположений в соответствии с имеющимися средствами и возможностями. В то же время, декларируя обязательство «уважать свято их (народов Кавказа. — Е. К.) религию, обычаи и право земельной собственности» [НА СОИГСИ. Ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 17-22], власти никак не могли отказаться от прежних, уже испытанных, методов администрирования, опиравшихся главным образом на авторитет штыка: высшие административные должности в Терской области и во Владикавказском округе занимали представители Военного министерства, совмещавшие функции военного и гражданского управления и, в силу причастности к военному сословию, обладавшие соответствующим менталитетом. Таким образом, стремясь к максимальной централизации управления на Кавказе и одновременно выражая желание «по-

стоянно... держаться сколь можно ближе общих форм гражданского устройства, существующих для всей империи» (цит. по: [История Северо-Осетинской АССР 1987: 318]), правительство допускало все же возможность отступления от общих административных правил в конкретном случае управления Кавказом.

Центром Терской области стала крепость Владикавказ, к тому времени «сделавшаяся основным и главным пунктом прочного владычества России на Кавказе» [АКАК XII: 1185]. По ходатайству наместника крепость Владикавказ именным указом от 31 марта 1860 г. преобразовывается в город [ПСЗ-II, XXXV, 35648: 351-352]. Цель преобразования формулировалась прежде всего как экономическая: «в видах развития на Кавказе торговли и промышленности и водворения начал мирной гражданской жизни между покорными горскими племенами...»

Тем же указом утверждалось «Положение об управлении городом Владикавказом» [там же: 352-359]. Город выводился из системы комендантского управления и в порядке общего управления причислялся к ведомству командующего войсками Левого крыла Кавказской линии, находившегося «под непосредственным ведением и главным начальством Наместника Кавказского». Городское управление Владикавказом осуществлялось полицией, Городовым судом и «особыми чинами», среди которых значились городской архитектор, врач и стряпчий. Во главе полицейского управления находился городничий, на должность которого временно был назначен бывший полицеймейстер Владикавказа поручик Циклауров, впоследствии же предполагалось избрать городничим особого штабс-офицера [ЦГА РСО-А. Ф. 53, оп. 1, д. 1927, л. 5, 6-6об.].

Функции Городового суда определялись довольно широко: от хозяйственно-распорядительных до собственно судебных. Все действия, структура и штат Владикавказского городского суда регламентировались установлениями Свода гражданских законов (изд. 1857 г.), предназначенными для внутренних губерний России. Присутствие суда составляли

его председатель и два неперемных (т. е. постоянных) члена, а также два заседателя, «из коих один избирается обществом из среды жительствующих в Владикавказе потомственных или личных дворян, а другой из местных Осетин или других горных инородцев». К ведению собственно председателя суда были отнесены «все те предметы, кои возложены действующими законами на личную обязанность Городских Голов» [ПСЗ-II, XXXV, 35648: 353].

Уже 3 июня 1860 г. Владикавказский комендант полковник Наумов рапортовал начальнику Терской области генерал-адъютанту графу Н. И. Евдокимову о том, что и высочайший указ, и Положение о городе Владикавказе доведены до сведения всех его жителей [ЦГА РСО-А. Ф. 53, оп. 1, д. 1927, л. 1-1об.]. 1 июля 1860 г., после приведения к присяге избранных должностных лиц, Владикавказский городской суд «открыл свои действия» [там же, л. 16об.]. Но широта полномочий Городового суда, который исполнял функции городского управления, вела к тому, что суд не справлялся с возрастающим потоком гражданских дел. Кроме того, суду приходилось работать в постоянно изменявшихся обстоятельствах, связанных с притоком городского населения и усложнением городской инфраструктуры. Поэтому местные чиновники активно ходатайствовали перед вышестоящими инстанциями о расширении штата суда за счет местных уроженцев [там же, л. 52, 54, 58-58об., 60], но так этого и не добились — власти ссылались на недостаток средств для расширения штата Городового суда.

В связи с тем, что Владикавказ с 1863 г. становится юридически закрепленным центром Терской области [ССТО 1878: 60], Владикавказский городской суд был переименован в Городское общественное управление. За ним сохранялся весь прежний круг обязанностей «за исключением дел судебных и опекунских и крепостной части» — они передавались Терскому областному суду, как это предусматривалось в Положении об управлении Терской областью [ПСЗ-II, XXXIX, 40908: 458].

Дополнительный импульс к социально-экономическому развитию Владикавказа придало строительство железнодорожных путей сообщения, связавших Закавказье с центром России, о чем неоднократно ходатайствовал перед императором кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич [Главнейшие мероприятия 1878: 6]. В апреле 1875 г. началось сооружение Тифлисо-Бакинской и Владикавказо-Петровской линий и одновременно продолжились изыскания для составления окончательного проекта железной дороги от Ростово-Владикавказской линии к Тифлису, идущей через Кавказский хребет. И хотя политические осложнения в т. н. «восточном вопросе» приостановили проектную деятельность, железнодорожная магистраль протяженностью 720 верст, связавшая Владикавказ с Ростовом-на-Дону, а через него — с центром России, была все же закончена.

Движение по новой железнодорожной ветке началось 13 августа 1875 г. И прежде выгодные торгово-экономические позиции Владикавказа с обеспечением железнодорожных перевозок предопределили его лидирующую роль среди других кавказских городов. В течение 80-90-х гг. были проложены новые железнодорожные линии, соединившие Владикавказ с Екатеринодаром и Петровском, на чем настаивал еще наместник Михаил Николаевич [Главнейшие мероприятия 1878: 7] — Тихорецкая-Екатеринодар, Екатеринодар-Новороссийск, Беслан-Петровск. В докладе Владикавказской городской управы об экономическом и культурном состоянии г. Владикавказа от 24 октября 1889 г. особо подчеркивалось, что с проведением этой дороги за Владикавказом «окончательно упрочится то место, которое отведено ему самой природой. Находясь у подножия Главного Кавказского хребта, — говорилось в отчете, — Владикавказ служит естественным и ближайшим рынком как для сбыта произведений горцев: сукон, сыров, пушного товара, овчин, горского овса и других, так и для приобретения необходимых предметов. Кроме того, Владикавказские базары и рынки

снабжают Тионетский уезд Тифлисской губернии и сам Тифлис, а также часть Кутаисской губернии зерновым хлебом, горским сукном, бурками, рогатым скотом, лошадьми и вообще азиатскими изделиями. Владикавказ же отправляет по железной дороге в Ростов громадное количество кукурузы, пшеницы. Для примера, одной лишь фирмой Цоцхомова по официальным данным с ноября 1887 по апрель 1888 г. отправлено 637 вагонов: фруктов, овощей и других произведений своего хозяйства, а на Харьковскую, Полтавскую и Нижегородскую ярмарки: кожи, овчины, меха, воск и т. п.» [История Владикавказа 1991: 108].

Административная деятельность в Терской области в первой половине 60-х гг. XIX в. основывалась на принятом еще при Барятинском «Положении об управлении Терской областью», в котором подробно расписывалась организационная схема устройства в области также и судебной части: независимо от окружных и участковых здесь предусматривалось введение Главного (областного) народного суда Терской области [ПСЗ-II, XXXVII, 38326: 499].

Как правило, законодательные акты начала 60-х гг. XIX в., касавшиеся организации различных аспектов управления в крае, предназначались самим императором «в виде опыта», до «преобразования в Закавказье судебной части». Таким образом закладывались основы судебной реформы на Кавказе, занявшей особое место в деле распространения в крае «русской гражданственности». Реформа судебной системы 1864 г. положила начало дальнейшей последовательно направленной деятельности правительства на формализацию и бюрократизацию местного судопроизводства, в основе изменений которого лежала идея унификации судебных установлений для гражданского, военно-го и горского населения Северного Кавказа.

Инициативы великого князя по реорганизации судебно-административной системы в Кавказском наместничестве повлекли за собой разработку и утверждение очередных директив по его административному переустройству, реализация которых

была возложена на особый Комитет по преобразованию административных и судебных учреждений на Кавказе, созданный в начале 1865 г. Основная цель преобразований сводилась к разукрупнению административно-территориальных единиц наместничества: упразднению Западного и Восточного отделов (с сохранением окружной и участковой административно-территориальной модели) и передаче административных функций окружным военно-народным управлениям. Исключение составил лишь Средний отдел, где высшее руководство по-прежнему предоставлялось военному начальнику. В штате окружных управлений появляется должность чиновника для производства следственных дел [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 10, л. 17об.-30]. Были пересмотрены также штаты и порядок деятельности Терского областного суда, именуемого теперь Главным народным судом, в который наряду с прочими изменениями вводится новая должность прокурора [там же, л. 12об.-13]. А уже через год, в июне 1866 г., на Кавказе распространяется действие «облегчительных» правил судопроизводства и делопроизводства в существовавших судебных учреждениях [ПСЗ-II, XLII, 43441: 741-743], принятых годом ранее во всех российских губерниях, где действовало общее губернское учреждение [ПСЗ-II, XL, 48548: 29-40].

Очередной указ «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» от 9 декабря 1867 г. [ПСЗ-II, XLII, 45259: 382-386], видоизменил как систему высшего управления Кавказского и Закавказского края, так и его административную карту за счет увеличения числа губерний (в Закавказье образовывалась новая, Елисаветпольская) и изменения границ уездов [там же: 383]. Одновременно отменялись все правила, установленные кавказскими наместниками до 1856 г. относительно порядка управления в крае.

Совершенствование административной структуры Кубанской и Терской областей, судя по количеству законодательных директив, стало в эти годы предметом особого внимания пра-

вительства. И уже через два года, в декабре 1869 г., вышли в свет очередные «предположения» наместника об устройстве Кубанской и Терской областей, которые легли в основу Учреждения управления в Кубанской и Терской областях и были утверждены Указом Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 г. [ПСЗ-II, XLIV, 47847: 412-415]. Указом повелевалось «признать за благо» преобразования в управлении областями, произведенные «соответственно современному их положению и *тем изменениям, которые последовали в устройстве административных учреждений прочих частей империи Нашей...* (курсив мой. — Е. К.)» [там же: 412-413]. Произведенные на этот раз территориально-административные преобразования в Терской области заключались в разделении ее на семь полицейских округов (одним из которых стал Владикавказский), включении в область г. Георгиевска (исключенного из Ставропольской губернии) и официальном назначении г. Владикавказа областным центром. Управление Кубанской и Терской областями формировалось на основе общего губернского учреждения, а должности начальника округа и наказного атамана Терского казачьего войска соединялись в одном лице, подчиненном Главному начальнику Кавказского края: в гражданском отношении — как наместнику, а в военном — как главнокомандующему. За начальниками Терской и Кубанской областей оставлялись звания командующих войсками. При начальнике Терской области учреждалась должность помощника — «для облегчения его обязанностей как по гражданской, так и по военной части» [там же].

Таким образом, в результате активных действий правительства и высшего кавказского руководства, предпринятых в 60-х гг. в целях «слияния» Кавказа с Российской империей, возникли условия для учреждения здесь гражданского управления. Итогом этой деятельности стало постановление от 1 января 1870 г., которое вводило «гражданское устройство» в Терской и Кубанской областях [ССТО 1878: 99; Отчет по Главному управлению 1873: XII, 60-61], узаконенное высочайшим указом в мае

того же года [ПСЗ-II, XLV, 48429а: 11-12], а прежние моноэтничные округа (Осетинский, Ингушский) объединялись в пределах Владикавказского округа. Введение общегражданских учреждений на территории Терской и Кубанской областей означало, что горское население формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением.

Основной задачей, поставленной перед окружной администрацией, было «содействие к скорейшему обрусению края» путем «постоянного и осторожно направленного сведущими мировыми судьями» перехода от обычно-правовой основы жизнедеятельности обществ к государственной-правовой и постепенного введения в Осетии русского общинного устройства [Пфаф 1871: 204]. В этом процессе особая роль отводилась широкому развитию образования и торговли вплоть до открытия в селах лавок, духанов и постоянных дворов. Обозначенные задачи предписывалось решать расширением школьной сети и улучшением путей сообщения. Администрации помимо распорядительных полномочий вменялись и фискальные функции, заключавшиеся в контроле над раскладкой государственных повинностей.

В общероссийскую административную систему постепенно вводились и кавказские города, которые все более превращались в крупные торгово-промышленные центры региона с постоянно растущим населением. В начале 70-х гг. в отдельных городах наместничества стало применяться новое Городовое положение, принятое 16 июня 1870 г. (см.: [ПСЗ-II, XLV, 48498: 821-839]): с 1 января 1875 г. во Владикавказе, затем в Пятигорске, Моздоке [ССТО 1878: 63, 72, 84]. В этих городах учреждалось городское общественное управление, которое ведало широким комплексом вопросов, касающихся производственных, хозяйственных, финансовых, культурно-образовательных и иных аспектов городской жизни.

Средоточием хозяйственно-административной деятельности в Терской области становится город Владикавказ. К концу

70-х гг. в нем размещались все гражданские и военные областные учреждения: областное правление, канцелярия начальника области, межевое управление, Владикавказский окружной суд, съезд мировых судей Владикавказского округа, войсковое хозяйственное правление, Штаб войск Терской области, Владикавказское окружное полицейское управление, Комиссия для разбора сословных прав Кубанской и Терской областей и таможенный надзор в области; IV отделение управления Министерства путей сообщения; управления: губернского воинского начальника, Терской инженерной дистанции, 20-й артиллерийской бригады, атамана 2-го военного отдела Терского казачьего войска, инспектора Терской постоянной милиции и, наконец, штаб-квартиры расположенных в городе войск [там же: 64].

Конфигурация, отменявшая этнический принцип формирования территориально-административных единиц, была воспроизведена и в новом порядке управления, учрежденном несколькими годами позже, в 1876 г. [Учреждение управления Кавказского и Закавказского края 1876: 32]. Управление Кубанской и Терской областями предписывалось осуществлять на основе общего губернского учреждения и дополнявших его законоположений Российской империи. Основная цель преобразований, по мнению Государственного совета, где обсуждался проект нового управления Терской и Кубанской областями, соответствовала «постоянному стремлению правительства постепенно устранять в присоединенных к России местностях такие отличия от общедействующего в империи порядка суда и администрации, которые уже не вызываются ни особенным положением, ни местными условиями края» [Эсадзе 1907 II: 85].

Пореформенная «перестройка» окончательно смела не одни лишь традиционные институциональные формы местного судопроизводства: стремление высшей кавказской администрации реформировать все и вся коснулось и системы общественной самоорганизации горских обществ. Тем же указом

от 30 декабря 1869 г. за кавказским наместником оставлялось право самостоятельной разработки механизма «надлежащего устройства аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления» и определения времени введения здесь «мировых учреждений на *одинаковых основаниях с занятыми русским населением местностями* (курсив мой. — Е. К.)» [ПСЗ-II, XLIV, 47847: 415]. Наместнику рекомендовалось постепенно применять по отношению к горцам правила общего положения от 19 февраля 1861 г. с учетом соответствия их «обычаям и нравам означенного населения».

В Петербурге придавали столь серьезное значение этой стороне административной деятельности в Кавказском наместничестве, что обсуждение проекта общественного устройства местного населения предоставлялось центральным ведомствам: Главному комитету об устройстве сельского состояния и Государственному совету. Право окончательного утверждения новых положений император оставлял за собой.

Стандартизация управления в различных областях региона в 60-70-х гг. XIX в. требовала и соответствующих изменений в судебно-процессуальной сфере. Реформированием судебной системы на Северном Кавказе власти, по ходатайству наместника, занялись после проведения в России судебной реформы 1864 г. — в 1868-69 гг., начав со Ставрополя, а в конце 1869 г. введя новые судебные уставы в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе [ПСЗ-II, XLIV, 47848; ПСЗ-II, XLV, 48429а]. Время введения новых законоположений было оставлено «ближайшему усмотрению наместника» и по его же предложению было отложено до 1 января 1871 г. ввиду необходимости проведения ряда подготовительных мер. Именно в этот день и были одновременно открыты административные и полицейские учреждения в Терской и Кубанской областях, окружные суды во Владикавказе и Екатеринодаре, а также мировые суды во всех предназначенных для этого местах [ПСЗ-II, XLV, 48968; Отчет по Главному управлению 1873: 62].

С середины 60-х гг. XIX в. в стране отмечается некоторая либерализация организационно-бюрократических принципов управления, выразившаяся в частичной передаче исполнительных функций от военных лиц к гражданским: так, императорским указом от 27 октября 1866 г. было предписано уменьшить число военных офицеров в таких гражданских должностях, как полицмейстерская, городничего, уездного исправника и его помощника. Согласно указу, военным офицерам, занимающим перечисленные должности, следовало либо уволиться со службы, либо быть переименованными на общих основаниях в гражданский чин [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 371]. Но для Кавказа этот закон не обрел обязательного характера: существовавший там порядок замещения гражданских должностей военными офицерами был сохранен «еще на некоторое время», и «главный начальник края» по-прежнему мог назначать военных на гражданские должности «без ограничения» и «смотря по надобности» [ПСЗ-II, XLII, 44942: 40-41].

Очевидно, что на Северном Кавказе усиление гражданских начал в управлении в 60-х гг. XIX в. не было безусловным: главной заботой администраторов являлось распространение «российской гражданственности» в «туземном населении» края, чего, по убеждению властей, настоятельно требовал «разумный интерес самих горцев, культурные задачи соседнего с ним русского населения и, наконец, общий государственный интерес» [Рейнке 1912: 3]. И уже к концу десятилетия, по мнению наместника великого князя Михаила Николаевича, «дело гражданско-го развития некоторых горских населений» продвинулось настолько, что стало возможным «подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям» [Всеподданнейший отчет 1870: 119].

Итогом деятельности кавказской администрации, направленной на решение этой генеральной задачи, стало постановление, вышедшее в свет 1 января 1871 г. и провозглашающее введение в Терской и Кубанской областях «гражданского устрой-

ства» [ССТО 1878: 99; Отчет по Главному управлению 1873: XII, 60-61]. Это событие, как справедливо считал наместник, имело огромное значение для областей, где вводились общие гражданские учреждения и судебные уставы 1864 г.

Таким образом, официальная переориентация управления Северным Кавказом от «военно-народного» к «гражданскому» знаменовала окончательное утверждение российской «гражданственности» в регионе и сознательный отказ от военных методов управления краем, слившимся в организационно-административном и правовом отношениях с остальной частью империи. Административные границы наместничества по сути перестали определять автономность Кавказа как отдельного субъекта российской политики, очерчивая лишь пространственные пределы власти самого наместника и действующих в крае официальных государственных институтов.

Новое положение о наместничестве, принятое в 1876 г. под названием «Учреждение управления Кавказского и Закавказского края», утверждало уже внедренные указом от 9 декабря 1867 г. принципы организации административной деятельности в наместничестве: усмотрению наместника предоставлялось все, что касалось внутреннего устройства административных учреждений Кавказа [Учреждение управления Кавказского и Закавказского края 1876]. В иерархической структуре годом ранее сформированного аппарата административного управления в качестве высших звеньев обозначались: Главное управление наместника, действующее в соответствии с правилами учреждения министерств; местные учреждения — губернские, уездные и городские, волостные и сельские — руководствовались общим губернским учреждением; судебные установления — основывали свою деятельность на Судебных уставах и гражданских законах. Деятельность Главного управления, в состав которого входили ведомственные учреждения с функциями министерств и комитетов, определялась общегосударственными законами, изданными для соответствующих центральных ведомств.

«Учреждением» закреплялось административное деление Терской области на семь округов: Пятигорский, Владикавказский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский; управление областью должно было производиться на основании Общего губернского учреждения с некоторыми изъятиями [там же: 32]. Областное управление строилось по иерархическому принципу и подразделялось на: областные учреждения; уездные (окружные) и городские учреждения; станичные, сельские, в колониях и в горских аулах управления, судебные установления [там же: 32-36]. Относительно судебной части право определения времени создания мировых учреждений в местностях, занятых горским населением, снова предоставлялось самому наместнику.

«Учреждением» 1876 г. подтверждался принцип соединения военной и гражданской власти, отразившийся в должностной номенклатуре: что касалось самого наместника, то он являлся еще и главнокомандующим войсками края, начальник же области объявлялся наказным атаманом казачьего войска, причем в гражданском отношении он подчинялся главному начальнику Кавказского края как наместнику, в военном — как главнокомандующему.

По сути, «Учреждение» 1876 г. не расходилось с принятым в 1869 г. сводом установлений по управлению краем, оно лишь обобщало некоторые частные вопросы, касавшиеся конкретных служб и управлений (учебного, почтового, имуществ и пр.). Отсутствие принципиальных изменений в концептуальном подходе к гражданскому управлению на Северном Кавказе за прошедшие семь лет, особенно заметных на фоне реформирующих преобразований его частных аспектов, свидетельствовало о том, что правительство, наконец, нащупало контуры такой административной модели, которая могла удовлетворять современным политико-административным задачам, возникшим в ходе быстрой капитализации экономики России, — созданию условий для экономического развития региона, освоению его

земельного фонда, расширению товарного рынка и оборота капитала. И по убеждению самого наместника, великого князя Михаила Николаевича, многочисленные реформы, обрушившиеся на Кавказ в период его наместничества, должны были ускорить полное слияние Северного Кавказа с Россией.

Однако многие из его преобразований (городовые положения, нововведения в сфере судоустройства и пр.) плохо прижились, обостряя и без того накопившиеся противоречия как между самой администрацией и местными жителями, так и между различными группами населения. В процессе лихорадочного освоения Кавказа в период Великих реформ государственно-административные преобразования шли чересчур поспешно, по общероссийскому шаблону; по свидетельству участника происходивших здесь событий, «многие из мероприятий по устройству Кавказа... совершенно не соответствовали местным условиям, складу местной жизни, или были, по меньшей мере, преждевременными... не только не принесли пользы делу, но часто были положительно вредными для жизненных интересов местного населения и русского дела в крае» [Гершельман 1908: 71].

Признавал несоответствие результатов официальных мероприятий тем усилиям, которые прилагались к достижению давно обозначенной цели — «установлению духовной и экономической связи Кавказа с Россией, в смысле водворения здесь не одной только русской правительственной власти, но и русского национального влияния» [Главнейшие мероприятия 1878: 2], — и принесенным во имя этой цели жертвам и сам великий князь, который спустя пятнадцать лет своего наместничества пришел к неутешительному выводу о неудовлетворительности и одностороннем характере российской политики на Кавказе. Будучи направленной на «увеличение материального благосостояния населения и поднятие нравственного его уровня», административная деятельность правительства за весь долгий период обладания Кавказом, по его компетентному мнению, так и не привела к «желанному результату политического единения» и,

более того, поднятием благосостояния местных жителей создав условия, способные породить для властей новые затруднения и опасности [там же: 3-4]. По заключению наместника, горцы Кавказа находились в переходном положении, поскольку «старые вековые основы здания их общественного порядка и быта заменяются новыми, и самое здание подвергается последовательной и, нужно сказать, несколько поспешной перестройке» [Всеподданнейший отчет 1870: 115]. Именно эта поспешность делала сомнительными все усилия кавказской администрации по «духовному» сближению двух различных миров, установлению взаимного доверия и приятия. Тот же Михаил Николаевич с сожалением констатировал, что на вопрос — есть ли доверие со стороны местного населения Кавказа, — «нужно отвечать положительно, что доверия еще нет; есть только меньше, чем было прежде, недоверия» [там же: 117].

Для того, чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию, чтобы «слить чуждые народности в одну общую жизнь, в одно целое с господствующей народностью в государстве», необходимо было употребление более гибких и одновременно более разнообразных («цивилизационных» — по выражению наместника) мер, предполагающих в том числе привлечение «русского народного элемента» [там же: 3].

«Опыт централизации дал печальные результаты»

Начало 80-х гг. XIX в. ознаменовалось резким обострением внутривластной обстановки в России, сложившейся после убийства императора Александра II, а сам этот период в историографии устойчиво определяется как эпоха «контрреформ». Изменение политического курса правительства болезненно отразилось на национальных окраинах и, в частности, на Кавказе, где была решительно изменена вся система управления. В правительственной политике усиливается, если не сказать — гипертрофируется, тенденция к централизации управления, что ставит на повестку дня вопрос о допустимости такой специфической формы административного устройства, как наместничество. В свете новых социально-политических реалий административная самостоятельность кавказского наместника, даже и в значительно урезанном после преобразований 60-70-х гг. виде, представляется излишней, поскольку, как считали в Петербурге, оставляет регион вне сферы влияния внутренней политики центральных ведомств и тормозит распространение в нем российской государственности.

И решительный шаг был сделан: 22 ноября 1881 г. упраздняется должность кавказского наместника, а в начале следующего года ликвидируется и само Кавказское наместничество. Вместе с ним распускается и Кавказский комитет, чьи полномочия окончательно переходят к Кабинету министров [ПСЗ-III, II, 637: 28; ПСЗ-III, II, 638: 28-30]. Край передается в подчинение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе с ограниченной самостоятельностью, который одновременно назначается и командующим войсками Кавказского военного округа.

С 1 января 1882 г. эту должность занял генерал от кавалерии, генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков, которого в июне 1890 г. сменил С. А. Шереметев, прослуживший в качестве главноначальствующего до декабря 1896 г., а его в свою очередь — генерал от инфантерии, генерал-адъютант Г. С. Голицын.

Прежде относительно самостоятельный в административном отношении регион превратился теперь в обычную территориальную единицу империи, все уровни исполнительной власти в которой были интегрированы в общегосударственный управленческий аппарат. После ликвидации автономии Кавказа прерогативы управления краем переходят к центральной власти и канцелярии генерал-губернаторов.

Первого главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А. М. Дондукова-Корсакова знали здесь как «опытного воина-кавказца», прибывшего в край, который «взлелеял его с юношеских лет и хорошо помнил о нем как об одном из своих прежних деятелей». К тому времени новый «главный начальник» уже имел репутацию опытного администратора: Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора, «организатора Болгарии», куда по условиям Сан-Стефанского договора 1878 г. он был назначен российским императорским комиссаром, временного Харьковского генерал-губернатора и командующего войсками Харьковского военного округа [Волконский 1883: 1, 31, 32, 38]. Будучи еще в начале 40-х гг. чиновником особых поручений при А. И. Нейдгардте, Дондуков-Корсаков затем стал ближайшим сподручником следующих двух главнокомандующих — М. С. Воронцова, у которого он был адъютантом, и сменившего его Н. Н. Муравьева, близко познакомившись таким образом и с Кавказом, и с разными стилями руководства регионом.

В соответствии с новым указом «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» от 26 апреля 1883 г. [ПСЗ-III, III, 1521: 186-187] законодательно учреждается принципиально иная структура управления Кавказом: ее высшими звеньями становятся главноначальствующий гражданской частью и его помощник, Совет главноначальствующего, управление отдельными частями разных ведомств и трансформированная из прежнего Главного управления наместника канцелярия главноначальствующего. Дела из упраздняемых учреждений наместничества передаются в соответствующие центральные

ведомства — министерства, главные управления, а также в канцелярию главноначальствующего.

Тем же апрельским указом 1883 г. узаконивается новое Учреждение управления Кавказского края [ПСЗ-III, III, 1522: 187-205], в соответствии с которым на Кавказе вводится губернская административная система с соблюдением общих правил, регламентирующих отношения местной администрации с главноначальствующим. Начальникам областей вручались права и обязанности губернаторов. По мнению Государственного совета, «законом этим за названной (кавказской. — *Е. К.*) окраиной сохранено, правда, значение особой административной единицы, но вместе с тем, по возможности, сближено с внутренними губерниями империи» [Деятельность Государственного совета 1900: 136]. С июля 1883 г., одновременно с упразднением должности Командующего войсками Терской области, начальнику Терской области присваивались права военного губернатора [ПСЗ-III, III, 1686: 354].

Между тем, централизация управления Кавказом имела и обратную сторону, поскольку необходимость согласования действий региональной администрации с центральными ведомствами замедляла разрешение местных, подчас острых, проблем. Мешала этому и значительная удаленность региона от управляющего центра империи. Чтобы несколько разрядить ситуацию и ускорить решение сугубо региональных вопросов, хотя бы и ведомственного характера, в июне 1887 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета об усилении полномочий главноначальствующего гражданской частью, его Совета, а также расширении пределов власти губернаторов и начальников областей на Кавказе за счет включения в сферу их компетенции вопросов местного значения [ПСЗ-III, VII, 4559: 301-303].

В то же время правительство, заинтересованное в оптимизации расходов казны на содержание Терского казачьего войска, начало подготовку по усовершенствованию администра-

тивной деятельности в северокавказском регионе и казачьем войске.

Вступив в должность командующего войсками Кавказского военного округа, Дондуков-Корсаков в рапорте военному министру от 7 апреля 1883 г., докладывая о состоянии военного управления на Кавказе, поднял «важный в государственном смысле вопрос» о «необходимости поддержания казачества на Северном Кавказе» [РГИА. Ф. 565, оп 1, 1 отд., 3 ст., д. 4398, л. 16]. Внимание к казачеству объяснялось, во-первых, тем, что в своих действиях главноначальствующий и командующий войсками округа руководствовался данными ему императором указаниями, в том числе и по поводу «преобразования внутреннего управления Кавказских казачьих войск с целью поддержания и сохранения казачества как особого сословия в государстве» [Всеподданнейшая записка 1890: 1], а во-вторых, еще и тем, что в конце 50-х — начале 60-х гг. сам Дондуков-Корсаков служил в Войске Донском — сначала в распоряжении наказного атамана, а затем в должности начальника штаба Войска Донского [Волконский 1883: 29]. В своем рапорте главноначальствующий выражал сожаление по поводу того, что хотя начальнику области и присваивалось звание наказного атамана, «но всем внутренним бытом казаков он ведает в качестве гражданского правителя чрез областное правление и уездных и окружных начальников...» [РГИА. Ф. 565, оп 1, 1 отд., 3 ст., д. 4398, л. 17об.]. Эта ситуация сложилась после реорганизации управления Кубанской и Терской областями в 1869 и 1870 гг. (т. е. еще в бытность кавказским наместником великого князя Михаила Николаевича), в результате которой казачье население Кубанского и Терского казачьих войск оказалось изъято из исключительного ведения войсковых военных учреждений и подчинено по гражданской части общим гражданским учреждениям этих областей.

Главным же затруднением, конечно, было то, что в ведении гражданских властей, занимающихся всем, что «касается бытовых условий названного населения», оказалась и воинская по-

винность, размеры и порядок отбывания которой определялись учреждениями гражданского ведомства. Между тем, именно воинская повинность являлась «одним из главнейших бытовых условий казачьего населения», всеобщая обязательность которой компенсировалась различными льготами в гражданском быту и увеличенным земельным наделом. «Очевидно, что при таких условиях казачье население не должно быть обременено какими либо новыми повинностями, которые могли бы неблагоприятно отразиться на материальном быте этого населения и сделать его, таким образом, неспособным к отбыванию лежащей на нем воинской повинности, — считали в окружном штабе Кавказского военного округа. — В виду этого, по всем казачьим войскам представления, относящиеся и до гражданской части казачьего населения, восходят на разрешение в законодательном порядке чрез Военное Министерство. Но подобный порядок относительно кавказских казачьих войск, сколько известно, вовсе не соблюдается, как по отсутствию указаний на сей предмет в приведенных выше положениях 1869 и 1870 годов, так и вследствие того, что общие областные учреждения Терской и Кубанской областей не подчинены военному ведомству.

Отсутствием в существующих законоположениях указаний о порядке производства и совместного между военным и гражданским ведомством обсуждения общих дел, касающихся казачьего населения Кавказских казачьих войск, между прочим объясняются и причины, по коим Главным Управлением казачьих войск адресуются ныне в Окружной Штаб требования по таким делам, которые подлежат ведению Главного Управления Наместника, как-то: об ускорении работ по обмежеванию станичных юртов и офицерских участков, об устройстве в станицах опекунской части, об установлении упрощенного порядка совершения сделок на недвижимые имущества казаков и т.п.

По отсутствию же надлежащих указаний, областные правления, действуя по отношению к казачьему населению на основании общих губернских учреждений, устраняют себя от многих

подлежащих их ведению дел, считая таковые войсковыми, а уездные и окружные начальники не редко оставляют без исполнения требования Атаманов военных отделов о привлечении к ответственности станичных правителей за неисполнение ими обязанностей службы по военной части, считая их исправными по гражданской части.

С другой стороны, Войсковые Хозяйственные Правления, учрежденные для заведывания войсковыми контингентами и различными отраслями хозяйства, состоящими в ведении Военного Министерства, вынуждаются вести множество дел подлежащих ведению областных правлений, как-то: о войсковых тюрьмах, больницах, пароммах, мостах, станичных школах и т.п.

Устранение такого ненормального порядка особым разрешением по каждому частному случаю, при отсутствии в существующих положениях твердого для сего основания, не достигло бы желаемой цели, так как данное, таким образом, разрешение по военному ведомству могло бы встретиться с противоположным разрешением на тот-же случай по гражданскому ведомству и обратно.

В виду этого его Императорское Высочество, Главнокомандующий Кавказскою Армиею, в присутствии Вашего Превосходительства (Наказного атамана Терского казачьего войска. — Е. К.), Наказного Атамана Кубанского казачьего войска и Начальника Главного Управления Наместника Кавказского, изволил лично подвергнуть обсуждению существующий порядок управления казачьим населением названных войск, как по военной, так и по гражданской частям, и лично же поручил Вам представить Его Высочеству подробные соображения Ваши о способе устранения существующих в означенном порядке неудобств» [ЦГА РСО-А. Ф. 54, оп. 6, д. 22, л. 1-Зоб.]. Однако сам Михаил Николаевич проблеме управления казачьими войсками разрешить не успел — этим вплотную занялся его преемник Дондуков-Корсаков.

Сторонник сохранения казачьей самобытности, Дондуков-Корсаков высказывал те же претензии к действовавшей

системе администрирования казачьим населением региона: двойственность подчинения Кавказских казачьих войск вела к неразделенности полномочий и обязательств областных гражданских учреждений и войсковых правлений. По мнению командующего войсками округа, соединение в одном лице званый наказного атамана, начальника области (т. е. губернатора), а в Терской — еще и командующего войсками «лишило казачьи войска ближайшего, непосредственного попечителя о всех их нуждах» [РГИА. Ф. 565, оп 1, 1 отд., 3 ст., д. 4398, л. 18].

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, Дондуков-Корсаков предложил на рассмотрение в Военное министерство собственный проект «преобразования управления Кавказскими казачьими войсками в связи с сопредельным инородческим населением» [там же, л. 17]. Первым, на что указывалось в проекте как на необходимую меру, было предложение подчинить как казачье, так и иногороднее население в полицейско-административном отношении Военному министерству, ибо «такой порядок, ни в чем не нарушая установившихся условий гражданского строя населения и не стесняя его экономического развития, обеспечил бы за казаками более единообразия в управлении на своей территории, без участия лиц и учреждений постороннего ведомства, вносящих чуждые элементы в самобытный склад казачьей жизни» [там же, л. 18об.]. Звания уездного или окружного начальника предлагалось соединить со званием атамана отдела в одном лице, а территории проживания горского населения Терской области (за исключением Малой Кабарды и ряда чеченских аулов на правобережье Терека) отделить в административном отношении от войсковой территории Терского казачьего войска. Это касалось Осетии, Кабарды, Большой и Малой Чечни и Кумыкской плоскости, административное устройство которых зависело от «ближайших соображений с местными условиями» [там же, л. 19]. Высшее управление казачьими войсками, по мнению главноначальствующего, необходимо было сосредоточить в руках войскового наказного атамана Кавказских казачьих

войск и присвоить это звание Командующему войсками Кавказского военного округа, что сохранило бы «самобытность войсковой администрации» [там же, л. 19об.].

В ответ на ходатайство Дондукова-Корсакова для рассмотрения вопроса о преобразовании управления Кавказскими казачьими войсками в августе 1883 г. последовало высочайшее решение о создании особой комиссии с участием представителей Военного и других министерств [там же, л. 20], работавшей в 1883-1884 гг. В результате к февралю 1886 г. созрел проект «Положения об управлении округами горского населения Терской области», в котором в принципе был решен вопрос о подчинении административного управления обеих северокавказских областей Военному министерству и пересмотрены проекты о преобразовании управления кавказскими казачьими войсками [там же, л. 22-23об.]. При этом подчеркивалось, что если введение подобной меры не встретит никаких затруднений в Кубанской области, то в Терской, где общая администрация создавалась как для казачьего, так и для более чем вдвое превосходящего его по численности горского населения, все должно было выглядеть несколько иначе [там же, л. 68]. Основой нового положения стало «Учреждение» 1883 г., отступление от ряда статей которого вызывалось необходимостью передачи всей региональной администрации в ведение Военного министерства.

В проекте «Положения об управлении Кубанской и Терской областями и Терскими казачьими войсками» была представлена иная по сравнению с существовавшей территориально-административная модель: наряду с окружной системой предлагалось ввести деление территории, занятой казачьим населением, на отделы, к которым в административном отношении причислялось и проживавшее там гражданское население. Окружная система сохранялась и для гражданского (в том числе горского) населения. Как для обеих областей (Терской и Кубанской), так и для казачьих войск в качестве основных управляющих инстан-

ций наряду с главным управлением обозначались и местные административные установления (в том числе казачьи, сельские и горские). Общее управление областями и войском передавалось в ведение Военного министерства. Проектом предусматривалось, что главное местное управление Кубанской и Терской областями должно быть вверено Главному начальнику Кавказского края, который управляет казачьими войсками со всем включенным в их отделы населением (за исключением горского) на правах Войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск, а Черноморским округом и горским населением региона — на правах Командующего войсками Кавказского военного округа, городами же обеих областей — по званию главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Местное управление Кубанской и Терской областей и входящих в их пределы казачьих войск поручалось начальнику области (он же — наказной атаман соответствующего казачьего войска) и Областному правлению [там же, л. 4-5].

В 1886 г. принимается Учреждение управления Кавказского края, подтвердившее полномочия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и сложившуюся после упразднения наместничества систему управления регионом по территориально-окружной административной модели [Учреждение управления Кавказского края 1886: 1-24]. А 21 марта 1888 г., спустя год после разработки проекта «Положения об управлении округами горского населения Терской области», выходит именной указ Правительствующему Сенату, которым повелевалось «признать за благо» преобразовать управление Терской и Кубанской областями и Черноморским округом «на началах объединения административного их устройства с гражданским управлением поселенных в названных областях казачьих войск» [ПСЗ-III, VIII, 5076: 97-98.].

В соответствии с указом от 21 марта 1888 г. Положение «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом» [ПСЗ-III, VIII, 5077: 98-105] устанавли-

вало новые принципы управления Северным Кавказом, в результате которых не только войсковое сословие, но и гражданское население региона поручалось командующему войсками Кавказского военного округа, а на местах — в Кубанской и Терской областях — атаманам казачьих войск с правами генерал-губернаторов. Горское население было подчинено управлению командующего войсками Кавказского военного округа. В целом сельское управление (станичное и аульное) строилось на основании правил Учреждения управления Кавказского края 1886 г. Полицейское и административное руководство в округах осуществлялось начальниками округов, аналогичные функции в казачьих отделах выполняли атаманы отделов. Во Владикавказе и Моздоке образовывались отдельные полицейские управления, подчинявшиеся непосредственно Областному Правлению.

По новому Учреждению, как это и предусматривалось в проекте 1886 г., край переходит в ведение Военного министерства, управляясь Войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск, которому по гражданскому управлению вверялись все права и обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, а в военном отношении — права и обязанности командующего войсками Кавказского военного округа.

Терская область преобразовывается, разделяясь на три казачьих отдела (Пятигорский, Кизлярский и Сунженский) и четыре округа (Владикавказский, Нальчикский, Хасав-Юртовский и Грозненский). Высшие административные должности в области и округах занимали военные в чине не ниже полковника; начальниками участков, исполняющими обязанности станových приставов [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 52, д. 276, л. 154], также назначались военные, чаще всего в звании штабс-капитанов.

Реформа начала осуществляться с 1 июля 1888 г. В результате преобразований территориально-административные единицы бывшего Кавказского наместничества оказались на общих основаниях включены в общероссийскую административную

систему, но Северный Кавказ по предложению первого главноначальствующего гражданской частью оказался в ведении военного ведомства⁵.

Несмотря на радикальную ломку сложившейся в период местничества административной модели, заново сформированный военно-бюрократический управленческий аппарат в функциональном отношении дублировал в целом общегражданскую губернскую административную систему, на что впоследствии отдельно указывал новый кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков: «...военные губернаторы и окружные начальники с их помощниками, состоя на службе по военному ведомству, ныне уже являются представителями не армии, а чисто гражданского управления, и функции их не заключают в себе ничего военного, а представляются только объединенными в руках этих должностных лиц функциями обычных губернского и уездного управлений» [Всеподданнейшая записка 1907: 123]⁶.

⁵ Сменив Дондукова-Корсакова на посту главноначальствующего, С.А. Шереметев продолжил его курс. Прежде всего, он последовательно проводил в жизнь идею об административной самостоятельности казачьего войска и, как и его предшественник, резко высказывался против стеснения станичников в земельном отношении как следствия правительственной переселенческой политики, разрешающей иногородним переселенцам, прибывающим на Кавказ в поисках лучшей доли, селиться на войсковых землях и приобретать в собственность находящуюся на них недвижимость.

⁶ Кавказское руководство явно тяготилось мизерностью своих административных прерогатив, горячо доказывая необходимость не только возвращения «главному начальнику края» всего объема прав и полномочий, которыми прежде пользовались наместники, но и восстановления на Кавказе самого наместничества (см.: [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 1, кн. 2, д. 3132, л. 2-2об.]). Соображения по этому поводу двух первых главноначальствующих на Кавказе — А.М. Дондукова-Корсакова и С.А. Шереметева, — рассматривались Николаем II. «Не могу не согласиться с этим взглядом», — отмечает император на первых страницах конспекта «Записки» Шереметева, где доказывается необходимость расширения пределов власти главноначальствующего [Мацузато 2004: 5, 441]. Аргументация Шереметева сводилась к нежелательности

Практика дробления территориально-административных единиц с назначением на высшие управленческие должности военных чинов представлялась правительству оптимальным административным решением. Как и прежде, разрастание чиновничьего контингента разрушало принцип единства управления, тяжелым бременем ложась на государственную казну, но в сложившихся социально-политических условиях увеличение численности чиновников в регионе вполне отвечало правительственным интересам, гарантируя должный государственный контроль над местным обществом и являясь своего рода залогом и одновременно косвенным показателем эффективности внутренней политики.

Следует подчеркнуть, что принимаемые указы и очередные административные реформы по реорганизации структуры властной вертикали и усилению государственного контроля над административной деятельностью в области и на местах касались лишь высших звеньев управленческой иерархии, значительно

осложнений с мусульманами Закавказья, которые «тяготееют по своим вероисповедным симпатиям к населению соседних государств и легко восприимчивы к беспорядкам». Новые условия, в которых оказался Кавказ со времени упразднения наместничества, по убеждению главноначальствующего, требовали проведения важных административных мер, успешность которых могла гарантировать только централизация местных административных органов по разным отраслям управления под властью «главного начальника края» [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 1, кн. 2, д. 3132, л. 2об.]. Достижения же единства в управлении можно было добиться не только осуществляя надзорные и контролирующие функции, оставленные за главноуправляющим после упразднения наместничества, но и воздействуя на местные органы, подведомственные различным центральным учреждениям, в разрешительном порядке [там же, л. 2]. Настойчивость кавказской администрации привела к появлению в марте 1897 г. новых временных правил относительно прав и обязанностей главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, в соответствии с которыми высшему кавказскому начальству давалось практически неограниченное право надзора и ревизии деятельности местных чиновников вплоть до использования в необходимых случаях «силы закона» [ПСЗ-III, XVII, 13818: 97-98].

расширяя и без того широкие полномочия губернаторов и областного начальства. На низовых же уровнях административного аппарата принцип концентрации управления оставался нереализованным, что выразилось в мозаичности и пестроте форм управления различными административными поселениями и этносоциальными группами населения. К примеру, казачьи станицы и осетинские села, расположенные в непосредственной близости и входившие в один участок, имели разные органы управления: первыми заведовал атаман, вторыми — старшина; в слободах для населения русских кварталов назначались старосты, для осетинского — сельское управление во главе со старшиной [История Северо-Осетинской АССР 1987: 333].

Начальникам округов предоставлялись практически неограниченные административные полномочия в пределах подчиненных им территорий, заключавшиеся в контроле над деятельностью судебно-административных учреждений сельских обществ и их объединений. В компетенцию окружного руководства входило даже назначение сельских старшин и их помощников. Разумеется, эти действия окружных властей, открыто идущие вразрез с традиционными нормами и принципами социальной самоорганизации, вызывали неприятие и волну протестов местных жителей: так, например, в Осетии частыми стали требования общинников вернуть им исконное право избрания старшин из среды самого общества (см., например: [Материалы по истории Осетии 1950: 167-172]).

Целенаправленное и нередко насильственное внедрение российских порядков в горскую среду вызывало в общинной массе упорное нежелание подчиняться чуждым их пониманию и общественному укладу законам, что ставило перед правительством вопрос о необходимости поиска иных средств, которые обеспечивали бы утверждение государственности в окраинных землях империи. Выход из этой ситуации правительство нашло в применении еще более жестких мер. В годы проведения реформ на Кавказе, практически реанимировавших систему

военно-народных управлений, устанавливается открытый полицейский режим, и вместо упраздненного Ставропольского губернского жандармского управления, осуществлявшего надзор и в Терской области, появилось Терское областное жандармское управление [История Северо-Осетинской АССР 1987: 334].

Отмена кавказской автономии и включение ее территорий в общероссийскую административную систему вели к дальнейшему распространению в регионе действующих в центральных губерниях законоположений. В принципе, эта линия не являлась новым направлением в кавказской политике правительства — с течением времени в ее орбиту попадали лишь все новые сферы социально-политической жизни кавказских народов. На этот раз российские законоположения были распространены на земское и городское управление в крае.

В конце 80-х — начале 1890-х гг. земским положением, утвержденным высочайшим указом от 12 июля 1889 г. [Полный систематический свод узаконений 1890: 9-51], на Кавказе были введены должности земских участковых начальников. Этим шагом правительство расширяло сферу влияния дворянства в земствах, а наделение земских начальников широкими судебными функциями (см. «Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» [там же: 51-61]; «Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» [там же: 61-76]) фактически означало передачу в их ведение мировых судов, появившихся после проведения в регионе судебной реформы. Тем самым были значительно урезаны административные и судебные полномочия низовых институтов самоуправления, существовавших на уровне волости и сельского общества. В то же время усиливался правительственный контроль над деятельностью самих земств, которая находилась в поле зрения губернатора, обладавшего правом отмены любого из постановлений земств под предлогом их нецелесообразности.

Что же касается городского самоуправления, то его реформированием пытался заняться еще великий князь Михаил Николаевич, при котором в начале 70-х гг. постепенно вводилось городское положение в отдельных городах наместничества — в 1874 г. во Владикавказе [ПСЗ-II, XLIX, 53444: 730-731; Округа Терской области 1878: 63], затем в Пятигорске [Округа Терской области 1878: 72], Моздоке [там же: 84]. А в 1896 г. на Терскую область было, наконец, распространено новое городское положение, принятое еще в 1892 г., введение которого «в местностях, подчиненных в порядке управления Военному министру», передавалось на усмотрение «сему последнему» [ПСЗ-III, XII, 8707: 430]. И хотя это Положение, расширявшее пределы влияния администрации на местное самоуправление, рассматривается в историографии в контексте городских контрреформ, оно по сути является основным законодательным источником по истории городского самоуправления в конце XIX — начале XX в. (см.: [ПСЗ-III, XII, 8708: 430-456]).

Между тем, активные мероприятия Петербурга (губернская форма правления, комплектация чиновничьего, полицейского и административного аппарата одними и теми же людьми, тяжелое бремя разнообразных повинностей и прочие новшества) имели следствием углубление противоречий между группами населения региона. Еще более возросла напряженность и во взаимоотношениях властей с местными жителями, грозя вылиться в открытые антиправительственные выступления. В условиях нарастания массового недовольства действиями администрации в крае правительство принимало репрессивные меры. По закону «Об изъятии некоторых преступлений, совершенных в пределах Кавказского края, из общего порядка подсудности», принятому 13 сентября 1893 г., дела «о восстании и вооруженном сопротивлении властям», разбое, поджоге жилых строений и т.п. подлежали изъятию из общих судебных дел и передавались военным судам [Терский календарь 1894: 155-156]. Через два месяца последовало высочайшее утверждение поло-

жения Комитета министров о распространении на Кубанскую и Терскую области правил об административной высылке в Восточную Сибирь, что расширяло сферу применения к местному населению карательных мер, о принципиальной необходимости которых настойчиво хлопотала областная администрация [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1894: 59-62]. Тогда же в сельских обществах была введена система круговой поруки, практика проведения которой сопровождалась наложением многочисленных штрафов (см., например: [ЦГА РСО-А. Ф. 11. оп. 52, д. 680]).

Что касается государственно-административных мероприятий, то к концу XIX в. активность правительства в этом направлении заметно понизилась. Последней в девятнадцатом столетии директивой по реорганизации административного устройства Кавказа стал указ 1899 г. об изъятии Ставропольской губернии из управления Кавказского края [СССК 1906: 32]. Незначительные действия по организации управления регионом предпринимались лишь в отношении должностных обязанностей кавказского руководства.

Таким образом, сама ситуация на Кавказе начала XX в. привела Петербург к осознанию необходимости локализовать взрывоопасный регион и решение его многочисленных проблем оставить местной администрации путем наделения неограниченными полномочиями высшего должностного лица в крае — кавказского наместника. Именным указом от 26 февраля 1905 г. восстанавливается Кавказское наместничество [ПСЗ-III, XXV, 25891: 149], а на должность наместника назначается граф И. И. Воронцов-Дашков. В высочайшем рескрипте на имя графа император объяснял мотивы изменения порядка управления на Кавказе, которые заключались в необходимости безотлагательного водворения на Кавказе спокойствия, «дабы приобщить и этот край к внутренней созидательной работе, предпринимаемой ныне в государстве нашем по моим предначертаниям...» [Законодательные акты переходного времени 1909: 29-30]

Эти мотивы определяли и широту полномочий главного начальника Кавказского края, в чьем лице сосредоточивалось высшее местное управление всеми гражданскими и пограничными делами. В военном отношении он назначался главнокомандующим войсками Кавказского военного округа и наказным атаманом Кавказских казачьих войск, которому поручалось главное местное управление Кубанской и Терской областями вместе с входящими в их состав казачьими войсками, городами и гражданским населением за исключением горцев, которыми наместник управлял по званию главнокомандующего войсками [РГИА. Ф. 919, оп. 2, д. 706, л. 2]. Наместник получал право, помимо министров, разрешать в законодательном порядке все вопросы управления, а также принимать исключительные меры, докладывая о них непосредственно самому императору.

«Для содействия наместнику» учреждались должности его помощников по гражданскому и военному управлению, причем замещать наместника во время его отсутствия поручалось помощнику по военной части. Кроме помощников при наместнике учреждался совет, в состав которого назначались директор канцелярии наместника и представители министерств внутренних дел, финансов, землеустройства и земледелия и юстиции. Совету отводилась как совещательная, так в отдельных случаях и решающая роль.

В непосредственное подчинение наместника передавались все местные государственные учреждения, и только через него могли рассматриваться вопросы, разрешение которых требовало участия центральных ведомств. Он же обладал всеми распорядительными правами и в решении кадровых вопросов в отношении должностных лиц всех местных установлений (за исключением чиновников государственного контроля и Министерства юстиции). Наместнику передавалось право отмены постановлений всех губернских и областных административных решений, о чем ему следовало доложить Сенату. Наместнику в общем порядке принадлежали также некоторые особые права

по охране государственной и общественной безопасности, «которые обыкновенно предоставляются местным начальникам лишь при установлении исключительных положений» [Грибовский 1911: 147].

Теперь наместник являлся членом Государственного совета, а также членом Совета и Комитета министров, что обязывало его принимать участие в работе этих органов на правах министра. Таким образом разрешалось противоречие между административной автономией Кавказа и общим законодательным порядком, установленным для всей империи. В то же время загруженность наместника наряду с удаленностью Кавказа от центра привело к учреждению должности представителя наместника в Петербурге, на которую высочайшим указом от 13 апреля 1905 г. был назначен управляющий делами Комитета министров, статс-секретарь барон Э.Ю. Нольде [ПСЗ-III, XXV, 26089: 237-238]. Основной его обязанностью, помимо замещения наместника на правительственных заседаниях, стало представление императору дел, подготовленных самим наместником для их окончательного решения.

Восстановление наместничества на Кавказе совпало с институциональной реорганизацией исполнительной и законодательной власти в самой Российской империи, отразившей этап развития ее собственной государственно-политической системы, в ходе которой возникли и начали функционировать новые властные институты: Государственный совет, Государственная дума и преобразованный Совет министров, в состав которого вошел председатель Государственного совета. И восстановление кавказского наместничества некоторым образом разрешило внутренние противоречия, возникшие в правительственных кругах в процессе формирования новых структур центральной государственной власти.

Начавшему свою деятельность наместнику именованным указом от 3 мая 1905 г. [ПСЗ-III, XXV, 26166: 287-288] предписывалось опираться на те разделы «Учреждения управления Кавказского

и Закавказского края» 1876 г., которые регламентировали сферу полномочий главы кавказской администрации, поскольку новое положение о наместничестве подготовлено не было — эта работа поручалась самому Воронцову-Дашкову. Однако отсутствие в его распоряжении достаточных материальных и финансовых средств, которыми располагали прежние наместники, с одновременной его административной самостоятельностью, выведившей деятельность наместника из-под правительственного контроля и недостаточной поэтому связью с «общими учреждениями министерского строя» [Дякин 1998: 482], дали основания Совету министров ставить под сомнение необходимость наделения наместника столь широкими полномочиями, хотя в целом в учреждении наместничества как резонной антикризисной меры на Кавказе никто не сомневался. Спорными представлялись кандидатура уже немолодого Воронцова-Дашкова и организационная форма территориально-административного устройства Кавказского наместничества, где, как предлагал С. Ю. Витте, председатель Совета министров, следовало бы учредить три генерал-губернаторства «сообразно географическому положению и особенностям населения, подчиненным наместнику» (цит. по: [Волхонский 2006: 103]). Таким образом Совет министров как высший исполнительный орган и его председатель сохраняли бы ведущее значение в осуществлении административных функций на Кавказе. Но предложения Совета министров приняты не были, и новый наместник активно взялся за самостоятельное исполнение возложенных на него обязательств по «умиротворению края».

Деятельность Воронцова-Дашкова в первые же месяцы после назначения была ориентирована на решение поставленной перед ним императором задачи, чем наместник демонстрировал стремление перейти от теории к практике. Предложенная им широкая программа преобразований в рамках «умиротворительной политики» [РГИА. Ф. 919, оп. 2, д. 617, л. 1об.] касалась не только основных направлений деятельности кавказской ад-

министрации, но и в целом российской внутренней социально-экономической политики в регионе: поземельного устройства, предусматривающего предоставление права собственности на землю всем землевладельцам края; податного обложения, требующего адекватных методов учета и оценки доходности земель наряду с установлением права земельной собственности; русской колонизации, нуждающейся в разработке особой программы, которая бы учитывала адаптационные возможности переселенцев; развития народного просвещения и расширения сети начального школьного образования; организации местного управления во всех его аспектах (судебное устройство, сельское управление и деятельность высших управленческих структур). Ряд необходимых реформ прямо связывался наместником с задачей успокоения Кавказа: прекращение зависимых отношений, приобретение частновладельческих земель за счет крестьянского поземельного банка, приостановка переселенческого потока из внутренних губерний России и обустройство уже прибывших переселенцев, поддержка национального языка в сфере образования и пр. Особое значение Воронцов-Дашков придавал введению на Кавказе земских учреждений, среди которых, по его убеждению, именно мелкая земская единица наиболее соответствовала общему укладу жизни населения (см.: [Всеподданнейшая записка 1907]).

В программе наместника декларировалась и свобода вероисповеданий с одновременным покровительством духовной иерархии, и независимость возможности государственной службы от «туземного происхождения», и коллегиальность (с участием представителей духовенства — православного, армяно-грегорианского, мусульманского, а также предводителей дворянства, беков, выборных от городов и сельских обществ) в разработке конкретных действий [РГИА. Ф. 919, оп. 2, д. 617, л. 2об.].

Но основное, на что Воронцов-Дашков обращал внимание как на первый шаг к успокоению Кавказа и сближению адми-

нистрации с кавказским населением, — это открытость правительства и широкая огласка предстоявших реформ, о которых сможет узнать всякий, «желающий слышать» [там же, л. 1об.]. По убеждению наместника, «применение переименованных мероприятий вызовет удовлетворение среди благомыслящих людей всех сословий и народностей кавказского населения. При этих условиях содействие им можно считать обеспеченным, а следовательно, явится основание рассчитывать на умиротворение взбаламученного края» [там же, л. 3-3об.].

В целом же по вопросу о целесообразности сохранения наместничества как особой организационно-административной формы управления Воронцов-Дашков высказывался утвердительно, не допуская возможности управления регионом из центра, на основании общих формул, «без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнообразного по вероисповеданиям, религиозным воззрениям и преданиям, по племенному составу и политическому прошлому» [Всеподданнейшая записка 1907: 157]. Более того, именно такую форму управления, как наместничество, Воронцов-Дашков признавал как единственный «залог прочнейшего объединения Кавказа с остальной Империей» [там же: 159]. Выполнение намеченной программы преобразований наместник во многом связывал с русской частью населения Кавказа, с участием которой, «без особых приемов русифицирования края, практиковавшихся в последние двадцать пять лет и давших противоположные результаты», экономическое и духовное развитие Кавказа «на началах самодеятельности» быстро пойдет «по пути теснейшего слияния с центром Империи» [там же: 164].

Николай II одобрил предложения наместника, пожелав их скорейшего осуществления. Давая оценку состоянию края через пять лет после восстановления наместничества, Воронцов-Дашков утверждал, что Кавказ уже находится «накануне прочного успокоения», что выражается как понижением в нем преступности, так и развитием торгово-промышленной деятельности

[Всеподданнейший отчет 1910: 4, 5]. Надлежащим образом проводимая земельная и экономическая политика, по его мнению, обуславливала и правовой порядок в регионе, ставший следствием снижения уровня социально-политической и демографической напряженности.

Между тем, деятельность наместника по успокоению края именно из-за используемых им приемов, слишком отличавшихся от практики управления в других частях России, подвергалась серьезной критике в центре. В ответ своим оппонентам Воронцов-Дашков отвечал, что своеобразие его управления вызвано было преимущественно местными особенностями, которые «трудно уяснить без напряженного внимания из далекого центра», и что именно благодаря его усилиям, спустя восемь лет со времени учреждения наместничества, «кавказское население относится к русской власти с прежним доверием, которое... было утрачено...» [Всеподданнейший отчет 1913: 3, 4] И если Кавказу будет сохранено особое управление в виде наместника, который должен главной своей задачей ставить экономическое преуспевание края «на началах самодеятельности населения», то империя получит верный источник средств для удовлетворения своих обширнейших нужд, а население края будет искренне стремиться к слиянию с внутренней Россией [там же: 36].

Восстановлением автономии Кавказа в форме наместничества завершилась длительная эпоха территориально-административного строительства в регионе. Вернувшись к этническому принципу территориально-административного устройства, правительство несколько сгладило противоречия, возникавшие в ходе ускоренной и довольно искусственной «модернизации» прежних общественных форм жизнеустройства местного населения, хотя в сложный для самой России период войн и революций начала XX века, обозначивших веки глубокого и затяжного системного кризиса, вопрос об эффективности предпринятых на далекой окраине преобразований отодвигался на задний план. Если крайне политизированное общественное мнe-

ние и интересовали проблемы административного устройства Кавказа, то лишь те, которые касались организационных форм высшего управления в крае: «быть или не быть наместничеству, должны ли власть гражданская и власть военная соединяться в одних руках, или должен быть отдельно, скажем, наместник или генерал-губернатор и отдельно главнокомандующий или командующий войсками военного округа» [Евангулов 1901: 8]. «Малые» реформы, вроде реформы сельского управления, не слишком волновали ни общество, ни правительство, поэтому действительно модернизирующие преобразования в низовых звеньях государственно-административной иерархии так и не осуществились, несмотря на ряд выдвигавшихся проектов подобного рода: (см., например: [Правилова 1997: 46-50]).

Таким образом, весь пореформенный период в формировании административного аппарата в северокавказском регионе отличало чередование принципов «регионализма» и «централизма», провозглашаемых в качестве руководства к действию чиновниками, стоявшими во главе местной администрации, а региональная и общероссийская внутривластная конъюнктура, тесно переплетаясь, обуславливала выбор и сочетание тех или иных методов управления, в котором ориентация на военное начало в организационных формах управления в целом доминировала над общегражданскими принципами администрирования. Это было время напряженных поисков ответа на измучивший всех вопрос: «*как управлять* — по-европейски или по-азиатски?» [Иваненко 1904: 90] — т. е. основываясь все же на формально-бюрократических началах, определяющих административно-управленческую деятельность государства, или ориентируясь на бытующие в кавказской среде собственные нормы самоорганизации и самоуправления.

Но однозначный ответ на этот вопрос так и не был найден. Перемены в управленческой практике, отмечаемые уже с начала 60-х гг. XIX в., привели к господству принципов централизма. Окончательная же победа централистской модели управления

(контуры которой вполне обозначились уже к началу 70-х гг. XIX в.) ознаменовалась упразднением института наместничества как особой формы государственно-административного устройства и превращением Кавказа в рядовую административно-территориальную единицу империи, следствием чего стало механическое распространение в крае законоположений, действующих во внутренних районах Российского государства.

Возврат к наместничеству как организационной форме территориально-административного устройства Кавказа означал новый этап административного строительства, показав приоритетность в тех социально-политических обстоятельствах регионалистского подхода к управлению краем, население которого по многим социокультурным характеристикам и особенностям политической истории отличалось от основного населения России. Но теперь, в отличие от наместничества 40-х — 80-х гг. XIX в., автономия Кавказа не была почти абсолютной, поскольку сформированная административно-управленческая модель через высшее его руководство оказалась включена в общегосударственный управленческий механизм. Так был решен насущный для Кавказа вопрос об оптимальном соотношении принципов централизации государственной власти и управления в высших правительственных структурах и автономизации регионального управления с соответствующим разделением функциональных полномочий.

В начале XX столетия Кавказ отличался крайней конфликтностью, которую, помимо всегда острого земельного вопроса, определяло сочетание нескольких факторов, тесно переплетенных и усиливавших друг друга: географического (ограниченные размеры территории, заключенной на небольшом — с точки зрения мировой географии — пространстве между двумя морями и Большим Кавказским хребтом, дефицит пригодной для хозяйствования земли), природно-климатического (суровые условия горных районов, не позволявшие обеспечивать необходимый прожиточный минимум жителям

равнинной и горной частей, соответственно, скудость средств на пропитание), этнического (избыточное число этносов на столь малом пространстве и, как следствие, скученность и малоземелье), социального (неодинаковые темпы социально-экономического развития местных социумов), конфессионального (близкое соседство христианства и ислама, часто замешанных на множестве местных культов и верований), психоментального (чрезмерная пассионарность отдельных этносов, в значительной степени связанная с особенностями процессов социо- и этногенеза, «реликтовость» их менталитета, упорно воспроизводящего уровень сознания эпохи военной демократии) [Гатагова 2001: 49].

Наряду с указанными свою негативную роль в углублении социально-политических противоречий на Кавказе играл и фактор внутривластного. Тенденция к централизации управления, набиравшая силу во второй половине XIX в. и получившая окончательное разрешение в начале 80-х гг. с упразднением Кавказского наместничества, привела в конечном итоге к распаду системы традиционных общественных связей и маргинализации прежних экономических, идеологических и правовых регуляторов межгрупповых и межэтнических отношений в местных общественных системах. Игнорирование этих принципов в практике управления привело в конечном итоге к тому, что они, так и не исчезнув окончательно из повседневной жизни, перешли в разряд политико-идеологических конструкций, усиливающихся в ряде случаев за счет подведения псевдоисторических обоснований, в свою очередь базирующихся на таких категориях, как «исконные территории», «земля предков» и т. п. [Айларова, Кобахидзе 2011: 266-267].

Актуализация этих построений отчасти провоцировалась и принципом «управленческой целесообразности», при котором административные границы рассекают территорию компактного проживания этнических групп [Цуциев 1998: 9]. К началу нового столетия в полном соответствии с этим «надэтническим»

принципом организации управления само управление местными народами было передано терскому военно-казачьему начальству, что нашло отражение в очередном административном делении Терской области, введенном с 1 января 1899 г. и сохранившим прежнюю окружную систему с включением в границы области четвертого казачьего отдела — Моздокского [Всепопданнейший отчет начальника Терской области 1900: 4].

И к началу XX в. кавказская политика Петербурга оказалась самостоятельным фактором конфликтогенности в регионе, сыгравшим свою роль в углублении социально-политического кризиса и нарастании межэтнической напряженности. Новый наместник Кавказа, граф И. И. Воронцов-Дашков, с сожалением констатировал, что «опыт централизации управления Кавказом из С.-Петербурга, с учреждением на месте должности главноначальствующего гражданской частью с расширенною несколько властью обычного генерал-губернатора, длившийся свыше двадцати лет, дал довольно печальные результаты. Кавказ, вместо того, чтобы идти по пути развития за центром Империи, отстал от него, и вина в этом лежит не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях» [Всепопданнейшая записка 1907: 155]. Восстановление наместничества и учреждение в 1905 г. Назрановского округа, в котором компактно проживали ингуши, прежде входившие в состав населения казачьего Сунженского отдела, реанимировав прежние подходы к административному размежеванию Терской области, при котором границы округов практически совпадали с территориями расселения горских народов, несколько смягчили ситуацию, но не устранили весь комплекс взаимоувязанных проблем, определяющих общую социально-политическую обстановку в регионе.

Что касается собственно административной составляющей кавказской политики Петербурга, то нужно еще раз отметить ее обусловленность как внешними, так и внутренними, порой весьма противоречивыми, обстоятельствами. Но какими бы ни были изменения внутривнутриполитического курса по отноше-

нию к Кавказу, он неизменно ориентировался на интеграцию населения края в российскую государственность. В поиске оптимальных организационных форм использовались зачастую взаимоисключающие установки: от «невмешательства» во внутренние дела горских общин и «постепенности» в приобщении их к «государственности» до активного, нередко насильственного, насаждения по общеимперскому образцу административных моделей и управленческих институтов. Отсюда — и колебания в применявшихся управленческих стратегиях: от романтики «регионализма» до жесткого «централизма», питавшегося практическими «выгодами Петербурга». Впрочем, эти два вектора в российской политике на Кавказе никогда не существовали изолированно друг от друга — следует говорить, скорее, о доминировании так или иначе окрашенных личностных установок того или иного кавказского правителя, по-своему понимающего свою «цивилизаторскую» миссию и свой долг перед Отечеством.

ГЛАВА 2

ЗАКОН И ПОРЯДОК

«Оружие духовной, внутренней силы...»

Совершенно особое значение в приобщении населения Северного Кавказа к «гражданственности» изначально придавалось организации судебной сферы. И это далеко не случайно. С одной стороны, это объяснялось тем, что местная судебная практика ввиду ее относительной автономности в системе традиционной общественной власти и функционирования в виде довольно четко оформленного института третейского суда оказалась для российских администраторов достаточно прозрачной. С другой стороны, свою роль в выборе приоритетных форм административного воздействия в новоприобретенной окраине сыграли особенности российской политической системы, в которой судебная власть тесно переплеталась с собственно административной. Именно законодательное право рассматривалось в качестве главного инструмента, обеспечивающего интеграцию населения Кавказа в административно-правовое поле империи. Кавказское руководство полагало, что главным в деле подчинения Кавказа является не столько демонстрация «внешней власти в горах», сколько «утверждение над горцами нравственной власти и значения», покорение их «оружием духовной, внутренней силы» [Всеподданнейший отчет 1870: 2], олицетворяемой российским законом.

Процесс этот требовал значительного времени и немалых трудов официальных властей ввиду очевидных глубинных различий между понятийной основой российского законодательства, с одной стороны, и традиционной юридической практики — с другой. Весь дореформенный период характеризовался множественностью попыток реорганизации судопроизводства у горцев Кавказа, однако внутривластные обстоятельства, связанные с движением под руководством Шамиля, а также весьма смутные представления администраторов о природе местных юридических систем и формах организации правовой

жизни местных социумов не позволяли властям развернуть эту деятельность в полном масштабе. Мероприятия, предпринимавшие кавказским руководством, касались в первую очередь низовых управленческих структур в горских обществах Центрального Кавказа, где получила распространение практика использования общероссийских законоположений с искусственным разделением местного судопроизводства на гражданское и уголовное, что в конечном счете значительно ограничило функциональные полномочия традиционных посреднических судов. И несмотря на ряд мер по формированию на Северном Кавказе официальных судебно-административных установлений, в которые передавались уголовные дела, возникавшие в местной среде, процесс судопроизводства в горских обществах в целом не претерпел кардинальных изменений.

После завершения Кавказской войны российские политические позиции в регионе утвердились окончательно, что дало возможность Петербургу вплотную заняться административно-территориальным устройством кавказской окраины в целях сближения ее в социально-экономическом и политико-правовом отношении с остальной частью империи. Одну из наиболее актуальных задач гражданского управления составляла реорганизация в крае сферы судопроизводства и перевод его на российскую законодательную базу.

Однако административно-территориальные преобразования конца 50-х гг., произведенные А.И. Барятинским на Кавказской линии для упорядочения структуры военно-народного управления, к значительным подвижкам в местной судебной практике не привели. Вместо действовавших в каждом из приствавств народных судов учреждался окружной народный суд, куда в соответствии с распоряжениями окружного начальства переходили словесные жалобы с суммой штрафа более 15 руб. серебром [Материалы по истории осетинского народа 1942 а: 238]; что же касалось менее важных дел, то судебное разбирательство и вынесение окончательного решения по ним представлялось помощникам окружного начальника по участкам.

Попытки унификации судопроизводства для горцев на тот момент свелись лишь к использованию специальных журналов, где нужно было фиксировать ход словесного судопроизводства для «единообразного во всех участковых управлениях» образа действий [там же: 237-238; НА СОИГСИ. Ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 11-12]. Словесная жалоба, которую удовлетворяла большая сумма штрафа, разбиралась уже в окружном народном суде в соответствии с распоряжениями окружного начальства [Материалы по истории осетинского народа 1942 а: 238]. Формально сохранялась и обычно-правовая основа судебной процедуры: так, при вынесении приговоров за проступки, требующие «по народному обычаю» наложения штрафов (переводившихся заодно в денежные суммы — до 15 руб. серебром) признавалось необходимым присутствие трех старшин, обладавших, впрочем, лишь совещательным голосом.

Более существенные преобразования судебной части у горцев оставались до будущих времен, хотя в это время «работали одна за другой различные комиссии по судебному преобразованию края, но проекты этих комиссий не удовлетворяли ни Воронцова, ни Барятинского и оставались ими без дальнейших движений». Наместники лишь «ограничивались частными поправками, общий смысл которых состоял в замене неподходящего закона более гибким и благожелательным усмотрением» [Иваненко 1904: 108].

Но уже вскоре, после учреждения на Северном Кавказе Терской и Кубанской областей, в этой сфере произошли значительные перемены. Реформа управления, произведенная в 1862 г. «Положением об управлении Терской областью», повлияла и на организационные формы судопроизводства. Строгая иерархическая соподчиненность различных административных уровней отличала теперь не только аппарат гражданского управления, но и судебный. Отдельным пунктом положения «для судебной расправы между туземцами» во Владикавказе учреждался Главный народный суд Терской области [ПСЗ-II, XXXVII, 38326: 499, 500-502] «из почетных лиц по выбору народа»; в округах вводились окруж-

ные, а в участках и наибствах — участковые суды. Для Главного и окружных народных судов были выделены соответствующие штатные единицы, содержание же низовых судебных учреждений от казны не предусматривалось. Председательствовать в Главном народном суде поручалось особому лицу, утвержденному главнокомандующим Кавказской армией по представлению областного начальника; возглавлять работу окружных судов полагалось окружным начальникам, а в Осетинском, Чеченском и Кумыкском округах эти функции обязаны были исполнять либо военные начальники отделов (являвшиеся одновременно начальниками соответствующих округов), либо их помощники.

Однако с открытием нового судебного учреждения никто не спешил, что с удивлением обнаружил вступивший в марте 1864 г. в должность начальника Терской области генерал-лейтенант М. Т. Лорис-Меликов [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 8, л. 1-10об.]. Еще в 1863 г. он, оценивая общее положение области и тех дел, которые требуют скорейшего решения, сообщал о крайне неудовлетворительном состоянии местного гражданского управления, обусловленном прежде всего тем, что «в области нет никаких судебных учреждений, кроме плохо устроенного городского суда во Владикавказе», и жители, «ведающиеся законами Империи, число которых весьма значительно как во Владикавказе, так и в прочих местах области», вынуждены обращаться в палаты Ставропольской и Тифлисской губерний [РГИА. Ф. 866, оп. 1, д. 27, л. 9]. Вопрос об открытии во Владикавказе областного суда обсуждался в Совете наместника кавказского, куда была представлена соответствующая записка, составленная членом Совета, действительным статским советником князем Г. К. Багратион-Мухранским⁷. Владикавказский областной суд

⁷ Г. К. Багратион-Мухранского действительно волновали проблемы судопроизводства среди кавказских народов. Пока обсуждались вопросы открытия во Владикавказе областного суда, он опубликовал собственное исследование о соотношении принципов словесного разбирательства и формализованного процесса [Багратион-Мухранский 1862].

предполагалось устроить по примеру Дагестанской области, но, хотя эта идея и была одобрена императором, реализация ее затягивалась. Лорис-Меликов вынужден был лоббировать вопрос о скорейшем открытии областного суда во Владикавказе через начальника Главного управления кавказского наместника, статс-секретаря барона А. П. Николаи [там же, л. 9об.-10]⁸.

В результате настойчивых напоминаний Лорис-Меликова Терский областной суд все же открылся, хотя и двумя годами позже времени учреждения в Терской области нового управления — 28 октября 1864 г., на основании Высочайшего повеления, о чем было объявлено специальным приказом начальника Терской области [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 107-109об.]. Деятельность нового судебного учреждения основывалась на разработанном самим наместником проекте дополнений к «Положению об управлении Терской областью» в части, касающейся организации деятельности Областного суда, который и удостоился высочайшего утверждения в мае 1864 г. [ПСЗ-II, XXXIX, 40908: 456-458.]

Административное новообразование в виде Главного областного суда состояло из двух отделений: уголовного и гражданского; первому предназначался разбор дел об убийствах, в компетенцию второго входили разнообразные дела гражданского характера — имущественные и земельные споры, дела о бродяжничестве, о кражах и грабежах, о похищении девушек и т. п. Областному суду были подсудны все лица, составлявшие

⁸ Одновременно Лорис-Меликовым ставился и вопрос о включении Моздока, Пятигорска и Кизляра, в административном отношении числившихся в Ставропольской губернии, в Терскую область, поскольку эти города, во-первых, располагались ближе к Владикавказу, чем к Ставрополю, во-вторых, находились среди земель, подчиненных начальнику Терской области, и, в-третьих, связывались с Терской областью рекой Терек. Во избежание затруднений, вызванных существующей чересполосностью, Лорис-Меликов просил сразу же после учреждения во Владикавказе областного суда рассмотреть и вопрос о включении этих местностей в состав Терской области

гражданское население Терской области, включая и жителей Владикавказа. В него могли обращаться также «живущие в Терской области ингуши, осетины, чеченцы, кабардинцы и кумыки» с имущественными и другими гражданскими исками, однако в тех только случаях, когда «в качестве истца по спорному делу они жалуются не на природных и коренных уроженцев здешнего края и не на лиц, входящих в состав Терского казачьего войска, а на живущих в Терской области лиц гражданского ведомства» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 109об.]. Областной суд, соединяя в себе обе судебные инстанции, являлся высшей и окончательной апелляционной инстанцией, где пересматривались дела, поступавшие из окружных народных судов [ПСЗ-II, XXXIX, 40908: 456.].

Это судебное учреждение, предназначенное для рассмотрения дел всего гражданского населения Терской области, представлялось важнейшим звеном системы военно-народного управления, эффективность которого во многом зависела от быстроты принятия решений по конкретным вопросам, возникающим в среде местного населения. Для того чтобы избежать излишней бумажной волокиты (чем отличались административные учреждения не только на Кавказе, но и в России в целом), областному суду было «предоставлено... производить словесно все гражданские дела», правда с оговоркой, предусматривавшей согласие на словесное разбирательство обеих тяжущихся сторон в спорах на «недвижимое имение» либо только истца — «во всех прочих исках» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 108об.-109]. Представители местного населения получали право выступать с иском, ответчиком по которому являлось «лицо гражданского сословия» [там же, л. 109об.].

Упрощенная система судебного разбирательства предусматривала подачу исковых заявлений в устной форме, показания истца и ответчика также оставались словесными; все необходимые для судопроизводства сведения и справки обе тяжущиеся стороны должны были собирать самостоятельно; необ-

ходимость свидетельских показаний мотивировалась самими сторонами. Уже в это время в судопроизводство вводились элементы гласности, заключающиеся в разрешении присутствовать на суде не только тяжущимся сторонам и их поверенным, но и посторонним лицам, хотя само определение решения производилось на закрытых заседаниях. Судебная процедура допускала также возможность подачи апелляции на решение суда. Однако в том же положении особо оговаривалось, что председательствовать и руководить работой суда предназначается начальнику области; лишь утверждение начальником области решений суда придавали им силу закона [ПСЗ-II, XXXIX, 40908: 458.].

Одновременно в округах учреждались окружные, а в участках — участковые народные суды. Подсудности окружных судов по положению 1862 г. подлежали дела гражданского и религиозного характера, а также все те, которые поступали туда по распоряжению военных или окружных начальников.

«Для туземцев Терской области» определялся особый порядок судопроизводства: их дела могли разбираться по военно-уголовным законам — в комиссиях военного суда и по адату, шариату и особым правилам, «постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности», — в участковых народных судах. В отличие от окружных судебных учреждений содержание народных судов от казны не предусматривалось, хотя состав этих судов определялся начальником Терской области и утверждался главнокомандующим Кавказской армией. Характерно, что границы между сферами применения как уголовного законодательства и «народных обычаев», с одной стороны, так и адатом и шариатом (для гражданских дел) — с другой, четко не определялись, будучи оставленными, по сути, на усмотрение командующего войсками. Впрочем, что касается дел гражданских, то командующему рекомендовалось составить, а главнокомандующему — утвердить особую инструкцию для руководства Главного и окружных судов, где бы подробно разъяснялось, какие из дел подлежат рассмотрению

по адату, а какие — по шариату. Сомнения, которые могли в этих случаях возникнуть, следовало разрешать большинством голосов членов окружного суда [ПСЗ-II, XXXVII, 38326: 500-501].

Представление о роде дел, рассматривавшихся в окружных и участковых судах, могут дать ведомости, помещенные в отчете начальника Осетинского округа за период с 1 января 1863 по 1 января 1869 года [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 9-68об.], подготовленном для начальника Терской области по личному распоряжению императора [там же, л. 3]. В окружном народном суде Осетинского округа рассматривались дела следующего характера: «уголовные; кровные по убийству; по поранению; спорно-тяжебные; о драках; о растлении; о мужеложестве; долговые; о подозрении в поджоге; убийство скота; о холопах; о воровствах разного рода скота и вещей; о подозрениях в воровстве; о грабеже; о кражах, учиненных со взломом; об увозе девушек». Наибольшее количество разбирательств приходилось на «спорно-тяжебные» дела, количество которых доходило до 30 в год; число дел по имущественным искам было немногим меньше и колебалось от полутора до двух с половиной десятков ежегодно [там же, л. 48об.-49].

Подсудности участковых судов подлежали дела главным образом имущественного характера (долговые, спорно-тяжебные, о воровстве и подозрению в воровстве, «о завладении чужой собственностью», об «убийстве скота»), а также дела против нарушения общественного порядка (драки) [там же, л. 49об.-52]. В целом в участковые суды попадало большее число дел по сравнению с судом окружным, и основная доля разбирательств здесь также приходилась на спорно-тяжебные иски (например, в 1867 г. в участковый народный суд Алагиро-Наро-Мамисонского участка Осетинского округа поступило 54 дела такого рода, и 34 дела — о краже скота, а количество дел другого рода не превышало полутора десятков — см.: [там же, л. 51, 52]).

Особая роль в распространении «российской гражданственности» на Северном Кавказе отводилась судебной ре-

форме. Она положила начало дальнейшей последовательно направленной деятельности правительства на формализацию и бюрократизацию местного судопроизводства, в основе изменений которого лежала идея унификации судебных установлений для гражданского, военного и горского населения Северного Кавказа. Веденные в стране судебные уставы 20 ноября 1864 г. [ПСЗ-II, XXXIX, 41473: 179-180] утверждали новые принципы судоустройства и судопроизводства, в соответствии с которыми предусматривалось создание двух систем судебных учреждений в виде окружного (с назначаемыми судьями) и мирового (с избираемыми судьями) суда. Система мировых судов соответствовала административно-территориальному делению: каждый уезд с входившим в него городом или даже отдельный крупный город составляли мировой округ, в свою очередь делившийся на несколько участков с участковыми и почетными мировыми судьями. Высшей мировой инстанцией являлся съезд мировых судей каждого мирового округа. Коронный суд также имел две инстанции: окружной суд и судебную палату. Окружные суды создавались для нескольких уездов, и их деятельность строилась на принципе бессловности. Именно при окружных судах начали свою работу суды с участием присяжных заседателей [Грибовский 1911: 162-167], разбиравшие дела, влекущие за собой наказания, соединенные с потерей или ограничением прав состояния. Однако дела о государственных преступлениях, «требующих при их обсуждении ясного представления о государственном строе, о задачах и целях государства», передавались судебным палатам с участием сословных представителей [Деятельность Государственного совета 1900: 33]. В ходе реформы административные учреждения освобождались от судебных и следственных функций.

В соответствии с ходатайством наместника о скорейшем введении в Кавказском наместничестве судебных уставов 1864 г. распространение новой системы судопроизводства, подразумевавшей введение институтов присяжных и адвокатуры, глас-

ный характер судебного процесса, а также устранение из процедуры разбирательства по уголовным делам сословных представителей, началось в 1868 г. со Ставропольской губернии [ПСЗ-II, XLIII, 45655: 315-316], а в конце 1869 г. перешло на остальную территорию Северного Кавказа. Указом от 30 декабря 1869 г. «О введении судебных уставов 20 ноября 1864 года в Кубанской и Терской областях и в Черноморском округе» [ПСЗ-II, XLIV, 47848: 415-416] эти районы причислялись к округу Тифлисской судебной палаты (Черноморский округ подчинялся ведению Екатеринодарского окружного суда). В судебном отношении Терская область представляла один судебный округ, подведомственный учрежденному тогда же Владикавказскому окружному суду и делившийся на 13 судебно-следственных участков [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1894: 5].

Учреждением окружного суда во Владикавказе упразднялся Терский областной суд, просуществовавший, таким образом, только шесть лет [ПСЗ-II, XLIV, 47850: 418].

Между тем, и сам ход, и итоги судебной реформы на Кавказе имели ряд существенных отличий от собственно российской реформы. Принцип разделения судебной и административной власти, на что и были ориентированы преобразования, здесь практически не соблюдался ввиду региональной специфики системы административного управления, высшим звеном в которой являлся кавказский наместник, сосредоточивший в своем лице все функции исполнительной власти в регионе. Кроме того, председателем Владикавказского окружного суда назначался начальник военного управления Осетинского округа. Это действие отменило принцип независимости судебной власти — один из основополагающих в судебной реформе 1864 г., — включенной в систему окружного военно-народного управления. А со 2 марта 1876 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета наместнику предоставлялось еще и право назначать мировых судей в участки и почетные суды [ПСЗ-II, LI, 55651: 165-166].

Одним из значительных пробелов в практике реформирования судебной системы на Кавказе оказалось и отсутствие суда присяжных заседателей: согласно тому же указу от 30 декабря 1869 г. все уголовные дела, изъятые из ведения мировых судей, должны были производиться в окружных судах без участия представителей общества [ПСЗ-II, XLIV, 47848: 416]⁹.

Не менее серьезным отступлением от основных идей реформы стало сохранение особых судебных учреждений для горского населения Кубанской и Терской областей — преобразования коснулись только организационных форм их деятельности. Так, на основании п. п. 5 и 11 указа от 30 декабря 1869 г. вводились «Временные правила для горских словесных судов», утвержденные наместником великим князем Михаилом Николаевичем 18 декабря 1870 г. как «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» и распространенные исключительно на горское население края [Временные правила 1891; О горском словесном суде 1894]. При этом «временность» их действия продлевалась «впредь до полного введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г.» и ставилась в прямую зависимость от «успеха гражданственности» в крае.

Территориально-административные преобразования, произведенные в 60-х гг. XIX в., практически не затронули механизм судопроизводства в социальных структурах низового уровня. В результате просуществовавшее в таком виде до начала 70-х гг. судопроизводство у местных народов представляло «собой как бы последнюю, переходную ступень от прежнего судопроизводства, основанного на местно-национальных началах, к общерусскому...», не соответствуя все же «духу русского закона» [Лавров 1989: 81]. Можно констатировать лишь

⁹ Все последующие положения, регламентирующие управление регионом в части, относящейся к судебной сфере, закрепляли установленный порядок: рассмотрение уголовных дел, изъятых из ведения мировых судей, проводилось без участия присяжных заседателей (см., например: [ПСЗ-III, III, 1522: 203]).

стремление кавказской администрации к упорядочению деятельности медиаторских и народных судов путем введения в судопроизводство элементов формализации самой процедуры разбирательства с одновременной легализацией традиционных юридических систем (адата и шариата) при разрешении некоторых незначительных гражданско-правовых дел (см., например, «Инструкцию для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии» Барятинского [АКАК, XII: 1192-1198] и «Положение об управлении Терской областью» [ПСЗ-II, XXXVII, 38326: 497-502]).

Упразднение военно-народных округов и введение гражданского управления в начале 70-х гг. XIX в. привело к тому, что горское население Терской области формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением края; учреждение же в 1870 г. горских словесных судов в организационном плане несколько упорядочивало систему судопроизводства для горцев [О горском словесном суде 1894]. Теперь именно горские словесные суды, формируемые по одному в каждом округе и отделе, представляли для горского населения первую судебную инстанцию, являясь по существу судебно-административными учреждениями низшего уровня. Апелляцию на их решения можно было подавать непосредственно начальнику Терской области. Право окончательного разрешения дел, возникших в горских судах Терской и Кубанской областей, принадлежало наместнику как главнокомандующему через штаб Кавказского военного округа.

Новая система судопроизводства пока еще предусматривала сохранение народных судов для горцев, вводя принцип отделения судебных властей от военных и гражданских на низовом уровне. Однако бытующие в горской среде традиционные юридические нормы предполагалось со временем привести в соответствие с российским законодательством, что поручалось личному усмотрению наместника, а народные суды в конце концов должны были смениться словесными судами. Но пока,

согласно «Временным правилам», народным судам, использовавшим в своей практике нормы обычного права и шариата для урегулирования гражданских и уголовных преступлений, были подсудны лишь отдельные незначительные дела, предусмотренные общероссийским «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (изд. 1866 г. — см.: [Свод законов Российской империи 1866]). Тяжелые уголовные преступления, совершенные в селах, а также поземельные тяжбы передавались в ведение мировых судов. Апелляционной инстанцией для них стал Владикавказский окружной суд, в который дела попадали по рапортам сельских старшин.

Учреждение низовых судебных структур на первых порах значительно облегчало деятельность окружных судов, куда, впрочем, поступало весьма незначительное количество дел, что явствует из годовых ведомостей, составлявшихся начальниками округов Терской области (табл. 1.).

Основная нагрузка приходилась все же на сельские суды, где поток «маловажных» дел рассматривался в ходе словесного разбирательства сельскими судьями.

Положением о «Горском словесном суде» 1870 г. был узаконен принцип выборности рядовых членов суда, председательствовать же в суде назначалось начальнику округа либо его помощнику, либо помощнику атамана отдела или участковому начальнику. (Много позже, в 1908 г., устанавливался новый порядок выборов членов суда — двухстепенный, на три года, с месячным жалованием депутатам суда 16 руб. 66 коп. [Рейнке 1912: 16-17]) По мнению заместителя, участие в постановлении решений суда «представителя правительственной власти» открывало возможность действовать «в духе народных воззрений, но воззрений постепенно смягчаемых и направляемых к понятию более развитых народностей» [Всеподданнейший отчет 1870: 4].

Таблица 1

**«Ведомость о деятельности Осетинского окружного суда
с 1 янв. 1869 — по 1 янв. 1870 г.»**

(составлена начальником Осетинского округа)

	К 1 янв. 1869 г. оста- лось нерешенными	С 1 янв. 1869 г. по 1-е янв. 1870 г. по- ступило	С 1 янв. 1869 г. по 1-е янв. 1870 г. пога- шено	К 1 янв. 1870 г. оста- лось нерешенными
Уголовных по убий- ству	1	1	2	—
по поранению	2	2	3	1
холопских	2	3	5	—
Спорно-тяжебных	5	6	8	3
по воровству	6	39	30	15
долговых	4	4	5	3
Об ношении оружия без поранения	—	1	1	—
бесчестие	—	1	1	—

Примечание: В число дел, «состоящих в рассмотрении и оконченных в окружном суде, не включены дела, которые погашены в сельских судах и были рассматриваемы по протестам спорящих и разногласиям сельских судей, а также и маловажные претензии, оконченные по словесному разбору миролюбиво» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 6, д. 1283, л. 56-56об.].

Аналоги горских словесных судов учреждались в разных областях Кавказского наместничества, хотя и назывались несколько иначе: так, в Дагестанской, Карской и Батумской областях и в Закатальском округе они именовались окружными словесными судами (иногда — народными судами). Статус горских словесных и народных судов определялся ст. 761 Устава гражданского судопроизводства (изд. 1864 г.) и ст. 220 Учреждения управления Кавказского края (ред. 1906 г., ряд разделов которого дублировал версию «Учреждения управления Кавказского и Закавказского края» 1876 г.), где отмечалось, что «горские суды сохраняются временно, в зависимости от успеха гражданственности» [Абазов 2014: 27].

Подсудность этих учреждений определялась прежде всего принадлежностью спорящих сторон к горскому населению и родом самих дел. В случае если одну из спорящих сторон представляли лица, не принадлежавшие к «горскому населению», разбирательство переносилось в общие судебные установления. Словесные суды были вправе рассматривать гражданские иски, не превышавшие тридцати рублей и отнесенные к ведению мирового судьи, иски о наследстве, о невыполнении долговых обязательств (с суммой иска не свыше двух тысяч рублей — в Терской и Кубанской областях, а в Нальчикском горском суде — до четырех тысяч рублей), а также некоторые уголовные преступления, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: 1) о непредумышленном нанесении ран, увечья или смерти (несоответствие российского уголовного законодательства традиционной системе наказаний в случаях убийства, мотивированного кровной мезью, привело к изъятию из ведения окружного суда дел «кровомщения» и передаче их на рассмотрение в горские народные суды); 2) о нарушении пределов необходимой самообороны; 3) о кражах со взломом, если цена похищенного не превышает 300 рублей; 4) о похищении женщин. Подсудность гражданских исков определялась также местом жительства ответчика. В отношении уголовного разбирательства устанавливалось, что потерпевший не лишается права обращения в общие судебные установления, но лишь до начала рассмотрения дела в горском словесном суде.

В качестве наказания в горском словесном суде применялись как административные меры (тюремное заключение либо высылка во внутренние российские губернии, с 1893 г. — и в Сибирь, при этом суд был правомочен лишь вынести решение о виновности, мера же наказания определялась вышестоящим начальством), так и традиционные, предусмотренные обычно-правовыми нормами (штраф или изгнание из общества, причем размер штрафа, а также срок и место высылки опреде-

лялись судом). Однако виды наказания, налагаемого горским словесным судом, в разных областях Кавказа не были одинаковыми, и, например, в Терской и Кубанской областях не использовались изгнание из общества и административная высылка за пределы края. В целом приговор словесного суда считался окончательным, если им определялось денежное взыскание не свыше тридцати рублей с одного лица, арест не свыше одного месяца, а штраф по адату не превышал ста рублей. Окончательным решение по гражданским искам считалось, когда сумма иска не превышала ста рублей.

Хотя положение «О горском словесном суде» во многом унифицировало процесс судопроизводства на низовых уровнях судебной системы, обращение к обычному праву при разбирательстве мелких дел гражданского характера и применение в самом судопроизводстве традиционных элементов (принесение очистительной присяги, соприсяжничество, непризнание свидетельских показаний женщин, примирение сторон, композиционные выплаты в качестве возмещения ущерба и пр.) практиковалось одновременно с переводом уголовного и гражданского судопроизводства на общероссийскую законодательную базу [Рейнке 1912: 27, 28; Всеподданнейший отчет начальника Терской области 1892: 85].

Впрочем, тенденция на приведение всех элементов системы судопроизводства в соответствие с общими законоположениями была явно обозначена еще до проведения реформы — уже в деятельности народных судов в исключительных случаях применялись российские законы, что ограничивало сферу влияния на судебную процедуру обычного права, стремившегося любым прецедентам, случавшимся в общественной жизни, придать циклический характер, рассматривая их в виде частного случая традиционной нормы (см. об этом: [Леонтович 1882-1883 I: 7-8]. Этот же принцип наследовал и горский словесный суд, который в разрешении уголовных дел определял «по совести — степень виновности обвиняемого, по обычаю — количество вознаграж-

дения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону — следующее виновному наказание» (ст. 52).

Однако даже после проведения на Кавказе судебной реформы (см.: [ПСЗ-II, XLV, 48413: 711; ПСЗ-II, XLV, 48968: 541-543]) и учреждения горских словесных судов целый ряд пережиточных традиционных норм сохранился в судебной-процессуальной деятельности не только сельских словесных судов, но и в окружном словесном суде.

В основу судопроизводства в горских словесных судах, таким образом, оказалась положена идея, «сама по себе гуманная», поскольку «адаты настолько вкоренились в туземном населении... что трудно было одним росчерком пера подчинить их общесудебным учреждениям» [Хетагуров 2000 б: 220]. Будучи учрежденными для того, чтобы разгрузить окружные судебные инстанции, горские словесные суды, напротив, лишь вносили еще большую путаницу в судебное разбирательство. Сами эти суды были буквально завалены работой (а в производстве находилось более тысячи дел: например, только в 1890 г. их насчитывалось 1922). Это обстоятельство даже наводило руководство Терской области на мысль увеличить число заседаний словесных судов, сделав их ежедневными и высвободив только воскресные и праздничные (для мусульман) дни. Из года в год накапливался настолько большой объем нерешенных дел, что их количество даже превосходило число дел, находившихся в текущем производстве (к примеру, к концу 1891 г. число нерешенных в словесных судах Терской области дел достигало 2192 [Всепопданнейший отчет Начальника Терской области 1892: 83]).

Эта процессуальная нерасторопность явно противоречила самой идее учреждения словесных судов. Возможно, обычное право и шариат, к которым в своей деятельности обращались словесные суды, также были причиной столь медленного разбирательства. Как указывалось в отчетах Терской областной администрации, основная доля преступлений, разбиравшихся в

различных судебных учреждениях области (например, в 1891 г. — 48%, а через два года — уже 65,4%), приходилась на имущественные правонарушения. Как подчеркивал в 1890 г. в своей всеподданнейшей записке А. М. Дондуков-Корсаков, даже «видимые для всякого успехи, сделанные горским населением в привычке к мирному труду и занятиям, не могли, конечно, в несколько лет изменить и переделать характер его и веками слагавшиеся понятия». Свое мнение Дондуков-Корсаков подкрепил цифрами: так, в судах Терской области в 1888 г. рассматривалось 15364 уголовных дела, по которым было обвинено 5529 лиц, «причем наибольшая часть обвиненных, — утверждает главноначальствующий, — принадлежала, конечно, к числу горцев» [Всеподданнейшая записка 1890: 66]. Несмотря на то, что суждение, высказанное главноначальствующим, носило сугубо умозрительный характер, поскольку в отчетах начальника Терской области ни за указанный 1888 г., ни за последующие годы нет сведений о дифференциации преступлений по этническому признаку, косвенные основания для подобного вывода все же имелись.

Дело в том, что отношения по поводу собственности как отдельный аспект правоотношений в среде местных народов отличались особой неустойчивостью обычно-правовой регламентации и разнообразием конкретных правовых норм, регулирующих имущественные правоотношения в различных горских обществах, далеко не со всеми нюансами которых были знакомы те, кто должен был выносить судебное решение — назначаемые администрацией судьи. На такую опасность еще в 1864 г. указывал бывший в те годы начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликов, который в своем проекте «О преобразовании Главного народного суда» писал о невозможности «приискания лиц, коим известны были бы обычаи не только своего общества, но и прочих племен, населяющих Терскую область, так как почти каждое из отдельных обществ их составляющее имеют своеобразное устройство, свои отдельные адаты,

свои устные правила решения споров» [ЦГА-РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 8, л. 2]. Свою роль продолжали играть и традиционные понятия о воровстве (на что справедливо указывалось практически во всех административных и судебных инстанциях), которое не рассматривалось как правонарушение, если похищение имущества совершалось вне пределов своего общества. Одновременно сказывалась и устойчивость представлений о крайней нежелательности свидетельствования и соприсяжничества из-за угрозы кровнических отношений с родственниками подозреваемого. Повседневная практика управления упорно доказывала, что новый социальный порядок отнюдь не отменял старый, и все это, вместе взятое, делало проблему воровства со стороны горцев практически неразрешимой силами горских словесных судов. Недаром, как показала действительность, успешнее решались дела, разбиравшиеся в сельских судах без участия представителей администрации, где при отсутствии в традиционной юридической практике других способов доказательств эту функцию исполняла очистительная присяга или присяга потерпевшего.

Именно поэтому начальник Терской области генерал-лейтенант С. В. Каханов, придававший серьезное значение усовершенствованию судопроизводства в крае, в начале 90-х гг. XIX в. выступил с инициативой пересмотра «Положения о горском словесном суде» 1870 г. и составления проекта изменений и дополнений к нему [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1892: 86]. Кроме того, поскольку изъятие Осетии из сферы действия горских словесных судов, произведенное в октябре 1871 г., лишило осетин возможности разбираться по обычаю, что, по мнению администрации, привело только к росту числа нераскрытых преступлений ввиду вышеуказанных обстоятельств [там же], Каханов даже в течение нескольких лет ходатайствовал перед командующим войсками округа о введении здесь горского суда (поддерживая в этом своего предшественника А. М. Смекалова и опираясь на составленный еще в

1888 г. осетинским населением Владикавказского округа под руководством администрации общественный приговор [РГИА. Ф. 821, оп. 8, д. 712, л. 14-14об.]), одновременно доказывая целесообразность реформы самих горских словесных судов (см., например, Всеподданнейшие отчеты начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1891, 1892 гг.). В связи с этим начальник Терской области выступал и активным противником идеи введения в округе дополнительной должности мирового судьи [РГИА. Ф. 1405, оп. 542, д. 229, л. 20-20об.], находя в этом поддержку самого главноуправляющего [там же, л. 27об.].

Задуманные как временные, призванные заменить мировые судебные учреждения, открытие которых для местного населения Кавказа зависело от личного решения наместника, горские словесные суды как одна из организационных форм местного судопроизводства пережили и наместника, и само наместничество, и в очередном «Учреждении управления Кавказского края» 1886 г. вновь был поставлен вопрос о времени введения мировых учреждений «на одинаковых основаниях с занятыми русским населением местностями», право определения которого принадлежало теперь уже главноуправляющему (см.: [Учреждение управления Кавказского края 1886: 23]).

Но проблема окончательного включения кавказских горцев в общероссийскую судебную систему так и не была разрешена, и горские словесные суды активно действовали и в XX в. вплоть до 1917 г., вызывая нарекания самой местной администрации, юристов и общественности. «Горские суды, — писал уже в 1909 г. начальник Терской области А. С. Михеев, — имея довольно широкую компетенцию, которую законодатель дал только лишь вследствие исключительных бытовых условий горцев, их обычаев (адатов) и воззрений на гражданские и уголовные правовые отношения, тесно связанные с их религиозными верованиями, совершенно не удовлетворяют целям правосудия: производящиеся в них дела решаются лицами совершенно не

подготовленными для важной и серьезной задачи — применения общих законов и выяснения обычного права, почему заинтересованные в делах стороны, в массе случаев, не получают законного удовлетворения; искать же последнего путем нового разбора дел — лишены возможности, за отсутствием надлежащей апелляционной инстанции, в которой дела их могли бы рассматриваться в присутствии как их самих, так и других частных лиц.

В виду изложенного, необходимо раз и навсегда отказаться от проблематичных услуг этих исключительных судов для горцев Терской области, заменив их мировыми судами, что несомненно подымет самосознание населения, и скорее приобщит туземцев Области к остальному населению Империи, сделав их равноправными гражданами перед судом и законом... Помимо всего этого, введение мирового института для горцев Терской области принесет еще ту несомненную пользу, что председательствующие в горских словесных судах помощники начальников округов, будучи освобождены от этой обязанности, получают возможность принять участие в отправлении чисто административных дел по управлению округом» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области за 1909 год: 43].

Уже через год (28 октября 1871 г.) Осетия после учреждения горского словесного суда была изъята из его подсудности под предлогом того, что большинство осетин исповедует православную веру, — на Владикавказский округ было распространено действие судебных уставов России [Агишев, Бушен, Рейнке 1912: 141-142]. Таким образом были удовлетворены ходатайства, поступавшие от осетинского населения Владикавказского округа об упразднении у них горского суда. В судебном отношении тогда же был создан мировой отдел Владикавказского судебного округа (см.: [РГИА. Ф. 1149, оп. 8, т. 8, д. 60]), включавший шесть судебно-мировых участков [Отчет по Главному управлению наместника Кавказского 1873: 63]: собственно Владикавказский, Алагирский, Нальчикский, Пятигорский, Прохладненский, Геор-

гиевский (см. карту Терской области на 1891 г.: [РГИА. Ф. 1405, оп. 542, д. 229, л. 9])¹⁰. А с 22 декабря 1903 г. из подсудности горских словесных судов Кубанской области изымались дела, в которых участвовали осетины православного исповедания в качестве одной из сторон либо по односторонним их просьбам — все эти дела передавались на разрешение мировых или общесудебных установлений [Устав гражданского судопроизводства: 310-311; РГИА. Ф. 1151, оп. 15, д. 496, л. 36].

В целом в Терской области указами от 28 октября 1871 г. и 16 ноября 1876 г. было учреждено 10 должностей участковых мировых судей [РГИА. Ф. 1151, оп. 15, д. 496, л. 36], число которых увеличилось до 13 в соответствии с дополнительными штатами судебных установлений в Терской области, введенными с 1 января 1903 г. [там же, л. 124].

Практически одновременно с учреждением на Северном Кавказе горских словесных судов вводились сельские (в Кубанской области — аульные) суды, ставшие одним из звеньев низовой администрации, учреждаемой в сельских обществах (см.: [Положение о сельских (аульных) обществах 1871; ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 52, д. 680]). Еще до официального принятия соответствующего положения в Алагиро-Наро-Мамисонском участке Осетинского округа в 1868 г. в «виде опыта» вводились сельские суды, сменившие участковый суд, причем в качестве образца был взят соответствующий раздел Положения для Бакинской губернии [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 18-18об.]. Как отмечал в своем отчете начальник Осетинского (с 1869 г. — Владикавказского) округа А. Ф. Эглау, «мера эта оказалась весьма полезною и встретила живое сочувствие народа» [там же, л. 18об.].

Пределы ведомства сельских судов ограничивались делами, сумма иска по которым не превышала тридцати рублей, однако

¹⁰ Позже, в 1896 г., пятый — Алагирский — участок был разделен на два [РГИА. Ф. 1405, оп. 542, д. 229, л. 91, 93, 94], и во Владикавказском округе таким образом оказалось уже семь судебно-мировых участков.

по усмотрению начальника области она могла быть увеличена до пятидесяти рублей. Подсудности сельских судов подлежали все споры между жителями того же общества как по движимому, так и недвижимому имуществу (в пределах общинного надела), дела о вознаграждении за ущерб, причиненный имуществу, т. е. состоявшие главным образом в сфере хозяйственных отношений внутри общины, а также мелкие личные тяжбы, ряд аспектов договорного и наследственного права и дела о нарушении традиционной этики.

В связи с упразднением Владикавказского горского словесного суда и назначением одного «добавочного мирового судьи для разбора дел осетинского населения Терской области» [РГИА. Ф. 1405, оп. 71, д. 4217, л. 5] возникла необходимость установления порядка обжалования решений осетинских сельских судов. Наместник великий князь Михаил Николаевич поначалу счел возможным предоставить это право окружному начальнику и областному правлению [там же, л. 8], но уже в декабре 1874 г. он провел через Кавказский комитет и Государственный совет решение о предоставлении ему самому права разрешения вопроса «о порядке обжалования и отмены решений Владикавказских осетинских аульных судов» [там же, л. 9-10об.]. Император лично утвердил предложение великого князя [ПСЗ-II, XLIX, 54142: 414-415].

Однако эти мероприятия властей, взявших под контроль судебную деятельность в низовых структурах, по наблюдению одного из современников, «унизили администрацию (имеются в виду низовые звенья административной системы. — Е. К.) и до крайности стеснили административную власть, которая, связанная правилами устава уголовного судопроизводства, не может проявить должной энергии. Ослабление административной власти в глазах населения принимает характер бессилия власти, ведущее за собой неуважение к ней» [Гершельман 1908: 37-38].

Специфика судебной реформы на Кавказе поставила в совершенно особое положение, которое сказывалось и трид-

цать лет спустя после их учреждения, местные окружные суды. Старший председатель Тифлисской судебной палаты, к которой был причислен Владикавказский окружной суд, подчеркивал, что «окружные суды Северного Кавказа, ввиду особенностей местного судоустройства, не поддаются сравнению с окружными судами остальной России. Труд, соединенный с разрешением, без участия присяжных заседателей, подсудных этим последним, уголовных дел настолько велик, так много приходится тратить времени как на занесение в протокол свидетельских показаний, отбираемых часто чрез переводчиков, так и на изложение приговоров в окончательной форме, что два таких дела следует признать равными по меньшей мере трем делам, разрешаемым при участии присяжных заседателей» [РГИА. Ф. 1405, оп. 542, д. 229, л. 31об.]. В среднем за 1896-1898 гг. на семь членов Владикавказского окружного суда (до 1897 г. их было восемь, но последовавшее увеличение числа мировых участков и введение еще одной должности мирового судьи во Владикавказском округе произошло за счет сокращения штатной численности Владикавказского окружного суда [там же, л. 67-68]) приходилось 562 дела [там же, л. 103об.], и это — при норме в 150 дел! Непомерно в сравнении с 1869 г. возросло и общее количество дел, рассматриваемых во Владикавказском окружном суде [там же] (эти данные приведены в табл. 2).

Таблица 2

Количество дел, рассматриваемых во Владикавказском окружном суде

1896 г.		1897 г.	1898 г.	
Оставалось	Вступило	Вступило	Вступило	Осталось
826	3267	3825	3934	960

В общем, все возрастающем, потоке дел, поступающих в окружной суд, свое место занимали дела местного населения края, количество которых также из года в год увеличивалось [там же, л. 117] (см. табл. 3).

Таблица 3

**Сведения о следственных делах местного населения, поступивших
во Владикавказский окружной суд**

Число возникших следственных дел:	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
Об убийствах	348	329	398	343	407	421	571
О разбоях и грабежах	227	247	322	461	436	350	564

Сложностей, с которыми приходилось сталкиваться учрежденным реформой мировым судам, было не меньше.

Вся Терская область была разделена на два судебно-мировых округа: Владикавказский и Кизлярский, площадь которых составляла соответственно больше 15 тыс. и 45 тыс. кв. верст. Во Владикавказском округе было поначалу пять, затем семь мировых участков, в Кизлярском — всего четыре. Мировые суды, куда поступало непомерно большое число дел, явно не справлялись с работой: к примеру, к каждому из мировых судей Владикавказского округа в одном только 1894 г. поступило:

к мировому судье	1 участка	1922	
— — —	2	2037	
— — —	3	1597	
— — —	4	750	
— — —	5	5211	
— — —	6	2155	[там же, л. 57об.].

Как видно, наибольшая нагрузка приходилась на пятый (Алагирский) участок Владикавказского судебного округа. По мнению мирового судьи этого участка, высказанном в донесении от 25 ноября 1890 г., главной причиной «ненормального положения участка» является не только масса неразрешенных дел, но громадное количество вновь поступающих дел. Пятый мировой участок вообще был поставлен в особые условия, которые определяли: «во-1-х, обширность территории участка, населенного исключительно осетинами, имеющими, как известно, особую страсть к тяжбам и дела которых приходится разбирать

с участием переводчика, что замедляет производство и не позволяет назначать к разбору большого количества дел; во-2-х, отсутствие правильного сообщения не только с горскими селениями, но и городом Владикавказом, а отсюда медленность при сношениях по производящимся делам; в-3-х, неисполнение почти без исключения всеми старшинами осетинских селений и атаманами станиц требований относительно своевременного возвращения повесток по делам, назначенным к разбору, и, наконец, в-4-х, усвоенное осетинами ответчиками и обвиняемыми обыкновение не являться ко дню разбора дела по первому требованию судьи, а на состоявшиеся вследствие этого заочные определения приносить отзывы о пересмотре дел и этим утраивать работу» [там же, л. 2об.–3.].

В 1896 г. через мировые суды Владикавказского округа в целом прошло 11815 дел, в 1897 г. — 12863, в 1898 г. — 12443 [там же, л. 100об.], а в 1901 г. — уже 17020 дел [там же, л. 115]. Таким образом, один мировой судья должен был рассматривать в среднем от 1768 до 2430 дел ежегодно, что намного превышало установленную практикой норму (1200-1500 дел в год).

В журнале Министерства юстиции за 21 февраля 1896 г. особо отмечено: «В продолжении этого времени (прошедшего со времени учреждения мировых судов — *Е. К.*) количество дел мировой подсудности в названном округе (Владикавказском — *Е. К.*) значительно увеличилось. Еще в 1885 году у всех шести мировых судей Владикавказского округа возникло всего 6882 уголовных и гражданских дела, а в 1894 г. число дел возросло у них почти вдвое, а именно до 13672. В особенно же обремененном положении находится мировой судья 5-го участка, в котором количество ежегодно поступающих дел, постепенно увеличиваясь, достигло в 1894 году 5211, т.е. цифры, более чем в 4 раза превышающие нормальное годовое поступление к участковому мировому судье (1200). Притом деятельность означенного мирового судьи затрудняется племенным составом населения участка, в котором проживают преимущественно горцы, не по-

нимающие по-русски, а с другой стороны — крайне неблагоприятные условия разъездов, вследствие расположения участка в горной местности, в которой не имеется сколько-нибудь удобных путей сообщения» [там же, л. 57-57об.].

Такое превышение в «малокультурной Терской области, — как ввиду обширности в ней мировых участков, так и вследствие постоянной необходимости прибегать при разборе дел к помощи переводчиков», имело результатом «чрезмерную медленность» в движении дел мировой подсудности [там же, л. 100об.]. Поэтому съезд мировых судей Владикавказского округа уже в сентябре 1898 г. выступил с очередным ходатайством [там же, л. 74], поддержанным министром юстиции [там же, л. 102.], об увеличении числа мировых участков в округе.

Введенный в действие с 1 января 1903 г. проект дополнительных штатов судебных установлений в Терской области [там же, л. 122], в соответствии с которым снова до восьми человек увеличивалось количество членов Владикавказского окружного суда, а в Терской области увеличивалось и число мировых участков, два из которых располагались во Владикавказском округе (таким образом здесь формировалось девять мировых участков), должен был несколько облегчить деятельность общесудебных учреждений и повысить ее эффективность.

Таким образом, к концу XIX — началу XX вв. в Терской области функционировала достаточно громоздкая судебно-административная система, в которую помимо окружного входили мировые, горские, слободские, станичные, сельские и почетные суды с различающимися пределами ведомств, неопределенностью законодательно-правовой регламентации собственной деятельности и плохо проработанной правовой базой: каждое из этих учреждений руководствовалось в своей работе особыми инструкциями, вырабатываемыми областным и окружным начальством. Именно такой порядок, «инструкционный», являлся основным механизмом «упорядочения» правового быта горского населения в течение всего периода становления в крае рос-

сийской административной системы [Рейнке 1912: 6-7]. Однако проведенные преобразования привели к некоторой степени рационализации и унификации местной юридической практики, к чему, собственно, и стремилась региональная администрация. А упразднение военно-народных округов и введение гражданского управления в начале 70-х гг. XIX в. привело к тому, что горское население Терской области формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением края.

Впрочем, в низовых судебных инстанциях в качестве правовой базы для их решений по-прежнему использовались традиционные юридические нормы, в соответствии с которыми определялись как степень виновности, так и размер штрафа. Количество дел, прошедших через низшие судебные установления, также увеличивалось практически ежегодно. В 1905 г. через девять мировых участков Владикавказского судебного мирового округа прошло 13784 уголовных дела, из которых 9316 было окончено, и 11865 дел гражданского характера, из которых окончено 9232 дела. В 1909 г. общее количество дел Владикавказского мирового округа составило уже 19338 [РГИА. Ф. 1405, оп. 109, д. 12271, л. 1об.–2.].

Неопределенность деятельности низовых судебных установлений вела и к росту жалоб на принятые в этих судах решения, поступающих в областное правление. Так, в том же 1909 г. в областном правлении было рассмотрено 515 кассационных жалоб из одних только сельских судов, из которых лишь чуть менее половины были отклонены [Отчет начальника Терской области 1910: 65]. Сказывался и недостаточно прописанный для них порядок подачи жалоб: апелляционных либо кассационных. В отличие от процедуры обжалования приговоров сельских судов, опротестование решений мировых судов было четко установлено: так, в уже упоминавшемся 1905 году число апелляций, поданных на решения мировых судов, составило 373, а число жалоб и протестов на окончательные приговоры съездов мировых судей — лишь 18 [РГИА. Ф. 1405, оп. 109, д. 12271, л. 5].

Столь пестрая организация судебной сферы на Северном Кавказе делала сомнительными конечные результаты проведенной реформы, основная цель которой сводилась именно к упорядочению организационных форм и правовой базы местных судебных учреждений разного уровня с одновременным усилением государственных начал в судопроизводстве.

Несмотря на то, что в процессуальной деятельности низовых судебных органов, учрежденных для местного населения, и допускалось применение норм обычного права и шариата, сфера их реального использования была крайне ограничена, и наиболее значительные с точки зрения российского законодательства преступления находились в компетенции общесудебных установлений. Кроме того, если прежде, в соответствии с традиционной юридической практикой, случай разбирательства, не находивший прямых аналогий в предшествующем опыте, становился прецедентом, рассматриваемым как частный аспект традиционной нормы, то теперь в подобных ситуациях также применялось общеимперское законодательство. Однако особенности традиционного правосознания практически сводили на нет «попытку привить к горским и народным судам начала русского судопроизводства» [Рейнке 1912: 10]. Никакие правительственные распоряжения не могли отменить местной юридической практики, не знавшей разделения противоправных поступков на гражданские и уголовные и использовавшей собственную систему наказаний помимо (а зачастую и вместо) санкции, наложенной официальным путем, по суду. В действительности случалось так, что тот, «кто отбывал наказание по закону, тот силился избежать второго наказания по обычаю... Кто вслед за совершением преступления примирился с потерпевшим и отбывал наказание по обычаю, тот, конечно, пытался оградить себя от нового наказания по закону» [Иваненко 1904: 123].

В количественных показателях движения дел в мировых судебных учреждениях нашли косвенное отражение и тради-

ционные представления о применимости наказания лишь к тому лицу, на кого указано как на подозреваемого: к примеру, в 1905 г. мировыми судьями в девяти участках Владикавказского мирового судебного округа по жалобам частных лиц возникло 1885 дел, а по сообщениям полицейских и других административных властей — 4976 [РГИА. Ф. 1405, оп. 109, д. 12271, л. 4об.-5].

В итоге предельная рационализация местной юридической практики, к которой стремилась администрация, согласуясь в целом с идеей укрепления центральной государственной власти, кардинальным образом противоречила обычно-правовой основе поддержания социального порядка и в целом расходилась с принципами и нормами жизнеустройства горского общества, не облегчая, а, напротив, затрудняя взаимопроникновение разных юридических систем. «...Населению Кавказа приходится расплачиваться за свой обычай, — с горечью констатировал видный представитель северокавказской интеллигенции К.Л. Хетагуров. — Сопротивление оказывается всегда вооруженным, грабеж — разбоем, а пустое похищение движимого имущества — вооруженной кражей, и судебный приговор является прямо несогласным с жизнью. В противном случае, если в основу его ляжет сознание бытовых условий, он разойдется с законом» [Хетагуров 2000 а: 100].

Проблема соотношения в общественном быту горцев традиционных правовых начал, проистекавших из представлений о должном и допустимом и лежавших в основе народной ответственности, и легально-правовых общегосударственных законоположений, имевших совершенно иной социальный смысл и ориентированных на иную ценностную шкалу, волновала многих передовых ученых и публицистов. Те же вопросы обсуждались и применительно к Закавказью, где целые слои общества ратовали за введение «суда общественной совести» — т.е. суда присяжных (см.: [Записка Кутаисского дворянства 1903]). Эта тема занимала важное место и в публицистике К. Хетагурова, к

которой он неоднократно обращался в своих произведениях («Общественный приговор», «Накануне», «Неурядицы Северного Кавказа» и др.). С одной стороны, публицист симпатизировал идее организации горских словесных судов на обычно-правовых началах, поскольку она «соответствует строю горской жизни» [Хетагуров 2000 а: 114], но с другой — призывал общественность к тому, чтобы «туземцы» рассматривались как равноправные граждане единого государства, к которым оно обязано относиться с должным уважением. Сохранение для горцев обособленных, упрощенных форм организации судопроизводства, якобы под предлогом «воздержания от ломки туземных обычаев», более соответствующего местным условиям, в действительности давало широкий простор для злоупотреблений, многочисленных нарушений законности и правопорядка, и не только подрывало веру людей в справедливость власти, но и ставило их в унижительное по сравнению с остальным населением края положение, ущемляя тем самым в законных правах граждан единого отечества.

Сделать горцев законопослушными призваны были жесткие административно-полицейские меры, к которым правительство периодически прибегало в течение 80-х — 90-х гг. XIX в. К примеру, уже упоминавшиеся правила об административной высылке в Восточную Сибирь лиц, подозреваемых в краже скота и лошадей, распространенные на Кубанскую и Терскую области в ноябре 1893 г., были оглашены «неграмотным туземцам... по несколько раз... в мечетях и на общественных сходах; затем немедленно были составлены списки всем заведомым ското-и-конокрадам, из которых в 1894 году 114 человек были представлены к административной высылке; в том же году было разрешено выслать всех 114 человек. Такое энергическое применение нового закона произвело на население сильное впечатление», — не без удовлетворения подытоживал С. В. Каханов [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1897: 71]. Областное руководство было глубоко убеждено в необходимо-

сти демонстрации силы административной власти, поскольку ее «излишняя осторожность и снисходительность... могут быть истолкованы как признаки слабости...» [там же: 72]

Авторитет официальной власти должен был поддерживаться силой наказания. Именно этими побуждениями руководствовалась областная администрация, когда, к примеру, подала ходатайство, высочайше утвержденное в 1897 г., о расселении чеченского села Бамат-Юрт, упорно отказывавшего выдать преступников, и предоставлении освободившейся земли русским крестьянам под поселение [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1899: 71-72]. На умышленную демонстрацию силы были направлены и меры по разоружению местного населения нескольких сел области и запрещению ношения оружия «навсегда» [там же: 72]¹¹.

Между тем, ужесточение репрессивных мер ничуть не способствовало главной задаче правосудия — поддержанию общественного порядка и стабильности существующей системы, и даже один из наиболее последовательных сторонников жесткого подхода к управлению местными народами, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска С.В. Каханов к концу своей службы вынужден был признать, что «для борьбы с преступностью в туземном населении области одних административно-полицейских мер недостаточно». Областное руководство все же пришло к осознанию необходимости принятия по отношению к местным народам самых широких мер прямо противоположного свойства: «развития среди туземцев образования, путем учреждения в их селениях возможно большего числа русских школ, а также ввести среди всех туземцев обязательное отбывание воинской повинности

¹¹ Подобные предложения о запрещении ношения оружия высказывались еще в 60-х гг. XIX в., причем подчеркивалось, чтобы мера эта была принята одновременно во всех округах (Терской. — *Е. К.*) области, иначе она возбудит «ропот в народе» (из «Отчета начальника Осетинского округа за время с 1 января 1863 по 1 января 1869 года» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 40].

натурой: школа расширит их умственный кругозор и повлияет на искоренение вредных обычаев, а пребывание в строевых частях приучит их к дисциплине и подчинению правящей власти» [там же: 73].

Уже в первые годы XX века был поставлен вопрос о реформе суда на Кавказе [Евангулов 1901; Именной высочайший указ 1909]. Еще в 1894 г. для пересмотра законоположений по судебной части при Министерстве юстиции была создана особая комиссия, которая к весне 1899 г. одобрила проекты новой редакции учреждения судебных установлений и уставы уголовного и гражданского судопроизводства. Общая направленность предполагаемой реформы отразилась и на той части проектов, которые касались судебного устройства на Кавказе, в том числе и в низовых инстанциях (см. подробнее: [Евангулов 1901]).

Причиной, диктовавшей необходимость очередного реформирования судебной сферы, послужила явная неэффективность деятельности горских словесных судов, главным бичом которых стало лжесвидетельство. Размах его был настолько велик, что в Министерстве юстиции даже засомневались в уровне профессионализма местных судей, заподозрив их в слишком формальном подходе к оценке истинности свидетельских показаний [РГИА. Ф. 1405, оп. 80, д. 8760, л. 5]. Тем не менее, на борьбу с этим широко распространенным явлением были брошены силы отдельных департаментов Министерства юстиции, которым уже в 1898 г. учреждалась комиссия, действовавшая под председательством самого министра Н. В. Муравьева, по пересмотру судебного законодательства на Кавказе [там же, л. 4]. Комиссия ставила перед собой задачу выяснить, «а) насколько живо осознаются и в какой мере точно соблюдаются на практике те общие и основные положения закона об оценке силы и значения свидетельских показаний, которые установлены судебными уставами и разъяснены к руководству судебным местам Правительствующим сенатом; б) не замечается ли в действительности слишком формального, узкого и одностороннего

взгляда на свидетельские показания как доказательства; в) принимаются ли какие-либо меры и, если принимаются, то какие именно к устранению вредного влияния лжесвидетельства на правосудие» [там же, л. 5-5об.]. В ответ на запрос комиссии старший председатель Тифлисской судебной палаты отвечал, что лжесвидетельство представляется действительно распространенным явлением во всем Кавказском крае, но было бы ошибочно думать, что проявляется оно исключительно в судебных установлениях «как средство достижения не соответствующих действительности, но выгодных для той или другой стороны судебных решений и приговоров. Ближайшее ознакомление с деятельностью в крае административных установлений всех ведомств и даже таких, стремящихся снизить к правовым и религиозным воззрениям невежественной массы населения учреждений, каковыми являются военно-народные суды и суды духовные (магометанской религии), из коих первые обязаны руководствоваться при разрешении дела народным обычаем (адатами), а вторые шариатом, показывает, что свидетели из туземцев лгут пред своим духовенством, пред своими выборными старшинами, пред чиновниками полиции, акцизного, финансового ведомств, пред мировыми посредниками, в губернских правлениях, в поселянских и воинских присутствиях не менее, чем пред окружными судами, следователями и мировыми судьями» [там же, л. 7-7об.].

Если лжесвидетельство по делам уголовным порождалось и поддерживалось традиционными представлениями о коллективном характере вины и ответственности, при котором ответчиком выступала вся семейно-родственная группа как субъект коллективной ответственности, то в гражданских делах его провоцировала неопределенность поземельных отношений, открывавшая «широкую возможность захватов чужих земель, преимущественно казенных, за которыми вовсе не существовало никакого надзора и к защите которых от корыстных поползновений не принималось почти никаких мер» [там же,

л. 9об.]. Если к этому добавить отсутствие близких населению низовых органов власти, отмечаемое наряду с довольно большими размерами участков, подведомственных сельской администрации, боязнь мести со стороны обвиняемого, религиозные и традиционные морально-этические нормы, порицавшие доносительство, практическую безнаказанность, а по мнению председателя Владикавказского окружного суда еще и то, что «по распоряжению администрации края сельские общества являются ответственными за вред и убытки, причиненные преступлением виновного из их среды лица, если это лицо окажется несостоятельным к уплате всей суммы присужденного с него вознаграждения» [там же, л. 116-116об.], то понятно, почему так прочно в официальных судах и административных учреждениях утвердилось лжесвидетельство. Свое дело делали и «бесконечное куначество, родство и вообще дружная солидарность в любом процессе» [там же, ф. 919, оп. 2, д. 696, л. 12].

В Министерстве юстиции, однако, искренне считали, что принятие соответствующих мер поможет искоренить лжесвидетельство. Среди необходимых мероприятий назывались в первую очередь те, которые бы способствовали улучшению быта сельских жителей края, поднятию их «умственного и нравственного уровня» путем «распространения грамотности, образования и вообще начал цивилизации» [там же, ф. 1405, оп. 80, д. 8760, л. 117]. Затем уже упоминались меры, касающиеся порядка собственно уголовного судоустройства и судопроизводства, и прежде всего — улучшения следственной части, особенно на стадии первоначального расследования дел [там же, л. 117об-118об., 121].

Но и лжесвидетельство было не единственным недостатком словесных судов. Во многом их неэффективность определялась тем обстоятельством, что во главе подобных учреждений находился начальник округа, не имевший специального юридического образования и, к тому же, широко пользовавшийся правом передавать свои судейские полномочия другим должностным лицам собственной администрации. Кроме того, в лице этих «су-

дей» совмещались обязанности по расследованию преступлений, судебной оценке ими же добытых улик и самого исполнения приговора [Рейнке 1912: 14-15]. Местное население зачастую обращалось в общесудебные установления, минуя словесные суды, — не потому, что доверяло «соответствующим писанным законам», а чтобы избежать произвола, царящего в словесных судах, где формализм окончательно вытеснил справедливость.

Уже в начале XX в. стала широко обсуждаться проблема отмены таких специфических судебных учреждений, как горские словесные суды, и введения для всего населения Кавказа суда присяжных. Однако она в полной мере так и не была разрешена, хотя в высших правительственных кругах Петербурга (во многом благодаря авторитету кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова) и был намечен ряд реформ в судебных учреждениях, мотивируемых тем, что введение коронного суда, широкая подсудность мировых учреждений по уголовным и гражданским делам «невыгодно» отразились на населении края. На основании третьего пункта указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [Законодательные акты переходного времени 1909: 3-6], декларирующего необходимость введения «должного единства в устройстве судебной в Империи части» для «охранения равенства перед судом лиц всех состояний» и предполагающего строгое следование принципу разделения судебной и административной власти в судоустройстве всех областей России [там же: 5], был разработан проект реформы суда на Кавказе, а «для поднятия престижа уголовного суда» предписывалось «поставить надлежащим образом следственную часть» [Эсадзе 1913: 69]. По мысли кавказского наместника, судебные преобразования следовало распространить на все области Кавказа, что только укрепило бы в местном населении начала «общерусского правосознания» и содействовало «теснейшему объединению Кавказа с центральной Россией» [Всеподданнейшая записка 1907: 135-136].

Лишь с 13 февраля 1906 г. для ряда регионов Северного Кавказа (Кубанской области, Ставропольской и Черноморской губерний) были, наконец, введены в действие те статьи судебных уставов 1864 г., которые предусматривали учреждение суда с участием присяжных заседателей [Законодательные акты переходного времени 1909: 248-250]. Терская область в зону действия этих статей не вошла, и производство уголовных дел, находившихся в ведении окружных судов, по-прежнему должно было вестись без участия присяжных, хотя к выводу о необходимости упразднения «мнимой юстиции» [РГИА. Ф. 1405, оп. 532, д. 190, л. 7] привела и деятельность комиссии, инспектировавшей состояние судебного дела в Кавказском наместничестве в 1910-1911 гг. По мнению председателя комиссии сенатора Н.М. Рейнке, именно повсеместного введения на Кавказе мировых и общих судебных установлений настоятельно требовал «разумный интерес самих горцев, культурные задачи соседнего с ними русского населения и, наконец, общий государственный интерес» [там же].

Между тем, в разработанном по этому случаю членами комиссии проекте реорганизации судебной системы для горцев Кавказа [там же, л. 128-130; Рейнке 1912: 70-71] ставился вопрос о необходимости дифференцированного подхода к определению подсудности мировых судебных учреждений для местного населения. Так, все уголовные дела должны были быть изъяты из ведения горских и народных судов, поскольку российское уголовное законодательство более отвечало задаче «ограждения» государственного и общественного порядка. Дела же гражданские и особенно шариатские, не имея прямой связи с общественным порядком, обусловлены особенностями хозяйственно-экономической жизни местного населения и, кроме того, религиозными верованиями мусульман, и вмешательство государства в эту сферу могло служить поводом для нареканий в «отступлении от веротерпимости» [Рейнке 1912: 55-56, 61-62]. Для

окончательного решения гражданских дел (вне зависимости от цены иска) предлагалось создать отдельные судебные присутствия с участием в них выборных от населения лиц, т. е. нечто подобное традиционным третейским судам, учреждаемым при тех мировых участках, в ведомство которых входит горское население (или подобие суда шеффенов, существовавшего в Германии, Норвегии и некоторых кантонах Швейцарии, с совместным заседанием присяжных и профессиональных судей, которые вместе выносили решение как о виновности, так и о наказании). Таким образом была реанимирована идея учреждения смешанного состава суда, высказанная в проектах судебной реформы на Кавказе рубежа XIX-XX вв. [Евангулов 1901: 24-33] Председательствовать в проектируемых «третейских присутствиях» предназначалось мировому судье, что естественным образом освобождало администрацию от необходимости совмещения собственно административных и судебных полномочий. С другой стороны, таким путем исполнялось бы и пожелание, чтобы председателем суда являлся юрист. Апелляционной инстанцией для третейских судебных учреждений назначались мировые съезды — в Терской и Кубанской областях и окружной суд — в Закавказье. Высшими инстанциями становились соответственно Правительствующий Сенат и Тифлисская судебная палата.

Авторы проекта полагали, что введением «третейских присутствий» обеспечивалось бы бесконфликтное вхождение горцев в общегосударственную правовую систему, а со временем эти суды сами собой прекратили бы свое существование [Рейнке 1912: 64]. В итоге в судебной сфере в качестве временного, но все еще необходимого условия эффективного судопроизводства, а в более широком контексте — поддержания общественного порядка и спокойствия в крае, признавался правовой плюрализм, хотя, разумеется, ведущая роль в процессуальной деятельности отводилась общероссийской законодательно-правовой базе.

Но и этот проект, и другие соображения относительно переустройства судебной части на Кавказе остались лишь на бумаге. Уже в 1913 г. Воронцов-Дашков с сожалением высказывался по поводу того, что до сих пор недостатки судебного устройства на Кавказе не были устранены [Всеподданнейший отчет 1913: 17]. Здесь так и не был введен институт следователей, хотя этот аспект судопроизводства был выделен отдельным пунктом указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. Не были учреждены и суды первой инстанции для дел мировой подсудности в сельских местностях Кавказа, не были разрешены вопросы введения в состав суда представителей местного населения. В Министерстве юстиции доминировало мнение по поводу ненужности введения широкого суда с участием выборных от населения, «ибо малокультурные племена наших азиатских окраин готовы скорее поверить в справедливость и подчиниться приговору русского коронного судьи, чем решению местного обывателя из их же среды» [Дякин 1998: 531]. Учреждение суда присяжных представлялось невозможным из-за разноплеменности населения, что, как полагали в министерстве, являлось значительным препятствием для ведения судопроизводства на русском языке, сохранившихся обычаев кровной мести, что в свою очередь не могло не внушать опасений, что «присяжные заседатели не будут терроризированы или не будут руководствоваться при решении дел национальными интересами», и, наконец, из-за резкого различия российского закона и местных обычаев [там же: 532].

Таким образом, сложившаяся к началу XX в. ситуация в сфере судоустройства на Центральном Кавказе являлась следствием проведенной еще в 60-70-х гг. XIX в. судебной реформы. Однако преобразования, потребовавшие столько административных усилий государства и ориентированные в идеале на включение северокавказской окраины в общероссийское административно-правовое поле, в действительности мало

отвечали и интересам правительства в регионе, и потребностям модернизационного развития местных социумов. Реформирование судебной системы, адекватно отвечавшее бы этим задачам, до последних дней существования Российской империи продолжало оставаться одной из острейшей проблем оптимизации государственно-административного управления Северным Кавказом.

«Учредить в селениях правильный сельский строй»

Анализ российской административной практики на Северном Кавказе и оценка ее результатов будут неполными без обращения к низовым управленческим институтам. Как правило, исследователи, занимающиеся вопросами истории административного управления в регионе, его становления и развития, концентрируют внимание на таких его организационных формах, которые были представлены высшими звеньями административной иерархии и деятельность которых в целом не оказывала существенного воздействия на традиционный жизненный уклад горских социумов. Между тем, именно здесь, на уровне сельских общин, в повседневной жизни горского крестьянства, где пресс государства ощущался в наибольшей степени, постепенно вызревал целый клубок противоречий, возникших в ходе распространения российской «гражданственности» и неизбежного на этом пути столкновения традиционализма и модернизации.

Как следует из официального дискурса, сложившегося в административной сфере деятельности российского правительства, достижение единого имперского порядка напрямую связывалось с проблемой унификации по общеимперскому образцу разнообразных практик жизнеустройства народов, проживавших в территориальных границах Российского государства. Этот процесс подразумевал учреждение в местных обществах такой внутренней организации, которая бы обеспечивала их управляемость в общероссийских административных категориях. Поставив перед собой задачу скорейшего «обрусения» окраинных провинций, правительство неуклонно шло по пути унификации и стандартизации создаваемой там системы управления и приведения местных форм самоорганизации и самоуправления в соответствие с теми, что существовали в центральных районах империи.

На Центральном Кавказе распространение принципов государственного устройства пошло по пути формализации и бюрократизации административной деятельности на всех уровнях

административной системы, что в целом отвечало идее укрепления централизованной власти в империи. Особенности же хозяйственно-политического развития местных социумов наложили заметный отпечаток на конкретные проявления этого процесса, во многом определив формы и методы управления, значительно менявшиеся во времени в зависимости как от социально-политического контекста, так и внутривластной конъюнктуры.

Административное переустройство горского села изначально составляло предмет особого внимания кавказских властей, однако эта сторона жизни местного населения долго обходилась без соответствующего законодательно-правового оформления. Вмешательство в традиционный жизненный уклад носило преимущественно спонтанный, ситуативный характер и было поначалу опосредовано сферой судопроизводства, когда сами жители обращались к «начальникам русским» для разбора их дел и жалоб [АКАК, V: 523-525]. Апелляция к авторитету российской власти в этих случаях основывалась на ее восприятии в соответствии с традиционными понятиями о старшинстве¹² и легитимировала вмешательство официальных российских властей в рамках третейского разбирательства.

На ранних этапах административного освоения региона управление горцами сводилось главным образом к полицейскому надзору со стороны ближайших «кордонных начальников» — комендантов укреплений Кавказской военной линии, возникших в предгорной зоне и вдоль Военно-Грузинской дороги. Выступая с протекционистских позиций, Петербург поначалу в своей деятельности исходил из необходимости «мягкого» административного воздействия на местное население, с достаточной осторожностью приглядываясь к местным условиям. И первые проекты по организации управления в регионе демон-

¹² Косвенные указания на этот счет можно обнаружить в различных описаниях осетинского быта — см., например: [Борисевич 1899: 243; Пахомов 1904: 101].

стрировали попытку адаптировать принципы государственного администрирования к привычному жизнеустройству горских обществ, являя по сути довольно причудливое переплетение формально-бюрократических механизмов управления с местными нормами общежития.

Первым из кавказских администраторов, кто предложил долгосрочную программу политико-административного подчинения Северного Кавказа, учитывающую как специфику общественного устройства кавказских народов, так и традиционную юридическую практику и конфессиональные предпочтения, был П. Д. Цицианов. Во всеподданнейшем рапорте, представленном в марте 1804 г., содержалось изложение основных идей Цицианова по поводу управления Кабардой. Полагая, что «введением в Кабарду роскоши» можно добиться «сближения с российскими нравами», главноуправляющий предложил изменить всю прежнюю систему «воспитания юношей» путем их образования в российских учебных заведениях [АКАК, II: 952-954]. Это, по убеждению автора, должно было свести к минимуму недовольство Россией и облегчить впоследствии управление спокойным регионом в интересах империи. Идеи, высказанные Цициановым по поводу преобразовательной силы «воспитания» горцев, казались администраторам достаточно продуктивными. Например, спустя полтора десятка лет, в 1816 г., адмирал Н. С. Мордвинов также доказывал необходимость учреждения в российских городах специальных школ для «воспитания молодых князей и детей старшин народных», чтобы там «находили они свои обряды и свойственные горским жителям упражнения, как-то: употребление оружия, ристания на конях и другие им сродные телодвижения» [Кавказ и Российская империя 2005: 267]. По мысли адмирала, минимизировать материальные и людские потери на Кавказе можно было единственным способом: «нравственным соединением», т.е. близким знакомством горцев с российскими «понятиями, вкусами, нуждами и требованиями» [там же: 266].

Местную специфику пытался в своей административной деятельности учитывать и А. П. Ермолов, уже в ноябре 1816 г. предложивший проект административного обустройства одного из северокавказских регионов — Осетии, вызванного «необходимостью обуздания осетин» и «воздержания» их «от шалостей» [АКАК, VI, 1: 685]. Выраженность в социальной жизни осетинских обществ принципа старшинства (об этом см.: [Кобахидзе 2010: 101-118]) побудила Ермолова обратиться к авторитету старейших членов сельских общин при формировании волостных управ, куда они должны были привлекаться для административной деятельности в самих обществах. Разработанный Ермоловым план волостного управления¹³ стал пробным шагом на пути формирования низовых звеньев государственного управленческого аппарата, адекватных общероссийским.

Упорядочение общинной жизни горских обществ как один из аспектов регионального управления продолжало оставаться в поле зрения правительства, но эффективной реализации этого направления кавказской политики или хотя бы его детальной разработке мешали активные военные действия на Северном Кавказе [АКАК, IX: 744-747; Кавказ и Российская империя 2005: 380, 382]. Ситуация кардинально изменилась к концу 50-х гг. XIX в. Близившееся окончание Кавказской войны изменило соотношение политических сил в регионе, выдвинув на повестку дня задачу включения присоединенных земель в хозяйственно-экономическую систему государства. Упразднение Кавказской военной линии в конце 50-х гг. подтвердило прочность российских политических позиций на Кавказе, а последующие территориально-административные преобразования в наместничестве должны были способствовать скорейшему развитию «полной системы экономических мер для устройства народного благосостояния» [АКАК, XII: 1289]. «Устройство окончательно-

¹³ Проект, очевидно, касался равнинных осетинских поселений, основанных в ходе переселенческого движения в первом десятилетии XIX в.

го управления горскими племенами», по убеждению наместника Барятинского, становилось «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе» [там же: 1278].

«Устройство окончательного управления» подразумевало введение в горских обществах его новых организационных форм, близких тем, что сложились в центральных российских губерниях. И уже в начале 60-х гг. XIX в. в документах, регламентирующих порядок гражданского управления в отдельных частях региона, появились некоторые намеки на предстоящие коренные изменения общинного быта горцев. К примеру, в «Инструкции для окружных начальников» 1860 г. [там же: 1192-1198] специальный раздел посвящался порядку управления в аулах, где предполагалось учреждение сельской администрации в лице старшины и его помощников из десятских (по одному на каждые 50 дворов). Старшине, который должен был выбираться «из почетных людей» [там же: 1197], вменялось исполнение полицейских обязанностей с правом наказывать провинившихся арестом до пяти дней, для чего в каждом селе предполагалось устройство «особливой караульни». Содержать сельскую администрацию (натурой или деньгами) предназначалось самому обществу в количестве, определяемом начальником округа и утвержденном командующим войсками.

Однако вопрос о формировании системы управления горцами оставался пока открытым. В «Положении об управлении Терской областью» 1862 г. [ПСЗ-II, XXXVII, 38326] ему посвящалось лишь несколько строк: «Затем сельское управление учреждается в округах на основании особых положений, которые для сего имеют быть составлены» [там же: 500]. Впрочем, новое «Положение» намечало контуры администрирования лишь в самых общих чертах, предполагая разработку в ближайшем будущем отдельного комплекса особых инструкций, правил и постановлений, детализирующих и уточняющих целый ряд позиций, не нашедших должного отражения в этом административно-правовом документе: об управлении «туземными племенами».

нами», о порядке сельского управления, о деятельности народных судов и т.п.

Впрочем, предусмотренные документом «особые положения» созрели лишь к началу нового десятилетия, когда, по мнению нового наместника великого князя Михаила Николаевича, «дело гражданского развития некоторых горских населений» продвинулось настолько, что стало возможным «подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям» [Всеподданнейший отчет 1870: 119]. Для последовавших затем преобразований в качестве образца была принята крестьянская община центральных российских губерний как наиболее оптимальная форма обеспечения административно-полицейского контроля над местным населением.

К административному переустройству горского села правительство приступило после проведения в крае реформы по освобождению зависимых сословий, начавшейся в 1866 г. с Кабардинского округа, и находившейся в тесной связи с этими мероприятиями земельной реформы, предоставившей горцам, выселившимся на плоскость, землю на основе уравнительного распределения участков на праве общинного владения.

Но даже несмотря на официальное признание окончания Кавказской войны, региональные власти в своем административном порыве вынуждены были действовать достаточно осторожно, поскольку, как указывал в декабре 1866 г. начальник Терской области Лорис-Меликов в докладной записке на имя главнокомандующего Кавказской армией о положении дел, системе управления и необходимых мероприятиях в Терской области, «горские племена Кавказа еще не искренне примирились с мыслью о полной покорности русской власти... отдельные и серьезные вспышки всегда возможны, и нередко могут быть вызваны приведением в исполнение вполне справедливых и необходимых преобразований в быте туземного населения» [РГИА. Ф. 866, оп. 1, д. 40, л. 10об.-11]. Но после введения 1 января 1871 г. в Терской и Кубанской областях «гражданского

устройства» [Отчет по Главному управлению наместника Кавказского 1873: XII, 60-61] правительственная политика по «приобщению» горцев к «общерусской гражданственности» заметно оживилась.

30 сентября 1870 г. принимается «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области» [НА СОИГСИ. Ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 18-19; Положение о сельских (аульных) обществах 1871]. Появлению этого документа предшествовало несколько лет подготовительной работы в каждом из округов Терской области, где изучался опыт применения «Положения о сельских управлениях в Закавказских губерниях», взятого за основу для проекта устройства сельских обществ в Терской области (см., например: [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 333]). Разработка этого вопроса связывалась с настоятельной необходимостью разрешения «крайне важного дела освобождения зависимых сословий», с одной стороны, и повышения эффективности участкового управления — с другой [там же, л. 3об.]. Бесконечные административные реформы в Терской области конца 50-х — 60-х гг. XIX в. до сего времени почти не касались низовых участковых структур, где сложившаяся после 1862 г. система управления мало отвечала насущным потребностям администрирования, поскольку, ввиду соединения в лице участкового начальника судебной и административной власти, отличалась «неудобством», а участковые суды — «крайней несостоятельностью» [там же]: По свидетельству Лорис-Меликова, по поручению самого наместника выступившего в качестве эксперта по данному вопросу [там же, 5-5об.], существовавшие сельские управления, «не имея никакой определенной организации... почти бездействуют и потеряли всякое значение в глазах народа, в особенности аульные суды; поэтому введение новых сельских управлений, составляя... первый шаг туземцев к некоторому самоуправлению, требует большого внимания и трудов со стороны местной администрации, под не-

посредственным и бдительным руководством которой эти учреждения должны вводиться» [там же, л. 6-боб.].

Сменившая прежние военно-народные управления новая система организации низовых звеньев административного аппарата, утверждаемая «Положением о сельских (аульных) обществах», касалась практически всех сторон общинного быта горцев и, вдобавок, учреждала сельские суды. «Положением» определялись порядок образования сельских обществ, в которых формировался аппарат низовой администрации «по типу сельских мест метрополии» [Материалы по истории осетинского народа 1942 г: 32], а также состав, круг деятельности, права и обязанности чиновников сельского управления. В отличие от окружающего казачества, которое свободно выбирало из своей среды станичного атамана или сельского старосту [Гальцев 1956: 16-17], аульные старшины назначались начальником округа по представлению сельского схода на определенный срок и подчинялись участковому управлению [НА СОИГСИ. Ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 18.]

Поначалу «Положение» вводилось только в Георгиевском (позже — Нальчикском), Владикавказском и Хасав-Юртовском округах с тем, чтобы через два года кавказскому наместнику были представлены предложения по необходимым изменениям либо окончательному утверждению «Положения» в законодательном порядке. Однако, поскольку подобных предложений так и не поступило, «Положение» в редакции 1870 г. действовало до начала 90-х гг. XIX в., пока начальник Владикавказского округа не возбудил ходатайство о пересмотре существующего порядка и расширении прав представителей сельской администрации. «По этому поводу, — говорится в отчете начальника Терской области Каханова, — были запрошены начальники всех остальных округов и атаман Сунженского отдела, а в то же время Командующий войсками округа просил... выработать проект положения об аульных обществах применительно к положению об общественном управлении станиц казачьих войск

3 июня 1891 года, с необходимыми изменениями последнего в зависимости от особенностей туземных обычаев, и представить этот проект на утверждение в законодательном порядке» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1894: 63].

Разработанные в Положении 1870 г. организационные формы сельского управления в значительной мере были скопированы с общероссийских положений, касающихся устройства управления в волости и сельском обществе (см., например: [Руководство для крестьян 1880: 1-87; Полный систематический свод узаконений 1890: 1-3, 9-51 и след.]). Взятый за образец «мир» средне-русского крестьянства, впрочем, не находил прямых аналогий в горской общине, представлявшей собой союз свободных арендаторов общинных или фамильных угодий. Сельское общество как основная административная единица низового уровня, учрежденная соответствующими законодательными актами и имеющая собственные специализированные институты, не совпадало с общиной, бывшей традиционным институтом землепользования, основанным на коллективном праве пользования основными средствами производства. Создаваемые на основе общин, сельские общества были более широкой организацией, куда могли входить и крестьяне, не являвшиеся членами земельного союза. В результате земельной реформы сельское общество включало в себя и общину с традиционными для нее поземельными правами и обязанностями, и крестьянский «мир» со своим самоуправлением, осуществляющим и несвойственные традиционной горской общине дополнительные функции — фискальные, полицейские и пр. [Иванова, Желтова 2010: 612-613], реализуемые уже в интересах государства.

Эффективность исполнения этих функций напрямую зависела от степени учета и контроля над надлежащими обществами, что не могло не вызывать определенных сложностей: как правило, горские поселения были немногочисленны, разбросаны по ущельям, а сообщение между ними, особенно в зимний период, — весьма затруднительно. Исходя из принципа бюрократической

целесообразности, власти прибегли к широкому использованию практики укрупнения существующих населенных пунктов. К примеру, в Кабарде небольшие поселения объединялись в более крупные, для которых по представлению участкового начальства назначались аульные владельцы и представители администрации в лице старшин (по два-три для одного аула). Список, в котором фигурировали уздени, князья и офицеры из представителей высших сословий кабардинского общества, утверждался начальником Кабардинского округа [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 184, л. 1-Зоб.]. Новым аульным владельцам вручались владельческие права, передаваемые старшему по возрасту из той же фамилии [там же, л. 2об.].

Эта административная мера применялась во всех округах Терской области, и в каждом из вновь образованных поселений выбирались свои «старшины»: в Осетии, к примеру, «небольшие аулы из 5, 10, 20, 25 и больше дворов (объединялись. — Е. К.) в общины, — в 50 дворов каждая. Во главе подобной общины стоит выборный старшина (хистар), со своим помощником. Старшины эти подчиняются выборному начальнику селения, который заведывает делами целого прихода. Эти общественные лица утверждаются правительством и подчинены участковому управлению» [Пфаф 1871: 203].

Вместе с тем, «Положение», подготовленное для горцев Центрального Кавказа, существенно отличалось от общих правил, введенных для внутренних губерний России в 1861 г. Кроме того, что «Положение» учреждало только одну административно-хозяйственную единицу в виде сельского общества, на которое возлагались также функции русской волости, оно детально регламентировало все стороны общинного быта местного населения, а созданием аппарата сельской администрации формировалась низовая управленческая структура в государственной административной иерархии. Кандидатуры представителей сельской администрации, возглавляемой назначаемыми начальником округа сельскими старшинами со своими помощни-

ками, рассматривались на сельском сходе, который сохранял за собой номинальное право выбора, но при условии его согласования с окружной администрацией.

Формально сельский сход сохранял за собой функции народных собраний в том, что касалось хозяйственных отношений, но лишь в пределах, установленных соответствующими пунктами «Положения». Его компетенцию, впрочем, составлял довольно широкий круг вопросов: выборы должностных лиц сельской администрации; приговоры об удалении из общества «вредных» и «порочных» его членов или временное (не более чем на три года) устранение от участия в сходах; назначение опекунов и попечителей, проверка их деятельности; распоряжение общественными земельными угодьями, принадлежавшими целому аульному обществу и находившимися в общественном владении его членов¹⁴; совещания и ходатайства об общественных нуждах аульного общества, о благоустройстве, призрении, обучении; принесение жалоб и просьб по делам аульного общества и избрание поверенных для хождения по этим делам; назначение сборов на общественные расходы; раскладка казенных и земских, а также и общественных повинностей; проверка действий должностных лиц, избранных аульным обществом, назначение им жалования или вознаграждения за службу; принятие мер и предупреждений к взысканию недоимок; назначение ссуд из аульных сумм; рассмотрение просьб об увольнении из общества для переселения на другое место или о принятии в общество новопоселенцев и пр.

В случаях, если сход принимал решения, не оговоренные в «Положении», они признавались «ничтожными» и не подлежали исполнению. Более того, инициаторы принятия «ненадлежащих» решений подвергались наказанию вплоть до суда.

¹⁴ После введения в действие указа от 9 ноября 1906 г. об отмене общинной собственности на сельском сходе выносились приговоры о выделении общинных участков в частное подворное владение [Законодательные акты переходного времени 1909: 455].

Правом участвовать в сельском сходе наделялись совершеннолетние домохозяева, принадлежавшие к данному обществу и не имевшие взысканий по уголовным делам. Решения схода признавались действительными только при условии присутствия на собраниях старшины и наличия на сходе не менее половины домохозяев, однако при обсуждении значительных дел (удаление из общества «вредных» его членов, расходование общественных капиталов, раздел семьи и пр.), требовалось присутствие не менее 2/3 крестьян и письменное постановление. Жалобы на решения сельского схода должны были приноситься участковому начальнику или мировому посреднику, если в селе проживало не менее половины временнообязанных.

Согласно «Положению», при выборе старшины требовалось присутствие на сходе не менее 2/3 всех жителей общества. Однако администрация нередко нарушала установленный порядок, назначая в сельских обществах и приходах без участия схода так называемых правительственных старшин, зачастую совершенно чужих людей, чиновников, офицеров — выходцев из горской элиты [Материалы по истории осетинского народа 1942 а: 172], лояльных официальной власти. Привлечение «туземного элемента» в низовые звенья управленческой иерархии должно было обеспечить более гибкое управление на местах, адекватное местным условиям. Правительство резонно полагало, что «туземцы в составе администрации, особенно на низших должностях, не только полезны, но безусловно необходимы; знание условий края, бытовой стороны и местного языка делают назначение их неизбежным» [Гершельман 1908: 63].

Высшее начальство не интересовало ни личные качества назначаемого старшины, ни практикуемые им методы административного воздействия. Главным критерием эффективности исполнения должностных обязанностей была способность старшины обеспечивать необходимый общественный порядок и заставлять общинников выполнять обязательства по выплате денежных и натуральных повинностей. Если же приходилось

придерживаться установленной процедуры, то на должность аульного старшины баллотировалось три кандидата, из которых один обязательно должен был быть представлен окружной или областной администрацией. Старшины избирались сроком на три года, однако из-за растраты казенных средств и других злоупотреблений, нередко вызывавших протест местных жителей, они не задерживались на своих местах, сменяя друг друга через несколько месяцев или даже недель.

Характер деятельности сельских старшин, а также форма их прихода к власти — назначение российской администрацией, преследовавшей цель в первую очередь иметь «надежных людей» в горской среде [Материалы по истории осетинского народа 1942 а: 313], — определяли тот негативный фон, который сформировался вокруг новой управленческой структуры (см.: [Материалы по истории Осетии 1950: 31, 168-172, 308]). Способствовало такому восприятию и то, что все должностные лица сельских управлений — «сельские старшины, их помощники, доверенные, судьи и сборщики податей (казначей), рассыльные, лесные и полевые сторожа, смотрители канав... с семьями своими, числящимися в одном с ними дворе» — освобождались от всяких натуральных повинностей [PCO-A, ф. 11, оп. 52, д. 680, л. 11], за исключением подымной подати [Материалы по истории Осетии 1950: 152], что ставило сельских чиновников в исключительное положение по отношению к остальным членам общины, искусственно возвышая их социальный статус и общественный вес. Кроме того, в качестве аульных старшин зачастую назначали либо людей, не соответствовавших традиционным представлениям об авторитете, — молодых и не пользовавшихся общественным почтением, либо «посторонних лиц — русских, которые, не зная наших ни обычаев, ни народного быта... не входят сочувственно в наше положение, а также не знают расположения нашей юргово-общественной земли, через что нередко возникают недоразумения» [там же: 172]. Подобные претензии и жалобы поступали в канцелярию област-

ной администрации в массовых количествах. Более того, дело не ограничивалось только письменными заявлениями — сельчане открыто бунтовали против утверждаемого порядка. Усугубляло отрицательное отношение общинников к представителям государственного управленческого аппарата и откровенно вызывающее поведение правительственных старшин, активно использующих свои должностные привилегии и зачастую открыто злоупотребляющих полученной властью. Рукоприкладство, превышение полномочий, действия в обход сельского суда (см., например: [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 34, д. 595, л. 2-8об.] — все это лишь еще более накаляло обстановку. Более того, права, определенные «Положением» для сельской администрации, — не только старшин, но и сельских судей и писарей, — не воспринимались рядовыми сельчанами как «законные» [там же, д. 435, л. 12-12об., 34-34об.], поскольку прямо расходились с традиционными представлениями о должном и допустимом как для рядовых членов общества, так и для представителей его элиты.

Нередко случаи превышения полномочий сельскими чиновниками вели к судебному разбирательству в официальных судах. Именно такого рода дело рассматривалось даже в Правительствующем Сенате сначала в марте 1899 г., а затем еще и в ноябре 1905 г. [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 6, д. 105, л. 4-4об., 39-39об.] В основе девятилетнего разбирательства (иск был подан еще в 1896 г.) лежала жалоба жителей сел. Тулатова Асламурзы Хадарцева и присяжного поверенного Джантемира Шанаева на постановление Терского областного правления об отказе в привлечении к ответственности старшины Мамсурова за самовольное разрушение построек, возведенных одним из жителей села на участке, специально отведенном сверх причитающегося надела из отобранных в казенное ведомство бывших общинных земель (на каждый дым устанавливалась норма по одной хозяйственной десятине огородной и усадебной земли).

Как зафиксировано в решении Терского областного правления, Тулатовское сельское общество, согласно ст. 11, п. 4 «По-

ложения», имело «безусловное право распоряжаться находящимися в его общинном пользовании земельными угодьями... а следовательно оно может, по своему приговору, не испрашивать особого разрешения начальства устанавливать общие основания для надела местных жителей землю как в отношении полевых угодий, так и усадебной земли, но при этом на передел уже существующих усадебных мест, отведенных законным порядком, а не захваченных произвольно, обществу не предоставлено права... точно так же общество не вправе отбирать у жителей самовольно занятые или уже застроенные усадебные места, если они не пожелают добровольно подчиниться приговору общества». В подобном случае общество составляет иск в «подлежащий суд» либо устанавливает плату за занятый участок [там же, л. 1об.].

Терское областное правление, признав действия старшины правильными, по несогласию с принятым решением самого истца постановило представить его жалобу в Сенат. После рассмотрения всех материалов Сенат пришел к заключению: «2) что по закону ... всякое, даже незаконное, владение должно быть охраняемо от насилия и самоуправства, пока имущество не будет присуждено другому лицу и сделаны надлежащие о передаче оною распоряжения; 3) что посему, до разрешения в судебном порядке иска общества об отобрании у Хадарцева участка, ни общество, ни сельский старшина не были вправе делать распоряжения о приостановке производимых Хадарцевым на участке построек и тем более о сносе сих построек, и 4) что между тем Областное правление в обжалованном постановлении признало правильными действия тулатовского сельского старшины Мамсурова, приказавшего разрушить возводимую Хадарцевым на участке усадебной земли постройку помимо какого-либо судебного решения. Правительствующий Сенат находит жалобу просителя заслуживающей уважения, а потому определяет: отменить постановление Областного правления, предписать ему постановить новое по сему делу определение, о чем для

исполнения и объявить просителю, по жительству его в г. Владикавказе, на Александровском проспекте, в доме Тойковых, с взысканием гербового сбора за ответ» [там же, л. 4-4об.].

Во многом глухое неприятие правительственных нововведений объяснялось тем, что утвержденный властями принцип назначения на высшую аульную должность входил в очевидное противоречие с «демократическим» принципом выборности, фальсифицируя выборное начало во властно-управленческой сфере общинной жизни. Естественно, что именно требование вернуть право выбора аульного старшины из своей среды часто становилось центральным в протестных выступлениях народа.

Недостатки существующего «Положения о сельских (аульных) обществах» были очевидны и кавказскому руководству, хотя виделись они совершенно в другом ключе. Так, С. В. Каханов, начальник Терской области, отмечая значительную разницу между введенными для горцев Центрального Кавказа и казачьим населением положениями об общественном управлении, в качестве основных отмечал следующие: «...права горцев, как личные и по состоянию, так и имущественные, вовсе не определены, правил о семейных разделах нет, содержание сельских должностных лиц не установлено, надзор за сельским общественным управлением не предусмотрен, порядок увольнения и приписки к сельским обществам не установлен, повинности не определены и проч.» [Всепопданнейший отчет Начальника Терской области 1894: 63-64]. Не менее резко по поводу результатов введения новых организационных форм управления высказывался и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметев, отмечая в своей всепопданнейшей записке на имя императора Николая II, что созданное общественное управление только ставит местное население «в весьма затруднительное положение в удовлетворении своих просьб, касающихся его личных и имущественных прав», а сами сельские общества «представляют нередко не юридический союз лиц, связанных между собою общностью экономических интересов,

а только людей, случайно поселившихся на известной территории» [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 1. кн. 2, д. 3132, л. 17, 15].

Понимая, что расширение административной регламентации общественной жизни и введение земских повинностей вызовет недовольство местного населения и «нежелательные толки», поскольку «туземцы ревностно оберегают неприкосновенность своих прав» [Всепопданнейший отчет Начальника Терской области 1894: 64], начальник Терской области все же настоял на законодательном утверждении проекта нового «Положения о сельских (аульных) обществах», введенного в действие в 1896 г., т. е. после того как двумя годами ранее, в 1894 г., был принят документ «Об устройстве земельных повинностей в областях Терской и Кубанской», который и лег в основу новой редакции «Положения о сельских (аульных) обществах».

Теперь в документе были скорректированы некоторые очевидные огрехи прежнего Положения и предлагался несколько иной порядок создания сельских управлений. Сельский сход стал формироваться на выборных началах: его участниками становились выборные — по одному из десяти дворов, избранные простым большинством голосов. Была расширена компетенция сельского суда, определено содержание сельских должностных лиц из общественных сумм, расширена административная власть окружных и участковых начальников по отношению к должностным лицам сельского управления и ко всем сельским жителям.

В ведомстве аульного старшины находились все лица, живущие в пределах сельского общества, в том числе и представители привилегированных сословий или имевшие офицерское звание, но не состоявшие на государственной службе. Ему предписывалось прежде всего обеспечивать общий порядок и доводить до сведения жителей аула распоряжения правительства. В компетенцию старшины, наделенного еще более широкими полномочиями, входил созыв аульного схода и определение круга рассматриваемых вопросов. Ему же принадлежала

и исполнительная власть в сельском обществе: он приводил в исполнение решения схода и приговоры сельского суда; распоряжался имуществом, порученным его надзору; заведовал общественными суммами и пр. Старшина налагал штрафы, арестовывал нарушителей общественного спокойствия на один-два дня, следил за очередностью исполнения общественных работ. Решение, вынесенное без участия или одобрения назначенного старшины, считалось недействительным [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 52, д. 680, л. 4об.-5]. Кроме старшины, сельская администрация состояла еще из двух-трех его помощников, одного-двух писарей, казначея и пр. Взиманием налогов занимались специально избираемые сборщики податей, которые были ответственны перед обществом до предоставления ему отчета. После этого срок их службы заканчивался либо они переизбирались на новый срок.

Содержание «общественных лиц», избранных «из лучших людей» — т.е. представителей общинной социальной элиты, — несмотря на включение их в административную номенклатуру, являлось поначалу основным элементом так называемых мирских сборов, введенных в 1871 г. после принятия «Положения», составляя довольно заметную часть в общей системе денежных повинностей. Мотивировалась эта практика ссылкой на сложившийся порядок, поскольку общинники и без того были обязаны общинной верхушке податями (в силу обычно-правовой регламентации межсословных и поземельных отношений). Но, не имея практически никаких доходных ресурсов, жители селений не раз обращались во все инстанции области, «начиная с начальника участка и кончая князем Голицыным», с просьбой об упразднении сельских правлений, мотивируя ее именно обременительностью финансового обеспечения должностных лиц, и подчинении в административно-полицейском отношении «к жителям какого-либо селения», как это делали, например, жители селения Новоурухского в 1899 г. [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 7, д. 7, л. 1об.-2]. Администрация подобные просьбы не только не

удовлетворяла, но привлекала к уплате налога на содержание сельского правления (до 12 руб. в год) и свободных от мирских сборов временнопроживающих [там же, оп. 6, д. 171, л. 1-1об., 2-3], причисляя их поселения в административно-полицейском отношении к определенному населенному пункту.

Настойчивость, с которой власти добивались уплаты мирских сборов всеми без исключения категориями горского населения, объяснялась значимостью налогообложения в общей системе мер по утверждению в горской среде общегосударственных порядков. Сам наместник, великий князь Михаил Николаевич, уверенно заявлял: «Уплата подати служит самым наглядным фактическим выражением окончательного подчинения побежденного победителю, подданного — правительству; в ней выражается уже не номинальное и пассивное, но действительное и притом всеобщее поголовное признание покорности» [Всеподданнейший отчет 1870: 49].

Как и другие аспекты кавказской политики, практика налогообложения населения новоприобритенной окраины, помимо собственно фискальных целей, имела еще и определенный политический подтекст, будучи одним из инструментов вовлечения местных народов в общегосударственный хозяйственный организм. И на северокавказской периферии налоговая политика изначально строилась на тех же основаниях, которые определяли ее и в Центральной России.

После проведения земельной реформы на Северном Кавказе действия правительства в этом направлении активизировались. Проводившиеся мероприятия обосновывались необходимостью «покрытия расходов по содержанию военно-народных управлений» в округах, что, по заявлению императора, «уравнивало в правах» кавказских жителей с остальными подданными русского государя [Материалы по истории Осетии 1950: 156]. Вводя с 1 января 1866 г. государственную подымную подать для горского населения Кавказа, власти руководствовались как «местными условиями» (сообразно «количеству и качеству зани-

маемых... земель»), так и «степенью зажиточности» населения [Всеподданнейший отчет 1870: 52]. Подымная подать составила главную часть сборов с местного населения. За единицу обложения был принят дым, т.е. «семья, хозяйственный двор, пользующийся определенным паем земли» [Обзор Терской области за 1893 год: 50]. Соответственно, размеры подати в разных регионах Северного Кавказа значительно колебались: в Кубанской, например, области было назначено к уплате 3-4,5 руб. с дыма, в Терской области — от 75 коп. до 5 руб., в Дагестане — от 1 до 3-х руб., в Сухумском отделе — 1 руб. [там же: 51-52]. Помимо подымной подати устанавливалась и поземельная подать в размере 2 коп. с десятины для всех частных поземельных собственников на равнине [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 30об.]. Уже в первой половине того же 1866 года Лорис-Меликов рапортовал наместнику Михаилу Николаевичу об успешном обложении горцев Терской области государственной податью и «безнедоимочном поступлении» всех сборов, за что получил особую благодарность наместника и заслужил «милостивое внимание» императора [РГИА. Ф. 866, оп. 1, д. 37, л. 1-2об.].

Начав с введения подымной и поземельной подати, правительство последовательно распространяло в горской среде и другие виды повинностей: в 1871 г. были введены мирские повинности, в 1882 г. — земские. Земские сборы в структуре местных платежей являлись самыми крупными и предназначались для удовлетворения потребностей народного образования, медицины, общественного призрения и т.п. Мирские сборы, помимо содержания местных управлений, шли на обслуживание общественных зданий и в целом местной инфраструктуры. Как и в прежние времена, эти повинности отбывались как в денежной, так и в натуральной форме. Ежегодные денежные сборы даже перекрывали расходы казны на содержание местной администрации Терской области [Материалы по истории Осетии 1950: 151], разоряя и без того нищее крестьянство. Однако чиновники, стоявшие во главе областного управления, искренне пола-

гали, что введение новых платежей «не может быть для местного населения обременительным», тем более что «общая сумма платежей крестьян средней России, достигая 27 руб. со двора и свыше 3 руб. с 1 десятины земли, значительно (их — *Е. К.*) превышает» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1892: 67, 68]. В 1891 г., например, платежи, в том числе стоимость натуральных повинностей, составляли следующие суммы [там же: 68]:

	С 1 десятины земли	С 1 двора
У горных ингушей	1 руб. 50 коп.	3 р. 50 к.
– “ – “ – осетин	1 40	4 30
У плоскостных кабардинцев	1 32	8 20
ингушей	1 80	9 12
осетин	1 66	12 25
терских казаков	1 14	8 30

Кроме того, в системе денежных повинностей существовали и выкупные платежи (трансформированная оброчная подать бывших государственных крестьян). По форме выкупные платежи представляли собой уплату процентов казне за ссуду, выданную на покупку земли; по способу же взимания и раскладки они ничем не отличались от прямых налогов.

В добавление к экономическим видам повинностей правительство ввело среди кавказцев и всеобщую воинскую повинность, причем осетинам (как «туземному христианскому населению»), единственным среди кавказских народов, в соответствии с высочайше утвержденным 28 мая 1886 г. мнением Государственного совета [Деятельность Государственного совета 1900: 139] вменялось отбывать ее натурой. В следующем году именной указ от 28 июля даровал это право и осетинам-мусульманам [Обзор Терской области за 1887 г.: 23], поскольку «многие представители осетинского племени заявили о крайнем неудобстве разделения племени на две части — освобожденных от натуральной повинности как мусульман и отбывающих ее

лично как христиан, так как во многих семьях есть представители обеих религий, и потому просили о предоставлении всем осетинам права отбывать повинность натурою» [Всеподданнейшая записка 1890: 44].

Таким образом реализовывалось указание императора, данное им А.М. Дондукову-Корсакову при вступлении того в должность главноуправляющего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, о необходимости привлечения «населения округа к отбыванию общеобязательной воинской повинности на основании устава о ней 1874 г.» [там же: 1]. Это направление в деятельности кавказского руководства рассматривалось в Петербурге как один из аспектов государственной задачи слияния края с остальной частью России, важность которого обуславливалась «не столько потребностью усиления вооруженных сил Империи, сколько соображениями нравственными и политическими», поскольку «понятие о всеобщей обязанности каждого подданного становиться в ряды защитников общего отечества есть связующее начало политического единства государства» [там же: 36]¹⁵.

¹⁵ Однако великий князь Михаил Николаевич, бывший наместником во время принятия устава о всеобщей воинской повинности, высказывался против распространения его на население Кавказа, потому что привлечение к государственной военной службе только что покорившихся горцев могло спровоцировать новые волнения и возобновление лишь недавно прекратившихся военных действий. В итоге в уставе о «всеобщей» воинской повинности появились изъятия, касающиеся народов как Закавказья, так и Северного Кавказа. Тем не менее, проблема требовала решения, и в течение десяти следующих лет различные комиссии, включая комиссию Главного штаба, работали над самыми разнообразными проектами привлечения населения Кавказа к воинской службе, причем именно Дондуков-Корсаков, вслед за своим предшественником, наместником Михаилом Николаевичем, настойчиво доказывал необходимость учета при этом социокультурных особенностей местных народов. Наконец, после обсуждения в 1885-1886 гг. в Государственном совете было принято решение об освобождении от отбывания воинской повинности натурой, «впредь до

Что же касается подымной подати, то ее первоначальные оклады, соотнесенные с «теми выгодами, которые население данной местности извлекало из состоявшей в его пользовании земли» [Обзор Терской области 1894: 50], со временем перестали соответствовать реальной земельной обеспеченности горцев: так, по сведениям начальника Терской области Каханова, если первоначальная, т.е. принятая в 1866 г., годовая сумма сбора была исчислена в 131936 руб. 9 коп., то в 1893 г. она возросла до 194608 руб., т.е. почти на 50%. «Между тем, — сообщает в своем отчете областной начальник, — при введении подымной подати на каждый дым приходилась 21 десятина 1228 кв. саж., а в настоящее время лишь 14 десят. 608 кв. саженой, т.е. размер земельных наделов каждой единицы обложения уменьшился более чем на 33%. В то же время нарушилась и равномерность обложения, которая при перечислении на землю, состоящую в пользовании местного населения, в среднем достигает в горах 28,12 коп. на десятину, а на плоскости, где земли гораздо лучше и плодороднее, лишь 13,25 коп. на десятину» [там же: 50-51]. Причины такой неравномерности в обложении подымной податью заключались в изменении общей демографической обстановки в области, где вследствие естественного прироста увеличивалось количество населения (и, соответственно, росло и количество облагаемых податью дымов), но одновременно уменьшался земельный надел каждого дыма.

Наконец, в мае 1894 г. вышло положение «Об устройстве земельных повинностей в областях Терской и Кубанской», определяющее механизм обложения местного населения казенными и земскими повинностями, в числе которых были подымная подать (взимаемая с горцев), денежные сборы взамен воинской

особого повеления», всего мусульманского населения Кавказа, и обложении его дополнительным к подымному денежным сбором в размере 530 руб. ежегодно по раскладке, составленной самим главным управляющим; христианское же население привлекалось к отбыванию воинской повинности натурой (см. подробнее: [Всепопданнейшая записка 1890: 35-44]).

службы, содержание трактовых дорог, мостов, переправ, земельной почты и т. д. Как уже указывалось, жители отбывали и общественные мирские повинности.

Таким образом, законодательное оформление податной системы и унификация налоговых сборов для местного населения Кавказа фиксировали уже экономическое освоение кавказской окраины, включение ее в орбиту финансово-экономической жизни страны. Дальнейшая работа по совершенствованию налоговой системы на Кавказе составляла одно из важных направлений деятельности высших государственных структур. На рубеже XIX-XX вв. в центральных правительственных инстанциях была подготовлена реформа о преобразовании существующей податной системы на Кавказе. Суть реформы сводилась к регламентации государственных налогов и замене подымных сборов поземельными, взимаемыми с казенных земель, которые находились в наделе сельских обществ Северного Кавказа и Закавказья. Проект был высочайше утвержден в июне 1900 г. [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 7, д. 50, л. 5] и введен в действие с 1 января 1901 г. «в интересах более уравнительного и справедливого распределения налоговых тягостей между населением края» [там же, л. 1-1об.]. Этим же законом для взимания государственной оброчной подати и поземельного налога устанавливался режим «трехлетки» [там же, л. 5об.], в соответствии с чем суммы государственного поземельного налога стали определяться на трехлетний срок с распределением по годам. Так, ежегодная в течение 1901-1903 гг. сумма поземельного налога для Терской области составила 18415 руб., исчисленная из расчета уже не 2, а 4,3 коп. за десятину [там же, л. 4], и 259 тыс. руб. оброчной подати [там же, л. 9об.]. Тогда же, с 1901 г., устанавливалась налоговая плата на пятилетие с лиц невоинского сословия, владеющих недвижимостью на землях Терского казачьего войска [см.: там же, ф. 11, оп. 6, д. 203].

А в 1909 г. через Государственный совет и Государственную думу прошел закон, высочайше утвержденный 21 июня, кото-

рым регламентировался размер государственной оброчной подати, определенной на 1909-1911 гг. Закон определял сумму налогообложения в размере 13% (в том числе 10% — собственно оброк и 3% — поземельный налог) со средней доходности земельных угодий. Назначенный при этом размер оброчной подати превышал суммы налога за предыдущие годы, и в наибольшей степени это увеличение затронуло Терскую и Кубанскую области [Кавказ в 1909 году: 6-7]. Как писал один из экономистов начала XX в., «налагая на крестьян значительную тяготу, распределяясь весьма неравномерно и обременяя собою исключительно бывшие податные сословия, натуральные повинности по общему своему складу и по своей бытовой обстановке донныне носят на себе следы крепостного порядка, являясь как бы пережитком дореформенной эпохи» (цит. по: [Захаров, Петров, Шацилло 2006: 221]).

К концу XIX в. система налогообложения, сложившаяся на южных и восточных окраинах Российской империи, носила на себе явный отпечаток крепостничества. Так, вводившиеся здесь особые налоги являлись главным образом пережитком подушной подати и призваны были компенсировать потери казны, связанные с ее отменой (1880-е гг.). В Закавказье, в Терской и Кубанской областях в 1900 г. были отменены подымная и поземельная подать с оседлых и кочевых сельских обывателей, а взамен введен общероссийский поземельный налог, обязательный для всех оседлых земледельцев на надельной и частновладельческой земле (за исключением высших офицеров Кубанского и Терского казачьего войска). С местных жителей также взималась оброчная подать, уплачиваемая всеми поселянами на казенной земле, кроме казаков. С горцев Кавказа взимался и подымный сбор [Захаров, Петров, Шацилло 2006: 244-245]. В целом за 20 лет — с 1892 по 1912 г. — сумма налогов в одном только Владикавказском округе возросла в 2,5-3 раза, одновременно с увеличением натуральных повинностей [История Северо-Осетинской АССР 1987: 444]. Если же учесть, что размеры

налогов и сборов не зависели от фактической обеспеченности земель, а определялись земельным паем (вне зависимости от формы пользования), то становится очевидно, что основную нагрузку по уплате налогов несли наименее обеспеченные слои горского населения.

В действительности, уровень налогообложения в западных областях страны был существенно выше среднероссийского, в то время как на Кавказе, Средней Азии и в Сибири — намного ниже, что объяснялось разницей в уровне доходов жителей западных и восточных регионов, учитывающейся законодателем. Так, например, почти треть населения империи проживало в ее азиатской части, но в бюджет отсюда шло лишь 10% налоговых поступлений. Однако, учитывая крайне низкий уровень жизни местного населения, зачаточное состояние промышленной инфраструктуры, природно-климатические особенности, препятствующие в большинстве случаев интенсификации сельского хозяйства, что в совокупности создавало трудно преодолимые преграды для финансовых накоплений среднестатистическим селянином, можно с уверенностью говорить о тяжести налогового бремени, которое возлагалось на местное население, и истощении платежных сил местного крестьянства.

Между тем, фискальные интересы казны мало учитывали реальные платежные возможности горского населения Кавказа. Более того, преследуя именно эти цели, правительство не отменяло архаическую, искусственно создаваемую «оседлость», которая, с точки зрения администрации, некоторым образом регулировала земельный вопрос, поскольку «беспорядочный и произвольный переход» населения из одного села в другое стеснял в правах землепользования его коренных жителей, между тем как правительственные распоряжения касались обеспечения крестьян земельными участками лишь в месте постоянной оседлости; нарушение же этих правил вело к неконтролируемому землепользованию. Этот «непорядок» в свою очередь предоставлял «кочующему населению» очевидную возможность «уклоняться от правильного

счисления и обложения соответствующими государственными и общественными повинностями» [Материалы по истории Осетии 1950: 27]. Другим аргументом в пользу закрепления в пореформенной сельской общине круговой поруки стала необходимость утверждения в сельских обществах принципа коллективной ответственности («ответственности массы») в противовес действующему в уголовном законодательстве принципу личной ответственности, который, при широко распространенном в местной среде «прочно организованном укрывательстве», по мнению администрации, лишь создавал «полное бессилие власти» [РГИА. Ф. 919, оп. 2, д. 696, л. 12об.-13].

Что же касается финансового обеспечения сельской администрации, то с 1 декабря 1903 г. оно стало осуществляться уже не за счет мирских сборов, а из государственной казны, и размеры его были утверждены законодательно (см.: [РГИА. Ф. 1149, оп. 13, д. 126]). Теперь все представители сельского управления состояли на государственных должностях, довольно неплохо для крестьянской среды оплачиваемых. Содержание старшины определялось количеством дымов, входивших в сельское общество. К примеру, в обществах, где находилось до 150 дымов, ему полагалось по 1 руб. с дыма, 300 дымов обеспечивали 200 руб. содержания, 400 дымов — 300 руб., 700 дымов — 400 руб., 1000 — 500 руб., свыше 1000 дымов — 600 рублей ежегодно. Размер выплат помощникам старшин определялся в 50 коп. с дыма — со 150 дымов, в других случаях — по 120 рублей в год. Размер жалованья сельским писарям определялся начальником области за счет подлежащих обществ [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 52, д. 680, л. 11].

Восстановление в феврале 1905 г. Кавказского наместничества и назначение на должность наместника И.И. Воронцова-Дашкова, первостепенной задачей которого было скорейшее умиротворение «взбаламученного края» [РГИА. Ф. 919, оп. 2, д. 617, л. 3-Зоб.], взволнованного межэтническими столкновениями, земельными распрями, нарастающим революцион-

ным движением, несколько ослабило напряжение, возникшее в сельских обществах в связи с деятельностью правительственной администрации. Новый наместник в реализации своей «умиротворительной политики» особое место отводил устройству местного самоуправления как первому шагу к успокоению Кавказа и сближению администрации с местным населением. Не замедлив перейти от теории к практике в разрешении конфликта между региональными властями и сельскими обществами, Воронцов-Дашков уже в июне 1905 г., «в виду возбужденных ходатайств со стороны туземных обществ и во внимание к их нуждам и их общественному благоустройству» [там же, д. 696, л. 4], распорядился о введении новой процедуры выборов старшин в сельских управлениях. Специальным приказом начальника Терской области генерал-лейтенанта С. Е. Толстова от 14 июня 1905 г. до сведения местного населения доводилось следующее: «Имея в виду, что старшины, назначаемые в туземные селения по усмотрению местной администрации, не всегда соответствуют своему назначению и что само население является лучшим судьей в деле избирания того или другого сельского должностного лица, а равно принимая во внимание заявление как Вашего Превосходительства, так и всего туземного населения области о том, чтобы сельские старшины были не по назначению начальства, а по выбору, я признал необходимым ввести немедленно среди туземных племен Терской области институт старшин, избираемых самими обществами из числа лучших людей. Выбор таких старшин предлагаю производить закрытою баллотировкою всеми домохозяевами, имеющими право голоса на сходе и принадлежащими к составу данного общества. Старшины избираются на три года, с жалованьем от избравшего его общества в размере, установленном законом 1 декабря 1903 года, и утверждаются в должности начальником области по представлению начальника округа» [там же, д. 696, л. 22].

В приказе оговаривался и порядок созыва сельского схода, который заменялся собранием выборных лиц: «Для рассмо-

трения же и решения общественных дел, я, в целях устранения беспорядков на общественном сходе, признал целесообразным установить в туземных сельских обществах, вместо схода, сбор выборных лиц из числа тех домохозяев, которые, выделяясь среди населения своим умом, честностью и энергией, несомненно отнесутся вполне сознательно к рассматриваемому делу. В этом отношении предлагаю придерживаться следующего порядка: в селениях, имеющих тридцать дворов коренных жителей или менее, на сельском сборе участвуют все домохозяева; общества, имеющие свыше тридцати дворов, но не более трехсот, посылают на сбор по тридцати выборных, а если свыше трехсот дворов, то на сборе участвуют выборные по одному от каждых десяти дворов» [там же, л. 22об.]. Именно эти выборные на своем собрании избирали непосредственно старшину, кандидатура которого утверждалась областным начальством [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 52, д. 680, л. 1об.]. Обществам предоставлялось также право самим «избирать и нанимать себе сельских писарей из наиболее благонадежных и честных лиц» [РГИА. Ф. 919, оп. 2, д. 696, л. 22об.].

Новый порядок выдвижения кандидатов на высшую должность в сельской администрации, однако, породил очередную проблему: на самом деле предоставленное самим обществам право выбора главы сельской администрации зачастую оставалось лишь пустой декларацией, о чем красноречиво свидетельствует, например, прошение жителей селения Ольгинское, адресованное начальнику Терской области. Типичность подобных прошений позволяет привести документ целиком: «За последние годы нам было предоставлено право выбрать из своей среды трех кандидатов на должность сельского старшины, что мы и исполнили, но по неизвестным нам причинам не одного из этих кандидатов не утвердили. В начале сего года сход выбрал кандидатов в присутствии Начальника 2-го участка, но и эти кандидаты не были утверждены, а взамен был прислан к нам старшиною казак станицы Нестеровской, который пробыл всего один месяц, а затем был назначен помимому желания всего

нашего общества старшиною Бибо Кундухов, бывший в это время старшиною в сел. Кадгарон. Деятельность этого человека хорошо известна Вашему Превосходительству, нашей окружной администрации и прокурорскому надзору, по громкому уголовному процессу в сел. Гизель, происшедших беспорядков. Приговор Окружного Суда по этому делу свидетельствует, как было разорено целое сельское общество этим человеком совершенно напрасно. Ольгинское общество имеющее столь славную историческую жизнь и выдвинувшееся среди всего туземного населения своим трудолюбием и безупречным поведением никогда не ожидало, чтобы этот человек был назначен старшиною в наше общество помимо согласия его, так как считало это для себя незаслуженным наказанием.

За эти два месяца Бибо Кундухов продолжал также управлять нашим обществом, и в других местах, т. е. натравлял одних на других, а за последние дни учинил ложный донос по начальству о происходящих будто-бы в нашем селении каком-то бунте. И вот мы видим, как является по его доносу команда казаков, Начальник производит какие-то негласные дознания в нашем селении в частном доме вместе со старшиною, не говоря ничего обществу, до которого доходят только слухи о том, что будут арестованы за этот созданный им бунт представители нашего общества, т. е. начинаются снова проделки его на подобие тех, какие делались в сел. Гизель.

Ваше Превосходительство, все осетинское общество не раз подавали просьбы о том, чтобы ему даровано было право самому назначать старшин из своей среды и Ольгинское общество шло всегда во главе этого дела, вполне сознавая весь тот страшный вред, который причиняют Правительству и народу старшины по назначению; среди нашего общества всегда найдутся люди, которые вполне будут соответствовать этой должности и что видно лучше всего из прилагаемого при сем спискам членов нашего сельского общества, почившим и здравствующим военного, гражданского и духовного ведомства.

Все наше общество, не желая помрачить свою жизнь разного рода недостойными беспорядками и проявлением недовольства по отношению к старшине прилагает все меры к сдержанию своей молодежи, но единственным исходом, могущим предотвратить печальные столкновения с этим старшиною, является немедленное его удаление от этой должности и утверждение кого-нибудь из трех избранных нами кандидатов в присутствии самого же начальства.

Уповаем, что сия законная просьба в уважение верноподданнической старой боевой службе нашего передового в Осетии общества будет милостиво и немедленно уважена Вашим Превосходительством в интересах вверенного Вашему Превосходительству населения» [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 10-10об.].

И, поскольку областная администрация так и не смогла прийти к какому-либо однозначному решению: назначать ли в общества «правительственных» старшин или все же идти на уступки и позволить местному населению самостоятельно решать вопрос о выборе ближайших начальников-администраторов, — разрешать возникающие конфликты вновь пришлось самому наместнику. В своей пояснительной записке, составленной в июле 1905 г. по этому поводу, Воронцов-Дашков прямо писал: «Командированный в Терскую область, для объявления представителям горских племен распоряжений моих по разным их ходатайствам, Генерал-Майор Михайлов донес мне, что на сборе представителей многими из них делались заявления о том, нельзя ли предоставить обществам уменьшить содержание старшинам, а также поступали запросы и о том, в окончательной ли форме будет предоставлен сельским обществам выбор старшин, или же будет зависеть от усмотрения начальников округов не утверждать общественных приговоров о выборе, а заставлять общества производить новые выборы.

Такие заявления свидетельствуют, с одной стороны, о существующем недоверии сельских обществ к местной админи-

страции и, с другой, о том, что горское население не высоко ценит деятельность сельских старшин, почему и старается, чтобы содержание старшины обходилось обществу возможно дешевле.

Предоставляя туземным сельским обществам право избрания своих членов для замещения должности старшины и полагая при этом, что на эти должности будут выбраны такие лица, которые пользуются нравственным авторитетом среди своих односельчан, я не имел в виду поставить населению в этом отношении какие-либо преграды, в виде неутверждения общественных приговоров о выборе старшин начальниками округов и понуждения общества производить новые выборы.

Полагаю, что при сознательном выборе не может быть никаких опасений к тому, что на должность старшины будут назначены такие лица, которые своею деятельностью причинят ущерб интересам общества.

Принимая же во внимание, что сельский старшина, по существу своих обязанностей, является в своем обществе единственным лицом, могущим урегулировать взаимные отношения односельчан и способствовать выяснению и удовлетворению их нужд, а равно проведению в жизнь различных мероприятий правительства, я нахожу, что такое должностное лицо должно быть обеспечено, по возможности, достаточным содержанием и не быть зависимым от произвола или нужды, а потому определенный 1 Декабря 1903 года размер жалованья старшинам в туземных селениях я признаю не подлежащим уменьшению, тем более, что оклад этого жалованья, установленный в соответствии с числом дымов в селении, нельзя признать обременительным для населения.

Что же касается, препровожденного при отзыве Вашего Превосходительства от 30 минувшего Июня, за №18139, для доклада мне, распоряжения Вашего начальникам округов и атаманам отделов о введении в Терской области выборных старшин, то, одобряя в общих чертах преподанные Вами по этому предмету

указания, я не могу согласиться с следующими предложениями:

1. «что сельское общество, избрав старшину на три года, не может удалить его ранее этого срока» и

2. «что в случае, если на выборах никто из баллотирующихся не получит большинства избирательных шаров, то старшина будет назначен Вашим распоряжением».

Указания эти я нахожу неправильными.

Если лицо, избранное на должность старшины, окажется не соответствующим своему назначению, то сельское общество, и ранее трех лет, может испросить разрешение на удаление старшины и производство новых выборов, но необходимо, чтобы побудительные причины к удалению были предварительно рассмотрены в Общем Присутствии Областного правления. В случае, если на выборах никто не получит большинства голосов, то выборы надо считать не состоявшимися и предложить данному обществу произвести новые выборы в течение не более одного месяца; назначение же старшины распоряжением администрации имело бы характер лишения населения предоставленного ему права, что может быть допущено лишь в виде наказания за крупные провинности и неблагоприятные проступки.

Сообщая об изложенном и видя в настоящей реформе верный залог к устройению внутренней жизни горцев, прошу Ваше Превосходительство обратить на это дело самое серьезное внимание, чтобы выборы и утверждение старшин были обставлены определенными правилами, исключаящими всякие недоразумения, и о последующем донести мне» [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 59-60].

В свою очередь, окружные администрации также писали наверх о необходимости возвращения прежнего порядка назначения в сельские общества «правительственных» старшин (см., например, [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 103-103об.]), мотивируя ходатайства «неблаговидными поступками жителей» (укрывательство абреков, рост числа преступлений и пр.) при попустительстве старшин, «зачастую избираемых обществом

из числа лиц, совершенно не способных к несению обязанностей старшины». Однако в ответ на подобного рода заявления областного начальства из штаба войск Кавказского военного округа в январе 1910 г. было спущено предписание о неправомерности начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска применять меры административно-полицейского воздействия к сельским обществам, поскольку «принятие таких административных мер, как лишение общества права выбора сельских старшин, организация за счет сельских обществ вооруженной сельской полиции и высылка порочных лиц из селений в другие места области, предоставлено законом только... Наместнику его императорского величества на Кавказе, и то по рассмотрении некоторых из этих мер в состоящем при нем Совете...» [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 107-108об.]

И областному начальству пришлось обязать начальников округов нести личную ответственность за подбор кандидатур на должность сельских старшин [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 109-109об.].

Особо престижной в аппарате сельского управления считалась должность писаря. Именно к писарю в итоге стекались все жалобы, просьбы, ходатайства местного населения, обращенные к вышестоящим инстанциям, писарь готовил документы на скот, оформлял паспорта, фиксировал сделки, записывал приговоры сельских обществ и выполнял еще массу мелких просьб и поручений односельчан. Умение излагать на государственном (!) языке делало его фигуру не только уважаемой, но и почти сакральной: знание русской грамоты значительно повышало его статус и общественный вес в глазах соседей, поскольку открывало заманчивую перспективу говорить (и договариваться!) с властью на ее языке, выражая при этом интересы своего общества. И в действительности зачастую оказывалось, что не столько сам старшина как главный сельский администратор, сколько писарь являлся действительным ближайшим посредником между сельчанами и окружным начальством, вот почему процедуре назна-

чения на эту должность придавалось столь же важное значение, как и выбору самого старшины.

Имея в виду эти обстоятельства, начальник Терской области в июле 1911 г. рапортовал кавказскому наместнику, убежденно доказывая: «В виду того значения, какое имеет сельский писарь среди почти поголовно неграмотного туземного населения Терской области и того, что на должность сельского писаря сплошь и рядом назначаются люди опороченные судом и неодобрительного поведения, Ваше сиятельство нашли возможным предоставить сельским обществам самим избирать и нанимать себе сельских писарей из наиболее благонадежных и честных лиц, но с ведома и одобрения начальника округа... Но, как показывает опыт, мера эта не только не уменьшила контингента неблагонадежных писарей, но напротив — увеличила. По мнению того же неграмотного населения, сельский писарь тогда только хорош, когда делает уступки, идет на компромис. Писарь-же, поставивший своей целью честность, аккуратность и не желающий вступать в неблагоприятные сделки с каким-нибудь влиятельным „хаджи“ — не годится. По этому поводу начальник Назрановского округа рапортом от 1 мая сего года за №5507 доносит мне между прочим следующее: „На старания администрации о назначении на должность сельских писарей русских людей, сельские общества под разными предлогами уклоняются от дачи приговоров о приглашении таковых и даже таких, которые служили писарями по несколько лет. Приговоры же о найме писарями ингушей, даже замеченных в неблагоприятных поступках, дают с охотой. Из ответа я убедился, что писаря ингуши тем нравятся жителям, что способны на все вплоть до подлогов и сокрытия преступлений (хотя есть исключения, но весьма редкие)“. В виду этого он, Начальник округа просит в интересах дела сельскими писарями назначать русских людей, не замеченных в неблагоприятных поступках, так как только при таких писарях возможно хоть сколько-нибудь быть гарантированным, что в селениях не будут выдаваться документы

на воровской скот и лошадей, не будут снабжаться паспортами преступники, скрывающиеся от следствия и суда, и т. п. И если к этому прибавить еще безграмотность писарей-ингушей, в большинстве случаев едва только владеющих русской речью и пишущих бумаги до смешного нелепо и непонятно, — предоставление сельским обществам выбирать себе писарей осветится в самой непривлекательной окраске.

Такое ненормальное положение дела замечается не в одном только Назрановском округе, но и в других округах.

Донося об изложенном на благоусмотрение Вашего сиятельства, ходатайствую об изъятии от туземных обществ вверенной мне области права самим подыскивать и нанимать себе писарей и о предоставлении этого права начальникам округов» [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 45-46].

В конце концов, официальный статус сельского писаря, равно как и его должностные обязанности, были закреплены циркулярно. Приводим текст особого циркуляра от 9 марта 1912 г., подписанного вр. и. д. начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, генерал-майором Степановым:

«Среди все более и более возрастающих со стороны станичных и сельских жителей требований к сельскому и станичному писарю, который, в особенности в туземном, почти поголовно неграмотном, населении, фактически является главным руководителем административной и судебной деятельности местных учреждений, неподготовленный и неопытный писарь не в состоянии удовлетворить всех предъявляемых к нему требований. Писарь должен не только исполнять различные предписания, но и *лично являться носителем гражданственности* (курсив мой. — Е. К.), проводить в жизнь полезные для населения идеи, быть инициатором разнообразных начинаний, и пр.

Таким образом для населения необходим писарь опытный, хорошо знакомый как со своим прямым делом, так и с требованиями закона. Те же условия, в которых в настоящее время живут и работают писаря, давно не соответствуют тому, чтобы можно

было привлечь хороший контингент писарей. Так, напр.: в некоторых селениях оклады писарей установлены в 15-18 рублей в месяц; заслуженное жалованье писаря в большинстве случаев не получают по нескольку месяцев; станичные и в особенности сельские правления и квартиры писарей, большею частью не соответствуют своему назначению и писарям зимой приходится жить и работать в холодных помещениях и при том в самой тяжелой обстановке: жители, в особенности в селениях, собираются в сельское правление, как в какой-нибудь клуб и сидят там с утра до вечера, занимаясь праздными разговорами, чем мешают писарю успешно отправлять свои обязанности, и ему приходится брать работу на дом, чтобы исполнить ее вечером или ночью.

Служить при таких условиях соглашаются писаря только неспособные, малограмотные и неблагонадежные, несоответствующие службе как для населения, так и для правительства. Если же и попадают среди них писаря хорошие, то как исключение, и при первом же удобном случае они бросают свою службу и поступают на более спокойную и обеспечивающую их существование.

В целях устранения указанных ненормальных явлений в жизни писаря, в интересах самого же населения, предлагаю атаманам отделов и начальникам округов принять к неуклонному исполнению следующее:

1) Немедленно все станичные и сельские правления, а также квартиры писарей, где они отводятся натурою, привести в должный порядок, и если потребуются ремонт — отремонтировать.

2) Строжайше предписываю недопускать в станичные и сельские правления лиц, неимеющих там надобности. При неисполнении этого распоряжения жителями, станичным атаманам и сельским старшинам предписываю налагать на виновных высшую меру дисциплинарного взыскания, предоставленную им по закону, а в серьезных случаях входить к атаманам отделов и начальникам округов с представлением о наложении более строгих наказаний.

3) Занятия в станичных и сельских правлениях производить с 9-ти часов утра до 2-х часов дня, т.е. пять узаконенных часов (27 ст. Общ.Учр. Губ., т. II. Св. Зак., изд. 1892 года), при чем по праздничным и неприсутственным дням занятий вовсе не производить. В станицах же, где по воскресеньям собираются сходы, писарь, если только он необходим, должен присутствовать в станичном правлении только во время схода.

Исключения составляют экстренные и спешные, нетребующие отлагательства, бумаги, которые писарь должен исполнять во всякое время без замедления.

4) Выдачу жалованья писарям производить 1-го числа каждого месяца, выдавая таковое полностью за прослуженный месяц.

В виду того, что часто на должности писарей попадают лица, совершенно не соответствующие своему назначению, — при приеме писарей обращать внимание на их прежнюю службу и работоспособность, дабы не обесценивались писарские места и не умалялось достоинство писаря. Для этого — в участковых канцеляриях завести особые книги, куда записывать все сведения о писарях — как о их службе, так и о нравственных качествах» [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 11, д. 2, л. 116-117].

Давление административного пресса на повседневную жизнь горского села было чревато серьезными осложнениями для местной администрации, которая в поиске путей урегулирования ситуации и снятия напряженности предлагала взаимоисключающие решения: с одной стороны, выдвигались проекты, предполагающие некоторое послабление требованиям сельчан (например, о выборах сельских должностных лиц самими обществами из числа их представителей), с другой же стороны местные власти, озабоченные «подъемом нравственного и культурного уровня» беспокойных «туземцев», стремились как можно скорее «привязать» их к общегражданским установлениям, видя в любых уступках угрозу авторитету как самой российской власти, так и ее важнейшим институтам.

Но и в пореформенный период горская сельская община оставалась основной общественной структурой, регулирующей как хозяйственно-экономическую, так и духовно-практическую сферы жизнедеятельности коллектива: в целом распорядительные полномочия, сохранившиеся у общины, касались вопросов внутреннего распорядка и землепользования, хозяйственной жизни селений и взаимоотношений членов различных общин; одновременно за общиной сохранялись и ее исконные функции по осуществлению контроля над «моральным климатом» в коллективе.

Вместе с тем, вмешательство российской администрации в исполнительно-распорядительные сферы деятельности сельской общины ощутимо повлияло на хозяйственную жизнь села и видоизменило содержание общинных властно-управленческих прерогатив. Если прежде горская сельская община служила механизмом, который сдерживал социальное расслоение по экономическому признаку, обеспечивая общинникам равенство участия в хозяйственной жизни социума и защищая их имущественные права, то в новых условиях рост частного землевладения, значительно усилившийся после проведения земельной реформы, разрушил экономические основы общинного землепользования, окончательно отмененные указом от 9 ноября 1906 г. В результате крестьяне-горцы, получая право выхода из общины, превращались в частных владельцев участков, которыми они прежде владели на общинном праве [Законодательные акты переходного времени 1909: 452-467]. Тенденция к утрате общиной поземельно-распределительных функций характеризовала, впрочем, и состояние крестьянской общины в центральных областях России, где уже с конца XIX в. шел процесс стихийного образования частной собственности на надельную землю, имевший своей базой социальное расслоение крестьянства [Корелин 2002: 241].

Обесценивался и принцип «бессловности» сельской общины, поскольку сельская администрация, в числе которой

были и выходцы из той же общинной среды, ставилась властями в привилегированное положение, подкрепленное экономически. При формировании низовых органов управления полностью исключалось и традиционное демократическое начало, пронизывающее практически все аспекты социальной жизни горцев, и в особенности осетин.

Новые порядки, внедренные в сельскую общину, значительно сокращали сферу полномочий общесельских собраний как регулятора имущественно-правовых отношений: даже в тех случаях, когда речь шла о подселении на общинные земли новопоселенцев, мнение народного собрания о возможности наделения переселенцев землей из и без того скудного общинного фонда не учитывалось [Материалы по истории Осетии 1950: 29, 35-36, 37], хотя на этот счет и существовало особое распоряжение, утвержденное еще в 1870 г. отдельными статьями «Положения о сельских (аульных) обществах». С введением на уровне села официальных должностей и управленческих структур большинство традиционных функций общины отошло к представлявшим их лицам — к старшине, его помощникам, писарю, казначею, общественным доверенным, сельским судьям. Но со временем исполнительные пределы власти самих «народных представителей» также сокращались. К примеру, в «Положении» 1870 г. за старшиной закреплялось право наказания за маловажные полицейские проступки живущих в пределах его общества представителей привилегированных сословий или лиц, имеющих офицерские или гражданские чины, но не состоявших на государственной службе, хотя и с разрешения начальника округа. Положением об управлении Кубанской и Терской областями 1888 г. право применения наказания к лицам указанной категории передавалось начальнику округа с предоставлением ему права ареста виновных на срок до 30 дней, о чем он докладывал начальнику области [РГИА. Ф. 565, оп. 1, 1 отд., 3 ст., д. 4398, л. 8об.], а тот в свою очередь — командующему войсками округа [там же, л. 5об.-6]. Новые правила, утвержденные Уч-

реждением управления Кавказского края 1892 г., предоставляли начальнику округа право штрафовать представителей этой категории населения до 15 руб. и подвергать аресту до семи дней, уведомляя о наложенных наказаниях начальника области [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 52, д. 545, л. 2.].

Как видно, путь к скорейшему «обрусению» северокавказского края лежал через унификацию и стандартизацию всех звеньев управленческой иерархии и приведение местных форм самоорганизации и самоуправления в соответствие с теми, что существовали в центральных районах Российской империи. В результате, начавшись с верхних этажей административной системы, ее строительство в регионе завершилось созданием низовых управленческих структур, сформированных на уровне сельской общины, которая из самостоятельного хозяйственно-территориального объединения с собственной системой самоуправления трансформировалась в территориально-административную единицу — село, выполнявшее роль одного из низовых органов местного управления с соответствующими функциями. При этом учреждение низовых управленческих институтов, являвшихся неотъемлемой частью целостного государственно-административного механизма, каковой и являлась административная система, отвечало логике развития всякой формальной организации, все уровни и звенья которой строились на унифицированных принципах рационализации и бюрократизации управления. Поэтому состав и деятельность институтов сельского управления в разных ее аспектах также определялись соответствующими легально-правовыми нормами, зафиксированными в актах, инструкциях и распоряжениях, в основных своих чертах заимствованных из положений, распространяющихся на «мир» среднерусского крестьянства. В частности, управленческие функции сельского общества законодательно оформлялись положениями, регламентирующими не только порядок об-

щественного управления, но и хозяйственно-экономическую деятельность села, включенного в качестве юридического лица в систему государственного налогообложения.

Но процесс формализации властных отношений внутри горской сельской общины очевидно противоречил общинным традициям и специфике обычного права и значительно повлиял на функционировавшую прежде систему самоорганизации общественной жизни, качественно изменив характер доминировавших в традиционном социуме отношений власти и властвования и обеспечив властное полномочие индивиду, по сути, в ущерб интересам коллектива. Бывшие прежде прерогативами всего социума, организационно-управленческие функции общественной власти оказались выделены в особую сферу профессиональной деятельности, регламентируемой и контролируемой государством. Должностное оформление функций управления в общинной среде в свою очередь вело к индивидуализации и монополизации власти, сопровождавшимся отчуждением от хозяйственного коллектива всего круга исполнительно-распорядительных полномочий. В результате нарушался традиционный баланс гражданско-правовых статусов, на поддержание которого как залога целостности всей социальной системы была ориентирована деятельность общинных властных институтов. В целом же административное вмешательство в горскую общинную среду существенно повлияло на сложившуюся практику самоорганизации, нарушив традиционный баланс управленческих и регулятивно-контролирующих функций общины, за сохранение которого отвечала общественная власть.

Несмотря на вполне понятное стремление государства «упорядочить» сельский быт, приспособив его к общегосударственным целям и задачам, и учредить «правильный сельский строй» [Материалы по истории Осетии 1950: 28], сельская община пореформенного образца оказалась довольно искусственным, механически сконструированным социальным образованием,

на что обращал внимание и Воронцов-Дашков. Характеризуя в целом организацию сельского общественного управления на Кавказе, он отмечал, что оно совершенно не соответствует идее самоуправления. Будучи образованным по образцу крестьянского управления во внутренней России, сельское управление на Кавказе, по его мнению, совмещало в себе функции как волостного, так и сельского управления, превратившись в «фискально-полицейскую канцелярию», которая, наделенная широкими полномочиями и поддерживаемая администрацией, совершенно подавила своей властью всякую самостоятельность сельских обществ, в особенности их хозяйственную самодеятельность, которая «почти атрофировалась» [Всеподданнейшая записка 1907: 28-29].

Тем не менее, даже оказавшись на положении маргинальных, традиционные принципы самоорганизации продолжали все же существенным образом влиять на внутреннюю жизнь горских обществ, а обычно-правовые нормы по-прежнему сохраняли свое значение в качестве организующего начала социальной жизни. Понимая это, правительство шло на их выборочную легализацию, возводя в ранг официальных, что играло на повышение общественной значимости проводимых преобразований.

Так, например, признавая «целесообразными» ежегодные собрания народных представителей для обсуждения нужд населения, кавказское руководство к концу XIX в. легализовало «общественные сходы» — трансформированные народные собрания, которые, по мнению областной администрации, следовало «урегулировать», взяв под свой контроль. Эти собрания организовывались таким образом, что сам принцип «демократического представительства» формально сохранялся, но в существенно искаженном виде: уже не каждое домохозяйство имело право выбора своего представителя, а группа из нескольких домохозяйств. Сформированный таким образом «сельский сход» действовал под председательством старшины. Для «улуч-

шения состава» старшин было признано необходимым их материальное обеспечение.

Решения сельских сходов утверждались приговорами, которые «санкционировали» административные распоряжения: например, о запрещении самовольного захвата сельскими жителями общественных земель, возведения на них построек и сноса уже построенных [ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 6, д. 105, л. 2].

В ряде случаев правительство считало даже возможным поддерживать решение сельского схода, когда, например, потребовалось «искоренить разорительные обычаи» из осетинского быта «для улучшения жизни поселян» (см. подробнее: [Дигорон 1881; М. Г. 1879; Гатуев 1881; Хетагуров 2000 в]), объявив их «не соответствующими духу настоящего времени» и «обременительными и разоряющими домашнее благосостояние» [НА СОИГСИ. Ф. 4, оп. 1, д. 107, л. 1]. В этом же ключе, к примеру, был составлен и общественный приговор, принятый осетинским населением в январе 1888 г. «в том, что большинство из наших народных обычаев и верований не только вредны и разорительны для народного хозяйства, но и служит важнейшим препятствием к успешному развитию народа» [РГИА. Ф. 821, оп. 8, д. 712, л. 12]. Понятно, что апелляция к авторитетному мнению «народных депутатов» в подобных случаях диктовалась исключительно экономическими соображениями высшей администрации, заинтересованной главным образом в упорядочении фискальных сборов в местной общинной среде.

К практике «общественных приговоров» как к исключительной мере администрация прибегала и в тех случаях, когда в ее распоряжении не оказывалось больше средств для эффективной борьбы с правонарушениями, особенно многочисленными в имущественной сфере. На основании общественных приговоров уже в начале 90-х гг. XIX в. самими сельчанами возбуждались ходатайства о применении к провинившимся не только денежных штрафов, но и наказания розгами [Всепопданнейший отчет Начальника Терской области 1892: 87; Хетагуров 2000 в:

11]. Общественные приговоры составлялись также сельскими обществами и по поводу административной высылки «порочных членов своих» в Сибирь [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1892: 88], хотя подобная мера пресечения была официально введена в Терской области позже времени принятия подобных решений осетинскими сельскими сходами — лишь с 1893 г. И в уже упомянутом общественном приговоре 1888 г. содержалось требование вернуть в Осетию горские словесные суды «с тем, чтобы все дела, касающиеся кровомщения и вообще убийства, были изъяты из ведения окружного суда» [РГИА. Ф. 821, оп. 8, д. 712, л. 14–14об.], на чем, собственно, и настаивала сама администрация Терской области в лице ее начальников Смекалова и Каханова. Общественными приговорами, которые выносились на сельских сходах, закреплялось и право частного владения земельными участками, предоставленное указом 9 ноября 1906 г.

Насколько в действительности приговоры отражали общественное мнение, можно судить по практике их принятия: «все дела решаются небольшою кучкою влиятельных, богатых лиц, а приговоры затем, для собрания подписей, разносятся по домам, причем за неграмотных ставятся кресты или подписывается одно и то же лицо» [Евангулов 1914: 53].

Вместе с тем, несмотря на всю болезненность для традиционного жизнеустройства адаптационных процессов, с неизбежностью возникших при вхождении кавказской провинции в большой мир, само население, с которым имела дело правительственная администрация конца XIX — начала XX вв., было уже далеко не таким, с каким пришлось столкнуться первым правителям Кавказа. Замкнутый круг традиционной повседневности, устоявшихся общественных связей и социальных ролей был разорван стремительным вторжением инокультурных порядков, иного мировоззрения, во многом чуждого, но принадлежавшего более сильному, за которым стояла не только сила оружия и сила закона, но и экономическая перспектива. Неда-

ром еще в конце 60-х гг. XIX в. наместник великий князь Михаил Николаевич подметил, что горцы Кавказа находятся в переходном положении, поскольку «старые вековые основы здания их общественного порядка и быта заменяются новыми, и самое здание подвергается последовательной и, нужно сказать, несколько поспешной перестройке» [Всеподданнейший отчет 1870: 115]. Но именно эта поспешность делала сомнительными все усилия кавказской администрации по «духовному» сближению двух различных миров, установлению взаимного доверия и приятия. Тот же Михаил Николаевич с сожалением констатировал, что на вопрос — есть ли доверие со стороны местного населения Кавказа, — «нужно отвечать положительно, что доверия еще нет; есть только меньше, чем было прежде, недоверия» [там же: 117].

Итак, подведем некоторые итоги. На первых этапах административного освоения региона вмешательство в традиционную повседневность носило преимущественно спонтанный, ситуативный характер. Однако положение кардинально изменилось после окончания Кавказской войны и актуализации в связи с этим задачи включения региона не только в политико-правовую, но и в хозяйственно-экономическую систему государства. Назревавшие в России либеральные реформы, а затем и их проведение, преобразовав многие аспекты внутрироссийской экономической и социально-политической жизни, содержательно изменили и правительственную политику по отношению к кавказской окраине, реализация которой в конечном итоге привела к системным подвижкам в традиционных общественных структурах. Именно пореформенный период отмечен радикальными переменами в жизнеустройстве горских обществ Центрального Кавказа, проводившимися под лозунгом распространения российской «гражданственности» во имя декларируемой цели полного и окончательного слияния края с империей. Формированием же низового управленческого аппарата на уровне села

завершилось строительство иерархической модели административной системы на Центральном Кавказе.

В результате процесс сжатого во времени «огосударствления» местных социумов, хотя во многом и насильственно, вопреки упорному сопротивлению общественных структур, но привел все же к заметным сдвигам во всех сферах их жизнедеятельности, обозначив в мировоззрении горца привнесенные иной цивилизацией новые ценностные ориентиры и показав новые возможности жизнеобеспечения.

Но, признавая этот факт, необходимо сделать ряд существенных, на наш взгляд, замечаний. Изменения, произошедшие в системе самоорганизации и самоуправления горской общины, естественным образом отражали процессы институционализации управленческой деятельности государства, которые со своей стороны в полной мере отвечали логике развития административной системы, требовавшей четкой функциональной специализации, разделения сфер компетенции и ответственности, существования иерархического административного аппарата, системы нормативных правил и инструкций и т. п. Формальные, стандартно действующие практики, закрепившиеся в государственно-административной модели управления, укладывались в жесткую институциональную схему, которая в значительной степени ограничивала реальные возможности поиска новых институциональных форм административного воздействия на горский социум. Взаимная адаптация различных управленческих систем представляла собой сложный и многослойный процесс, в ходе которого одна из сторон переживала ломку традиционных механизмов регулирования социальной жизни и соответствующих институтов, а другая — закономерную модернизацию уже сформировавшейся системы государственно-административного управления. Соответственно, формы, способы, избираемые методы администрирования обуславливались институциональным диктатом и ограниченным адаптирующим потенциалом государственного административного аппарата. Значительно

превосходя традиционные горские общества в экономическом и социально-политическом отношениях и опираясь главным образом на силу оружия, государство в исторически короткий промежуток времени установило в регионе свое политическое господство, перенеся на местную почву принципы, отличающие государственную политическую культуру.

ГЛАВА 3

РЕСУРСЫ РУСИФИКАЦИИ

Административное измерение «русификации»

Ярко выраженная мозаичность Российского государства, в котором в единых территориальных границах сосуществовали самые разнообразные модели социально-политической организации общественных систем, требовала гибкого и одновременно эффективного подхода к решению главной государственной задачи — сохранения единства и целостности страны. В разных частях империи, в каждом конкретном случае эта задача решалась по-разному, однако едва ли не важнейшей доминантой объединительной политики Петербурга была ориентация на интеграцию разнородного населения в общеимперском пространстве — территориально-административном, социально-политическом и в определенной мере хозяйственно-экономическом. Наиболее отчетливо интегративные установки в правительственной политике проявились во второй половине XIX в., когда замиренный Кавказ уверенно вступил в полосу Великих реформ.

Пореформенный период для страны в целом стал временем созревания новых идеологических формул поддержания имперского порядка и социальной стабильности (см.: [Кэмпбелл (Воробьева) 2001]), тем более востребованных, чем интенсивнее в стране шли внутренние трансформационные процессы, завязанные сначала на реформах 60-х гг., а затем — на т. н. контрреформах 80-х. Начало XX века, ознаменовавшего системный кризис империи, дало новый импульс к разработке идеологии национальной стабильности, в которую активно включились разные слои российского общества.

Актуализация поиска новых обоснований имперской (общеимперской) идентичности обуславливалась еще и пестрым в этнокультурном и конфессиональном аспектах составом населения, что на практике означало высокую степень конфликто-

генности процессов имперской унификации. Соответствующего идеологического обоснования требовало и распространение и утверждение нового социального порядка, в организационном плане служившего эквивалентом имперского комплекса. Гасить назревавшие и подавлять вспыхивавшие в связи с этим социальные конфликты являлось в подобных обстоятельствах не столько задачей государства по установлению общественного порядка, сколько одной из важнейших функций Империи, ориентированной на формирование новых социальных мотиваций, проистекающих из осознания каждым жителем принадлежности к единому макромиру — осознания, преодолевающего этнокультурную гетерогенность российского общества на основе «тождества интересов» в экономическом, политическом и социальном отношениях [там же: 207].

Основанием подобного тождества призвана была стать национальная идея — идея, обосновывавшая ведущую роль в объединении имперского социума «великорусской народности» как «ядра империи», занимавшего центральные земли и окруженного окраинами с инородческим населением и, соответственно, всего того, что это «ядро» символизировало. Эта правительственная установка уже в начале 80-х гг. XIX в. прозвучала в емкой формулировке председателя Комитета министров Н. Х. Бунге: «Император Александр III справедливо признал, что в русском государстве должны господствовать: *русская государственность*, т. е. русская государственная власть и русские государственные учреждения (конечно, примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), *русская народность*, т. е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, *русский язык*, как общий государственный, и, наконец, *уважение к вере*, исповедуемой русским народом и его государем» (цит. по: [Волхонский 2006: 87]). Таким образом, русское этническое самосознание и православная вера были отнесены к ряду ведущих интегрирующих факторов, хотя они, по мысли А. Каппелера, и не являлись «конститутивными» для российского государства

и общества: главная роль в государственной политике по отношению к нерусскому населению империи принадлежала все же стабилизации господствующего режима и лояльности нерусских подданных по отношению к государям и их династии [Каппелер 1997: 120].

Стабилизация режима и достижение социального порядка напрямую связывалась с проблемой унификации по общеимперскому образцу разнообразных практик жизнеустройства проживавших в административных границах Российского государства народов, которая трактовалась как проблема «русификации» инородческого населения. Процессы русификации подразумевали широкое распространение в местной среде государственных административно-правовых учреждений, свойственных данному типу государственности стратегий социально-экономического поведения и связанных с ними культурных ценностей, характеризовавших, по сути, совершенно иную модель социальных отношений, а шире — иную цивилизацию. При этом правительство вполне отдавало себе отчет в том, что, как подмечено в Записке статс-секретаря барона А. П. Николаи по вопросу о преобразовании центрального управления на Кавказе, датированной октябрём 1882 г., «никакая приобретенная веками национальная или племенная своеобразность не сдаётся без борьбы к поглощению, а потому, при преследовании целей объединения, необходимо с этим естественным законом считаться и часто делать ему временные уступки, не упуская из вида главные цели окончательного создания гармонического единства» (цит. по: [Кэмпбелл (Воробьева) 2001: 206-207])¹⁶.

¹⁶ Впрочем, несмотря на однозначность намерений, то, каким все же образом достичь «гармонического единства», всегда было большим вопросом для правительствующих кругов. Р. Джераси справедливо подмечает: «Хотя самодержавное правительство могло проявлять постоянство и решимость в собственных действиях и в политике... взгляды российских властей и общества относительно ассимиляции даже малого числа народов империи в одном (хотя и не типичном) регионе (речь идет о Среднем Поволжье. — Е. К.), были чрезвычайной

Представляется, что, говоря о русификации национальных окраин империи, а в особенности Северного Кавказа, следует различать процессы «огосударствления» («распространения начал цивилизации» — в терминологии российских администраторов) от процессов ассимиляции, аккультурации и пр. И если ассимиляция подразумевает процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения и, что, пожалуй, следует выделить в большей степени, «отсутствие конфликта по вопросам ценностей и власти» [Миллер 2006: 58], то аккультурация связывается с процессом усвоения новых культурных моделей, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом, и, таким образом, не затрагивает глубинных пластов национально-культурной идентичности. Происходя зачастую в условиях военного и политического доминирования, такая вынужденная аккультурация приобретает выраженный инструментальный характер, становясь одной из форм адаптации, при которой в адаптирующемся социуме формируются стратегии индивидуального и группового поведения, ориен-

но амбивалентны, изменчивы, неопределенны и противоречивы... Не было согласия по поводу того, в какой степени, в каком порядке, в какое время и в каком месте следовало бы наделять чертами „русскости“ нерусские народы империи». По мнению исследователя, проблема состояла в отсутствии общепринятого определения «русской нации» («Russian nationality»), в «официальных» версиях которого сочетались «такие элементы, как религия, язык, управление, обычаи, политическая лояльность, расовая принадлежность и история в ее бесчисленных проявлениях» [Geracy 2001: 343-344]. Об этом же говорит в заключении своего очерка «Русификация: Слово и практика» Т. Уикс: «Трудности с определением концепта русификации проистекают из неопределенности содержания понятия „русский“. Было ли оно исключительно этническим, языковым или культурным? Или можно было быть „русским“ в верноподданническом смысле, в то же время трепетно относясь к своей национальности и родному языку? Возможны обе эти интерпретации, и действительно, время от времени один и тот же документ подразумевает то одно, то другое...» [Weeks 2004: 489].

тированные по большому счету на перспективу и помогающие как отдельному человеку, так и целой общности наиболее болезненно осваивать пространство доминирующей культуры, находя в нем приемлемые для себя ниши.

В силу масштабов и культурно-языковой гетерогенности Российской империи приоритеты центральной власти на южных окраинах страны были связаны, скорее, не с достижением полной ассимиляции и утверждением общей для всего населения идентичности, сколько с приобретением лояльности, причем не столько политической, сколько выраженной, как пишет А. Миллер, в культурных формах и связанной «с ориентацией на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний» [Миллер 2006: 67]. Эту грань проводили и идеологи правительственной политики «сближения / или слияния инородцев с русскими»: под слиянием понималось не поглощение, а «порядок вещей, при котором две народности различного происхождения должны находиться под влиянием одного и того же экономического и социального строя, повиноваться одним и тем же всеобщим законам и следовать тем же побуждениям» [Кэмпбелл (Воробьева) 2001: 207].

Речь, таким образом, должна идти о действии механизмов, нацеленных на формирование локальными сообществами окраинных провинций позитивной мотивации русификации, обеспечивающей более или менее успешную адаптацию к новым формам хозяйственной и социально-политической жизни в условиях русифицирующего давления государства.

При анализе различных проявлений этого многогранного процесса прежде всего необходимо иметь в виду их обусловленность социально-историческом фоном, с одной стороны, и меняющимися задачами властного центра империи, всякий раз требующими разработки адекватных стратегий их разрешения, — с другой. Впрочем, можно указать и на еще один немаловажный фактор обусловленности «русификации» — ее двусторонний характер, при котором сам процесс протекает в форме

асимметричного социального взаимодействия, причем каждый из акторов выступает как активно действующий субъект с собственной логикой поведения, продиктованной сугубо прагматичными интересами и конкретными обстоятельствами.

Именно многоаспектность политики русификации дает основания, по мнению Миллера, с которым трудно не согласиться, говорить «о целой группе разнообразных процессов, часто различающихся не мелкими деталями в проявлении общего принципа, а самой внутренней логикой и природой» [Миллер 2006: 55]. Исходя из этих обстоятельств исследователи полагают более корректным вести речь не об одной, а о нескольких «русификациях», что наиболее аргументированно выразил Э. Таден, предложив их классификацию. В классификации Тадена присутствуют: 1) спонтанная русификация элит, свойственная для XVIII века и более ранних периодов; 2) «административная русификация» как часть политики абсолютистской административной централизации второй половины XVIII века; 3) насильственная русификация (стремление насадить русский язык и православие) в XIX и начале XX века [Russification in Tsarist Russia 1990: 211-220].

Предложенная классификация безусловно любопытна, но представляется небесспорной. Понимая, что любая классификация и типологизация общественных процессов стремится к генерализации и широким обобщениям и выделяет, скорее, идеальные их формы, в реальной исторической действительности, как правило, не отмечаемые «в чистом виде» и зачастую довольно причудливо переплетающиеся, отметим все же, что схема Тадена грешит чрезмерным упрощением, при котором «опускается» важное для рассматриваемых процессов региональное измерение с одновременным стремлением «привязать» тот или иной вариант «русификации» к неким жестко очерченным хронологическим вехам. Вызывают также вопросы и основания, на которые данная классификация опирается: добровольность и принудительность в процессах ассимиляции и аккультурации,

которые, по мысли исследователя, разграничены во времени и, соответственно, обуславливают разные механизмы и практики «русификации»¹⁷.

Но при всем этом очевидное достоинство классификации Тадена заключается в попытке дифференциации разнообразных по сути явлений, в традиционной исследовательской деятельности скрывающихся под одним, нивелирующим их, понятием, подводя, таким образом, к необходимости применения ситуационного подхода¹⁸ к изучению целого ряда сопряженных процессов, связанных с русификацией. Важным для нас оказывается и выделение Таденом того особого вида «русификации», который обусловлен административными практиками, имевшими в данном контексте особый — символический — смысл. Добавим только, что процессы «административной русификации» не только не исчерпали себя с концом XVIII века, но, напротив, получили заметное развитие в следующем, XIX, столетии, ока-

¹⁷ Впрочем, как видно, рубежом между тем или иным этапом автор предлагает считать период появления националистических установок, что исследователям национализма в России видится справедливым: «...Ясно, — пишет Миллер, — что с утверждением националистических идеологий и мировоззрения менялись и условия взаимодействия по вопросам ассимиляции и аккультурации, и логика поведения акторов»; кроме того, исследователи соглашались с дифференциацией социума на элитные группы и более многочисленные непривилегированные группы, поскольку «механизмы ассимиляции и аккультурации в отношении них были разными» [Миллер 2006: 56].

¹⁸ По этому поводу вновь сделаем ссылку на А. Миллера, который подчеркивает: «Раз предметом изучения являются различные формы социального взаимодействия, то следует выявить всех вовлеченных в это взаимодействие акторов, понять логику (в том числе субъективную мотивацию) их поведения, учесть обстоятельства, в которых это взаимодействие происходит. Таким образом, ситуационный анализ не влечет за собой непременно сужения масштаба исследования до регионального уровня, он, скорее, помогает сломать привычные рамки и ракурсы национальных или имперских нарративов, привлекающая внимание как к микрорегиональному масштабу, так и к объединяющим ряд империй макрорегионам» [Миллер 2002: 36].

завшись не только доминантой объединительной политики Петербурга на окраинах империи, но и содержанием политических преобразований в стране в целом.

Оценивая степень внешнего воздействия на общественные структуры традиционного микросоциума, неизбежного в ходе его вхождения в строй «большого общества», нужно, как представляется, принимать во внимание ряд существенных моментов, обычно выпадающих из поля зрения исследователей, занимающихся анализом этих явлений.

Особенности российского этатизма, сочетавшего несовместимые по своей природе принципы: коллегиальной административной модели, позаимствованной в Европе, и неограниченной авторитарной власти, являвшейся неотъемлемым атрибутом российского самодержавия [Зайончковский 1978: 106], — определяли характер и направленность процесса формирования системы управления на местах. Известная степень милитаризации российского административного аппарата (свойственная, по замечанию исследователей, всем абсолютистским режимам [Медушевский 1990: 10]), наряду с внешне- и внутривнутриполитическими обстоятельствами обусловили широкое распространение на Кавказе военно-административных форм управления.

Тенденция к непомерной централизации и бюрократизации всех форм управленческой деятельности, что в условиях российской этнической, социокультурной и конфессиональной мозаичности рассматривалось как залог внутреннего единства и целостности страны, проявилась и при создании местных административных структур, занявших низовые уровни государственной управленческой иерархии.

Нельзя не учитывать также, что изменения, произошедшие под внешним давлением в системе самоорганизации и самоуправления горской общины, естественным образом отражали процессы институционализации управленческой деятельности самого государства, которые со своей стороны в полной мере

отвечали логике развития административной системы, требовавшей четкой функциональной специализации, разделения сфер компетенции и ответственности, существования иерархического административного аппарата, комплекса нормативных правил и инструкций и т. п. В основе эволюции российской государственно-административной системы лежала идея рационализации власти по общеевропейскому образцу (см.: [Агаджанов 1998: 354; Медушевский 1990: 7]) — эволюции, идущей в русле догоняющей модернизации, начало которой было положено петровскими реформами. Именно с ними связаны процессы реформирования административной модели, направленные на унификацию, централизацию и дифференциацию функций аппарата управления. Эти тенденции так или иначе развивались на протяжении всей послепетровской эпохи, включая и XIX век, ставший для российской государственности периодом рационализации бюрократии как целостного административного механизма, выстроенного на формально-организационных началах. В это время шла перестройка самой организации управления, отделение гражданской службы от военной, становление новых форм институционализации власти, формирование чиновничьего аппарата, зарождение нового (бюрократического) стиля и языка делопроизводства [Долгих 2006: 21, 23-25]. К середине XIX в. в России появилась новая чиновничья элита, в основе формирования которой лежали уже не субъективно-личностные, основанные на семейно-родственных связях и богатстве, а вполне объективные критерии, например, образование. К этой новой бюрократической элите постепенно переходили функции политического контроля, принадлежавшие ранее помещичьей аристократии. Эти и другие тенденции в оформлении чиновничье-бюрократического аппарата означали не что иное, как его обезличивание и бюрократизацию [Большакова 2003: 10-11].

Вместе с тем оптимизация российского административно-аппарата происходила, скорее, на уровне его верхних эше-

лонов, в идеальных (западноевропейских) административных моделях ответственных за разработку и принятие конкретных управленческих решений; те же структуры т.н. «среднего звена», представленные чиновничьей бюрократией, которые должны были бы обеспечивать детализацию и реализацию принятых законов и распоряжений, в российском варианте административной системы не только не отвечали требованиям формальных организационных стандартов, но и, по большому счету (во всяком случае, в первой четверти XIX в.), не выполняли предписанных организационной иерархией функций, поскольку часть из них отходила «наверх» — ведомственному (или территориально-административному) руководству, правительству, монарху, часть же — была просто фальсифицирована в силу непроработанности (или полного его отсутствия) того формально-информационного механизма, который связывал бы различные уровни административной иерархии в целостный организм¹⁹.

Исследователи справедливо указывают и на дифференциацию среднего чиновничества на два разных «мира» — в центральной и местной администрации, — которые существенно различались как по образованию и способам продвижения по службе, так и мировоззренчески [Большакова 2003: 11], что, бесспорно, сказывалось на характере и, главное, качестве выполняемых ими официальных обязанностей, что особенно явственно выглядело в отдаленных провинциях.

В результате эволюции всей государственно-политической системы уже во второй четверти XIX в. российский правительственный аппарат представлял собой иерархию учреждений и базировался на строгой соподчиненности административных

¹⁹ Об «институциональной слабости», «слаборазвитости» системы управления в Российской империи, выражавшейся главным образом в отсутствии адекватных «каналов коммуникации» между разными уровнями администрации, пишут и англоязычные авторы. Корень проблемы видится ими в недостаточном для эффективной политики количестве административного персонала в стране (см. подробнее: [Velychenko 2001: 347-348, 355-356]).

инстанций и регламентации взаимодействия различных ведомств и уровней власти. Государственная административная система эволюционировала в единый механизм, включающий высшие и низшие звенья чиновничьего аппарата [Агаджанов 1998 а: 7]. Общими чертами административной системы России, совершенствующимися в ходе реформ с течением времени, стали рационализация управленческого аппарата, дифференциация его функций и специализация подразделений [Медушевский 1990: 12]. Формализация, рационализация и бюрократизация управления объективно призваны были способствовать его эффективности, являясь по существу ведущими и общими тенденциями в развитии административной системы как формальной организации.

Соответственно, формальные, стандартно действующие практики, закрепившиеся в государственно-административной модели управления, укладывались в жестко организованную институциональную схему, которая в значительной степени ограничивала реальные возможности поиска новых институциональных форм административного воздействия на слишком различающиеся по многим характеристикам социумы, проживавшие за пределами Европейской России.

Как и всякая формальная организация, административное управление, учреждавшееся на Северном Кавказе, строилось на принципах рационализма и бюрократии и эволюционировало в сторону институционализации, формализации и бюрократизации всех уровней административного аппарата и связанной с ним деятельности, что соотносилось с тенденциями развития российской административной системы как таковой.

Как уже подчеркивалось, в наибольшей степени пресс империи ощущался на уровне сельской общины, в среде горского крестьянства, традиционные формы самоуправления которого в целях скорейшего «обрусения» края надлежало привести в соответствие с низовыми органами управления крестьян внутренних российских губерний. «Положение о сельских (ауль-

ных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области» 1870 г. и его более поздние редакции утверждали совершенно новую, нетипичную для местной практики самоуправления, модель, отличавшуюся, впрочем, и от прежнего военно-народного управления. Оказавшись вовлечены в орбиту саморазвития административно-управленческого аппарата, горские общества вынужденно испытывали внешнее влияние государства, явившегося инициатором их системных изменений, которые мыслились региональной административной элитой как модернизационные. Исходя из собственных представлений о формах и механизмах «модернизации» сельского общества и под давлением меняющихся обстоятельств, власть создавала новые (хотя и на основе исторически предшествовавших общественных форм) структуры, все аспекты деятельности которых строго контролировались государством, выступавшим едва ли не абсолютным лидером, демонстрируя таким образом неограниченность своих прерогатив. Внедрение в общинную среду тех же унифицированных принципов управления, что функционировали на верхних уровнях административной иерархии, в идеале направленных на повышение эффективности управления, призвано было отвечать одной главной идее — укреплению властной вертикали.

Стандартизация и унификация управленческой деятельности как доминирующие тенденции в ее развитии проникли и в судебно-процессуальную сферу. Однако понятийная основа российского законодательства и судопроизводства плохо со стыковывалась с традиционной юридической практикой. Введение принципа индивидуализации вины и ответственности явно противоречило утвердившемуся в обычном праве принципу «коллективной ответственности», актуализировавшему представления о значимости родственного начала. Это противоречие еще более усугублялось разделением судебной сферы на гражданскую и уголовную, в то время как традиционные ме-

ханизмы регулирования интересов членов общины отличались неразделенностью гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности. Установление справедливости в традиционном ее понимании и, соответственно, поддержание мирных отношений внутри общины как высшей ценности традиционного общежития, на достижение которых была ориентирована деятельность местных посреднических судов, отнюдь не являлось главной целью официальных судебных учреждений, защищавших в первую очередь общегосударственные интересы. В результате прежде единое поле внутриобщинных правоотношений оказалось искусственно фрагментировано в соответствии с приоритетом государственных интересов над общинными.

Тенденция к универсализации, упорядочению общеимперского пространства так или иначе обнаруживала себя в административной практике правительства, будучи по сути одним из ведущих векторов «огосударствления» северокавказской периферии и распространения здесь «начал цивилизации» в исторической динамике. Конструируемый на низовых уровнях административного аппарата новый социальный порядок в организационном плане служил эквивалентом имперского комплекса, который несли с собой русские колонисты и который, имея поначалу в качестве духовной составляющей идею православия, со временем трансформировался в политическую идеологию «гражданственности» как общей национальной идеи, выступавшей обоснованием целостности государства, его «единства и неделимости». И это в контексте Российской империи выглядит далеко не случайным. Стремление к формированию некоей универсальной общности, интегрированной на основе идеи единой государственности, воплощавшейся в формальном равенстве всех ее граждан, являлось качественной характеристикой Российской империи, в административных границах которой многочисленные микросоциумы инкорпорировались в имперскую структуру — универсальную систему со своим типом социализации, который до известных пределов не исключал

и традиционные способы организации жизни [Гатагова 1996: 340]. Несущим же каркасом империи служил административный аппарат, сверху донизу выстроенный на жестких принципах вертикальной иерархии. Именно управленческие практики и механизмы конституировали общеимперское социальное пространство, усиливая и без того доминирующую этатистскую составляющую в российской государственности и оказываясь основными каналами воздействия государства на общество и его важнейшие институты на всех уровнях социальной системы.

Вместе с тем процессы имперской унификации содержали в себе довольно высокий конфликтогенный потенциал. «Будучи результатом ситуативно обусловленной комбинации этих факторов (универсалистских ориентаций и этнополитической и этнокультурной неоднородности. — Е. К.), — пишет С. И. Каспэ, — имперские политические системы представляют собой форму разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур» [Каспэ 1998: 48]. Универсальные базовые принципы традиционного самоуправления (коллегиальность, демократизм, внесловность, широко понимаемое старшинство) были достаточно архаичными и напрямую никак не соотносились с принципами реализации властных отношений в рамках российской государственности. Обезличенность, рационализм, формализм, на которых основывалось государственное управление, неизбежно вступали в открытое противоречие с патримониальными традициями местного самоуправления, порождая конфликты и обуславливая неравноправное взаимодействие различных по своей социальной природе моделей управления. Подмена традиционной гражданской общины сельским обществом, формирование на принципиально иных началах официальных административных институтов, действовавших от имени государства и представлявших его интересы, выстраивание отношений надличностной

зависимости во властно-правовом поле наряду с бюрократизацией и формализацией управленческих механизмов — все это не могло не сказаться на целостности традиционной социокультурной системы.

И дело не столько в принципиальном несовпадении основополагающих понятий, характеризующих государственные и догосударственные общественные образования, сколько в диаметральной противоположности мировоззренческих установок традиционного сельского социума и идеологии государственного устройства, определяющих, по сути, цель, а следовательно — и характер управленческой деятельности. В догосударственных общественных структурах управление представляет собой *процесс* регулирования жизни общества в целом, направленный на непрерывное, циклическое воспроизводство устоявшихся общественных форм и хозяйственных практик, поддержание баланса гражданско-правовых статусов членов коллектива; управление же как одна из функций государства, семантически совпадая с руководством, становится характеристикой деятельности, ориентированной на решение конкретных задач, иначе говоря, не на процесс, а на *результат*.

Возникающий в подобных случаях диалог различных социокультурных систем, несмотря на всю его напряженность, исследователями определяется как адаптация — состояние, которое характеризуется оптимальным соотношением между преемственностью и модификацией, обусловленным как внутренними, так и внешними стимулами [Битова 2000: 167-168]. Конкретные формы адаптации горских общественных структур к модифицирующим изменениям, инициатором и проводником которых выступало Государство, в самых общих чертах выражались во взаимопересечении нового и старого социального порядка: традиционные принципы самоорганизации продолжали существенным образом влиять на внутреннюю жизнь горского села, а обычно-правовые нормы по-прежнему сохраняли свое значение в качестве организующего начала социальной жизни.

Понимая это, правительство шло на их выборочную легализацию, что играло, с одной стороны, на повышение общественной значимости проводимых преобразований, с другой же — в той или иной степени успешно обеспечивало достижение собственных целей и задач, ориентированных в конечном итоге на формирование единого имперского универсума.

Результаты административных усилий, предпринимаемых по отношению к горским обществам Центрального Кавказа, сказались не только в трансформации традиционной модели самоуправления и создании на уровне сельской общины необходимых для обеспечения нормального функционирования государственно-административного аппарата управленческих структур как органичной части общегосударственной системы управления. Будучи стержнем, поддерживающим всю сложную конструкцию традиционной повседневности, выстроенной в границах «производства-потребления», которые в свою очередь очерчивали хозяйственную деятельность общины, публичная власть составляла ее основу и являлась ее же производной. Воспринимаемая как данность, легитимируемая традициями, традиционная власть в самом широком смысле выступала гарантом социального порядка, соотнесенного с принятой в социуме ценностной системой и соответствующими поведенческими установками. Отчуждение же от традиционной власти ее важнейших социоорганизующих функций привело в итоге к тому, что рассыпалась вся система устоявшихся общественных связей, социальных ролей и ценностно-значимых статусов. Более того, утверждение новых легально-правовых, бюрократических норм не только радикально меняло восприятие власти как таковой, но и взрывало существовавшую прежде структуру традиционного общественного сознания, культуры, быта, поведения по всех его формах, включая экономическую. Насильственное вмешательство администрации в «запретную зону» этноса или любой социокультурной общности — пространство национального духа с его традициями и обычаями — вызывало

крайне негативную реакцию, глухое сопротивление, массовые волнения». Отсюда — болезненность переживаемых трансформационных процессов, т. к. извне навязывался по большому счету доминирующий тип социального поведения [Гатагова 2002: 164].

По силе воздействия на патриархальный быт горского социума внешние импульсы оказались «революционными» — вынужденное стремительное погружение в «государственность», в безличный мир обязательных к исполнению законов с одновременным выстраиванием отношений надличностной зависимости сокрушало неформальную, неcodифицированную повседневность с ее патримониальными традициями. И эта неформализованная повседневность, оставаясь гомогенной, медленно, но эволюционировала, находя выражение в постепенных сдвигах в отношении к ценностям и порядку ценностных предпочтений, свидетельство чему — появление новых форм экономического поведения (см., например: [Айларова 2014; Баев 1908; История Северо-Осетинской АССР 1987: 430-433]) и осознанное стремление к получению образования и овладения государственным (русским!) языком.

Такая своеобразная «административная русификация» северокавказской окраины, подспудно содержащая идею модернизации общества и его основных институтов, заключала в себе задачу «вписывания» местного социума в быстро меняющуюся систему горизонтальных и вертикальных общественных связей в самой империи. Создание новых социальных структур в виде сельских обществ, учреждение в них официальных институтов управления, действовавших на основе симбиоза принципов государственного устройства с традиционными началами организации социальной жизни (с выраженным доминированием первых), формирование новой сети социальных связей и конструирование новых идентичностей и статусной иерархии на низовых уровнях социальной системы являло собой механизмы адаптации автохтонных общественных структур к существу-

ющей системе власти, но адаптации вынужденной, навязанной «сверху» и идущей по инициативе, под давлением и под контролем Государства.

В сущности, «административная русификация», при всей своей многоаспектности, отражала стремление империи к унификации, упорядочению, определенной степени «институционализации» всего разнообразия отдельно существующих социальных систем, подведение их под некий единый знаменатель. Переняв некоторые европейские формы модернизационного развития, но при этом так и не изжив традиционализм общества ни в период Великих реформ, ни даже спустя десятилетия (а в ходе советских аграрных преобразований 1917-1920 гг. он даже усилился), власть стремилась низы иногородческих сообществ окраинных провинций наделить чертами крестьянского *сословия*, приводя таким образом всю пеструю массу аграрного населения окраин к единому сословному «стандарту», параметры которого были заимствованы у русского крестьянства центральных областей империи как ее основного «ядра».

Нужно отметить еще, что «обрусение», оставаясь в центре интеграционной политики имперской власти, имело разный социальный смысл в отдельные периоды истории взаимоотношений центра с северокавказскими провинциями. На первом этапе развития «объединительной» политики (по отношению к Северному Кавказу — в условных хронологических границах последней четверти XVIII — 80-х гг. XIX в.²⁰) подразумевалось политическое единство в установленных государством административных границах, объединение разнородного населения в широком гражданско-правовом поле на основе об-

²⁰ Хотя Каппелер и выделяет в истории национальной идеи в России дореформенный и пореформенный периоды [Каппелер 1997: 87-123], вероятно, следует все же отнести рубеж между этапами ее развития к началу 1880-х гг., отмеченных резкой сменой внутривнутриполитического правительственного курса, в том числе и по отношению к иногородческому населению окраин.

щегосударственного законодательного права. Его сущностный аспект заключался в напряженном поиске баланса интересов взаимодействующих субъектов, но интересов сугубо прагматичных, обеспечивавших обоюдную выгоду (однако неизменно «к пользам империи») и лояльность центральной власти со стороны местных социумов. Широко декларируемые при этом цели «приучения к порядку» и «поднятия нравственного уровня» анархично настроенного туземного населения соотносились с ценностно-нормативными категориями: процесс «обрусения» виделся из Петербурга как некая «цивилизаторская миссия», в ходе которой чуждая ментальность приобщалась к идее «гражданственности», для чего использовался разнообразный арсенал средств и методов административного воздействия, укладывавшихся в парадигму «огосударствления» северокавказской периферии.

На втором этапе вопрос о лояльности кавказского населения отодвинулся далеко на задний план, а «цивилизаторский» флер «обрусения» растаял вместе с пороховым дымом: кавказский край был «замирён», формы административного присутствия государства наконец определены, приоритет общегосударственного права институционализирован — Кавказ оказался в лоне империи. Теперь перед Россией, вступившей к этому времени на путь ускоренной модернизации, стояла задача объединения общества на основе единой имперской идеологии, преодолевающей «дробность социокультурного конгломерата» и унифицирующей множественные микросоциумы в некоем имперском универсуме. Имперская политика не утратила своего обычного прагматизма, который теперь заключался в поиске «общих, универсализующих принципов и ценностных ориентаций» как основы «единства и неделимости» [Яковенко 1994: 64].

В связи с этим получила развитие идея формирования уже культурно-языкового единства, с выраженными доминирующими позициями языка и культуры русского населения как основы

складывания общеимперской наднациональной идентичности²¹. Возникшая в конце XIX в. идея «нации» подталкивала официальные верхи к разработке комплекса мер, направленных на «формирование однородной массы граждан, гомогенизированной... в лингвистическом и административном отношении» [Хобсбаум 1999: 221]. Особая роль в этом процессе отводилась образованию как фактору распространения русского (государственного) языка и культуры и православию как сакральному символу имперского центра. Однако и культура, и православие выступали как две соперничавшие парадигмы «универсализующей духовности». Определяемая в имперском контексте как наднациональная, русская культура приобретала официальный характер, неся ответственность за политику «русификации» и ограничения «инородных» культур. Что же касается православия, то его мессианская сущность, воплощенная в принципах всеобщей любви и братства, требовала не только отделения от самодержавной власти, но и подчинения ее себе, придания власти духовного характера. Но, как отмечают исследователи, «ни тот, ни другой путь не стали и не могли стать основой для универсальной духовности... Государство в силу своей принудительности не могло стать устойчивой основой органического взаимодействия и единения различных народов...» [Яковенко 1994: 65]

Но и в этот период в правительственных кругах находились люди (Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, И. И. Воронцов-Дашков), которые, будучи сторонниками гибкой и прагматичной политики «русификации», искренне полагали, что жесткие, прямолинейные

²¹ Именно этой сферой — культурно-языковой — и ограничивает понятие «русификации» Каппелер, который, исходя из заданных им самим установок, считает, что говорить о целенаправленной «русификации» как содержанию российской национальной политики можно лишь начиная с 60-х гг. XIX в., но и тогда, по мнению исследователя, «она не оформилась во всеохватывающую концепцию, которая могла бы совершенно вытеснить наднациональную основную модель» [Каппелер 1997 а: 138].

меры приведут не к укреплению государства, а к умножению конфликтных ситуаций на национальных окраинах (см., например: [Волхонский 2003]).

Таким образом, признание многоаспектности «русификации» значительно расширяет предметную область исследования самой проблемы, выводя ее за пределы исключительно культурно-языковой ассимиляции и позволяя выявлять меняющиеся со временем приоритеты в политике империи по отношению к ее нерусским подданным. В таком исследовательском ракурсе административная русификация предстает как самостоятельный фактор имперской унификации, хотя, подчеркнем еще раз, ее символизм так или иначе, но выводит все же на социокультурное поле, где в течение длительного исторического периода шло взаимодействие различающихся по целому ряду характеристик социальных систем и их подсистем, в результате которого одно становилось частью другого, в определенной мере сохраняя при этом свою специфику. Добавим еще, что для Северного Кавказа именно этот — административный — аспект русификации был актуализирован, возможно, даже в большей степени, чем на прочих окраинах Российской империи²² в силу исторически сложившегося военного характера взаимоотношений, долгое время определявшего постановку внутривнутриполитических правительственных задач по отношению к региону и его населению.

²² Нельзя не упомянуть в этой связи фундаментальные труды Р. Джераси и коллектива авторов под руководством Э. Тадена, где проанализирован весьма различающийся опыт «русификации» в Среднем Поволжье и на западных окраинах Российской империи [Geracy 2001; Russification in the Baltic Provinces and Finland 1981].

«Говорящий по-русски уже не удивляет никого»

Как уже отмечалось, внутренняя политика Российского государства на его северокавказской окраине основной своей целью имела объединение разнородного в этнокультурном и конфессиональном отношении населения в общем политико-административном пространстве, для чего использовался разнообразный арсенал средств и методов, менявшихся со временем в зависимости от задач, встававших перед правительством в том или ином регионе. Важнейшей составляющей широкой правительственной программы по включению Северного Кавказа в Российскую империю не только в политическом, административном, экономическом, но и в социокультурном аспектах являлось образование, рассматриваемое в качестве наиболее действенного средства воспитания граждан единой империи. В системе мер по вовлечению населения Кавказа в общероссийское культурно-экономическое пространство образованию отводилась важнейшая роль посредника и проводника государственных устоев. Как особо подчеркивал начальник Терской области Лорис-Меликов, «развитие народного образования между горцами в духе соответствующем правительственным взглядам, составляет одну из настоятельнейших задач по управлению Терской Области и этот путь нужно считать единственно верным путем прочного присоединения горских народностей к империи» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 7, д. 13, л. 21об.-22].

Роль ведущего интегрирующего фактора в процессе складывания общеимперской наднациональной идентичности отводилась русскому языку. Его социально-политические функции как языка государственного наиболее полно реализовывались в образовательной практике. Однако значительный ресурсный потенциал государственного языка в различных окраинных регионах страны был задействован в неодинаковой степени, что нашло отражение в конкретных образовательных стратегиях, разрабатываемых правительством в области народного просвещения. На Кавказе в целом и в его отдельных субрегионах

государственная образовательная политика в силу ряда обстоятельств также имела свою специфику. И если административное обустройство Северного Кавказа выступало все же деструктивным фактором для местных социумов, то сфера образования дала образцы позитивной (инструментальной) мотивации русификации его населения, сглаживающей издержки политики имперской унификации и позволяющей горцам войти в строй «большого общества». Тому были свои причины.

Прежде всего, Кавказ (а точнее – Центральный Кавказ) являлся регионом, где русский язык изначально занял безоговорочные доминирующие позиции. Поначалу государственный язык проникал в местную среду посредством православия, ставшего преимущественным каналом идеологического воздействия на местные сообщества и отстаивавшего свой приоритет в деле просвещения местных народов, преследуя по сути миссионерские цели. В ходе становления общеимперской идентичности на «инородческих» окраинах именно религии отводилась роль одного из ведущих интегрирующих факторов в силу ее символической роли особого (сакрального) центра Российской империи. Наряду с открытой пропагандой христианства среди народов Центрального Кавказа (из которых только осетины могли, и то с достаточной долей условности, считаться христианами православного исповедания), специально созданная для этих целей еще в 1745 г. Осетинская духовная комиссия, ставшая центром православного русского миссионерства на Кавказе, занялась просветительской деятельностью. Вопрос об открытии здесь школы обсуждался на самых высоких уровнях более десяти лет [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 30-34] и был в итоге решен положительно. С 1764 г. в Моздоке стала действовать осетинская школа, где учебным процессом заведовала Осетинская духовная комиссия. И если в первые годы обучение горских детей проходило на родном языке [там же: 34], то уже с 1767 г. его место занял русский язык в силу

действия вышедшего в июне того же года указа Святейшего Синода, предписывающего, чтобы «осетинцы обучены были грамоте на русском, а не на каком другом диалекте» [там же: 40]. Очевидно, что введение в образовательную практику приходских школ русского языка как основного языка обучения в Петербурге расценивалось как надежное средство приобщения населения далекой северокавказской окраины к русской «культуре и гражданственности». В то же время, безусловно прогрессивные результаты деятельности Комиссии, открывшей в Осетии ряд сельских миссионерских школ и таким образом положившей начало распространению грамотности среди осетин, стали возможны именно благодаря поддержке центрального правительства и местной администрации, рассматривавших «образование юношества» как эффективный механизм идеологического воздействия на горцев, в среде которых началась подготовка лояльной центральной власти местной элиты.

Образовательная деятельность церковных учреждений на Кавказе, номинально находившихся в ведении грузинского экзархата, тщательно контролировалась светскими властями и учебным ведомством, утверждавшим учебные программы приходских школ. Контроль со стороны высшей кавказской администрации еще более усилился в отношении образовательной деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе (1861), пришедшего на смену Осетинской духовной комиссии и объединившего большинство школ духовного ведомства [АКАК, XII: 529-530; Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 111-112]. Вплоть до ликвидации Кавказского наместничества практическая деятельность Общества находилась в ведении самого наместника, и лишь с 1885 г. ОВПХ оказалось окончательно вверено экзарху Грузии и передано в непосредственное подчинение Св. Синоду [ПСЗ-III, V, 2726: 42-46]. И даже после переподчинения церковно-приходские школы, находившиеся в ведении ОВПХ, были некоторое

время связаны с Кавказским учебным округом, оставаясь под надзором инспектора училищ ОВПХ – лица сугубо светского, назначаемого администрацией Кавказского учебного округа. Лишь в 1886 г., в русле всеобщей клерикализации образования, функции инспекции начальных школ духовного ведомства были окончательно переданы в ведение Св. Синода [ПСЗ-III, VI, 3686: 188-189].

В пореформенный период школа «для народа» была объявлена «краеугольным камнем нравственного и материального благосостояния всего края» [Модзалевский 1880: 73], однако в некоторых областях Кавказа, как, например, в Осетии (и в Северной, и в Южной), организация учебного дела в начальной школе целиком и полностью возлагалась на церковные учреждения православного ведомства.

Лишь на рубеже XIX-XX вв. его приоритет в сфере народного образования стал предметом полемики, вынесенной на обсуждение в Государственный совет, где было решено, что «дальнейшее расширение прав духовного ведомства по заведыванию народным образованием “едва ли может быть оправдано с точки зрения потребностей государства и задач самого духовного ведомства”. Генерал-адъютант П. С. Ванновский в отзыве от 25 сентября 1901 г. признал необходимым: установить правильную точку зрения на права и обязанности обоих ведомств (Св. Синода и Министерства внутренних дел. – Е. К.) и на взаимные между ними отношения, уравнивать права церковных школ и школ учебного ведомства, в целях же единства управления народным образованием создать не только мелкие местные органы из представителей разных ведомств, но и общие органы уездные, губернские и центральные. 18 января 1902 г. состоялось Высочайше утвержденное постановление Государственного Совета, долженствующее служить исходным пунктом новых законодательных работ: обер-прокурору Святейшего Синода и министрам Народного Просвещения и Внутренних Дел поручено сообразить вопрос об объединении деятельности

этих ведомств в области народного обучения и предположения свои внести в Государственный Совет» [Исторический обзор 1902: 721-722].

Кавказские церковнослужители, хотя и рекрутировались из местного населения, обучались в русских учебных заведениях на русском же языке²³, что обеспечивало православию выполнение, помимо собственно духовных, также функции пропаганды идей российской государственности и законности в местной «иноверной» среде. На это прямо указывалось в Правилах Владикавказского осетинского духовного училища, утвержденных экзархом Грузии еще в 1836 г.: «В душах этих юных диких надобно возродить новый мир с христианскими понятиями о коренных обязанностях и отношениях к богу, к людям, к себе самим, ко всему обществу и к правительству Российскому и государю» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 78].

В правительственной образовательной политике на Кавказе русский язык изначально рассматривался не только в его прикладном значении, но преимущественно как «главнейший фактор объединения разноплеменного коренного населения края с Империею» [Всеподданнейшая записка 1907: 103-104]. Даже такие специфические учебные заведения, как полковые и горские школы, создаваемые с конца 1840-х – 1860-х гг. для детей горской знати и служащих в крае офицеров и чиновников, строили свою учебную программу на основе русского языка, ставшего основным средством «распространения гражданственности... между покорившимися мирными горцами» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 94]. Закрепившийся за русским языком приоритет в процессе преподавания в местных учебных заведениях не только среднего, но и начального

²³ Священнослужителей для кавказских приходов готовили как в специально созданных для этой цели местных духовных учебных заведениях – в Георгиевском приходском училище (1818), Владикавказском духовном училище (1836), Тифлисской семинарии (1866), так и в российских – Екатеринославском и Воронежском духовных училищах и в Московской духовной академии.

уровня, в целом развивал тенденцию к ослаблению, а затем и отказу от регионалистских установок по отношению к Кавказу и его населению, наметившуюся после ухода с поста наместника М. С. Воронцова²⁴. Поставленная Николаем I перед учебным ведомством цель – «сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и таким образом постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, которая существует в прочих частях государства», – обозначалась в качестве основной еще в «Положении о Кавказском учебном округе» 1853 г. [ПСЗ-II, XXVIII, 27646: 498], а затем была включена в число первоочередных в программу преобразований Кавказского края, предложенную наместником великим князем Михаилом Николаевичем. По глубокому убеждению наместника, «только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности» [Всеподданнейший отчет 1870: 99]. При этом в отношении учебной части на Кавказе уже не предполагалось никаких отдельных мер, учитывающих особенности края, напротив – программа наместника была ориентирована на «окончательное сближение всей системы образования на Кавказе с принятой Министерством Народного Просвещения» [Модзалевский 1880: 41].

Между тем, в северокавказских регионах, в Осетии, например, решением задач по организации начального образования «для народа» занималось все же не Министерство народного просвещения, а духовное ведомство, представленное здесь Обществом восстановления православного христианства на Кавказе. Со дня своего основания Общество принялось за устройство начальных приходских школ для беднейших слоев горского крестьянства. В действительности, ОВПХ взяло на себя решение проблем, от которых МНП устранилось: основное внимание

²⁴ Анализ этих тенденций представлен в работе Л. С. Гатаговой [Гатагова 1993: 26-34].

учебное ведомство традиционно сосредоточивало на вопросах обеспечения школами детей служивших в крае офицеров и российских чиновников и не вторгалось в сферу организации народного образования для горцев [Гатагова 1993: 39]. Единственным казенным заведением в Осетии (и то находившимся под началом не учебного ведомства, а военного, осуществлявшего общий надзор) долгое время оставалась Горская окружная школа во Владикавказе (1860), предназначенная главным образом для детей из семей русских военных и гражданских чинов, а также для местной социальной элиты. Обучение здесь велось на русском языке, и изучение родного языка учебными планами, утверждавшимися в Кавказском учебном округе, не предусматривалось.

Однако в приходских школах ведомства ОВПХ ситуация с языком обучения вплоть до начала 70-х гг. была иной. «Единственно верным способом к усвоению элементарных познаний и вообще к образованию из горца человека и гражданина» Обществом признавалось «распространение и развитие между горцами национальной грамотности» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 123]. Соответственно этому принципу первоначальным языком обучения становился родной («природный») язык, русский же язык вводился в школьную программу как отдельный предмет лишь после достижения учениками определенного уровня в освоении грамоты родного языка [там же: 115, 124]. Установленный порядок в отношении языка обучения даже закреплялся утвержденными наместником Михаилом Николаевичем в 1863 г. «Правилами о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [там же: 118]).

В светской же школе, на основании «Положения о начальных народных училищах» 1864 г., русский язык объявлялся единственным языком преподавания предметов, включенных в обязательный курс (Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, арифметика, церковное

пение – «там, где преподавание его будет возможно») [ПСЗ-II, XXXIX, 41068: 614]. На этапе подготовки Положения, впрочем, обсуждались и иные варианты организации образовательного процесса, где отразились отзвуки регионалистского подхода к начальному обучению. В числе общих принципов, на которых, согласно проекту, должно было основываться Положение, значились: разделение училищ на нормальные, учреждаемые МНП, и начальные, учреждаемые обществами и частными лицами; необязательность преподавания, предоставляемого выбору обществ и частных лиц; а для того, «чтобы не внушить населению отвращения к школе, являющейся проводником русского влияния», разрешалось обучение на «местном наречии» с последующим переводом его на русский язык. В устройстве и учебных программах начальных училищ предполагались отступления, вызванные местными условиями [Исторический обзор 1902: 446, 448]. Однако при рассмотрении проекта Положения о начальных народных училищах в Государственном совете из него были изъяты статьи, допускающие отступления от общих училищных программ сообразно местной специфике, в том числе и те, которые касались языка обучения, «так как правительство должно озабочиваться развитием общей русской грамотности, а не местных наречий» [там же: 450].

В продолжение принятого курса по инициативе наместника Михаила Николаевича в 1867 г. утверждается особое «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом», закрепившее принципы унификации школьного дела на Кавказе и в других частях империи [ПСЗ-II, XLII, 44748]. Впрочем, Положение допускало некоторые компромиссы относительно русского и местных («природных») языков: увеличение количества учебных часов, отведенных на преподавание русского языка, некоторым образом компенсировалось разрешением преподавания местных языков, включенных в учебный курс в качестве предмета обучения в начальных училищах. А со времени введения Правил о применении к учебным заведениям Кавказского учебно-

го округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения (1874) на низшие казенные, общественные и частные учебные заведения (не исключая и приходские школы иноверческих вероисповеданий) был распространен общий закон относительно обязательности преподавания во всех учебных заведениях Кавказа всех предметов на русском языке, а также русской истории и географии на русском же языке в тех из них, где эти предметы были предусмотрены образовательными программами (см.: [ПСЗ-II, XLVIII, 52808]).

В соответствии с правительственным курсом на унификацию учебного процесса на всех его уровнях, включая низшие, была переориентирована и образовательная деятельность приходских школ духовного ведомства. Утвержденные тем же Михаилом Николаевичем в конце 1874 г. новые «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» в качестве одной из основных задач начального образования прямо называли распространение русского языка [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 134]. Русский язык вводился в учебную программу приходской школы уже на первом году обучения (начиная со второго полугодия), а со следующего года весь образовательный цикл основывался исключительно на русском языке, родной же язык переходил в разряд учебных дисциплин [НА СОИГСИ. Ф. 10, оп. 1, д. 70, л. 5]. Этим актом школьное дело на северокавказской окраине как бы сближалось с образовательным курсом, разработанным для российской школы, что должно было способствовать распространению в местной среде «выработавшейся по европейскому образцу гражданственности, так как вследствие сложившихся исторических обстоятельств эти народы должны идти с русскими людьми, оставив в стороне свою жалкую особенность» [там же: л. 2].

Издание в 1897 г. Министерством народного просвещения примерных программ дисциплин, преподаваемых в начальных училищах, окончательно подтвердило позиции русского языка

как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях [Исторический обзор 1902: 658]²⁵.

Местный язык оставался лишь предметом изучения и в духовных училищах (например, Ардонском Александровском духовном училище, созданном в 1887 г. [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 244-246; Всеподданнейший отчет 1889: 204-207], в середине 1890-х гг. преобразованном в Ардонскую миссионерскую духовную семинарию), где готовились приходские священники и учителя для церковно-приходских школ. В целом же, судя по отчету попечителя Кавказского учебного округа за 1903 г., из 2086 начальных школ в 1928 школах (92,3%) языком преподавания служил русский язык, и лишь в 158 школах родной язык допускался в помощь при освоении русского языка [Миропиев 1905: 225-226].

Нельзя сказать, что в администрации Кавказского учебного округа не понимали всех сложностей, связанных с обучением горских детей на русском языке, для которых он являлся иностранным. Там признавали, что «задача школ в Осетии в высшей степени трудна и требует особенно правильных отношений к школе» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 140]. Эта практика наряду с сокращением или даже полной отменой прежних льгот для горцев, отсылающих детей в учебные заведения следующей ступени для продолжения образования,

²⁵ Однако незавершенность образовательных реформ начала 1870-х гг., осуществленных Министерством народного просвещения, создала условия для довольно противоречивой ситуации. С одной стороны, в образовательной практике, даже на начальных ступенях системы народного просвещения – в одноклассных и двухклассных народных училищах, – проводился жесткий курс на унификацию образовательного процесса, с другой же – разнообразие местных условий, отсутствие традиции начального обучения не позволили распространить училищные программы сразу на все учебные заведения. Поэтому одновременно с училищами, где образование велось на государственном языке, действовали и те (примерно 21% от общего числа начальных училищ), где языком преподавания значился еще и местный язык [Исторический обзор 1902: 655, 658].

к концу 1870-х гг. заметно ослабила степень увлеченности школой местных крестьян. Инспектор училищ Общества восстановления православного христианства на Кавказе С. Стрелецкий сетовал, что осетинское население «стало смотреть на обязанность учить своих детей как на повинность, с тою только разницею, что приученное к тому, чтобы местная администрация вела его к исполнению всех повинностей и не видя, чтобы обучение детей вменялось ему в обязанность, оно стало смотреть на это обучение как на какую-то непризнанную законом повинность и исполняло ее прямо пропорционально тому, насколько оно испытывало в этом отношении давление местной власти, то отдавая детей в школы, то разбирая их из нее немедленно, как только видело, что оно может сделать это безнаказанно» [там же: 139-140]. Чтобы предупредить самовольный уход учеников из школы до окончания курса, инспекция с 1874 г. ввела практику составления общественных приговоров, которые выносились на общем сельском сходе. Подобными приговорами фиксировался принцип обязательности обучения, а в качестве санкции за их неисполнение назначался штраф в пользу школы. Любопытно, что аналогичная мера была введена и в российских школах, но годом позже, чем в Осетии [там же: 141].

Определенность относительно позиций русского языка в кавказкой начальной школе оставила регион вне полемики, разгоревшейся в 70-80-х гг. о путях начального образования «инородцев», и здесь не были введены правила 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», что мотивировалось не только полиэтничным и поликонфессиональным составом населения региона, но, главным образом, общегосударственными интересами, не допускающими «нежелательное усиление племенных и религиозных различий» в случае национализации начальной школы [Миропиев 1905: 227, 230]. В этом контексте учреждение сети начальных школ с передачей им «материнских» функций родного языка и поддержкой в образовательном процессе конфессиональных предпочтений, на чем настаивала зарождающаяся национальная интеллигенция, не

сняло вопроса об угрозе стабильности основ государственного «единства», чреватой сепаратистскими устремлениями, обострившимися на Кавказе на рубеже XIX-XX в. (см. подробнее: [Матвеев 2012: 333-335]).

Между тем, несмотря на, казалось бы, искусственное насаждение в кавказской начальной школе русского языка, самим населением этот процесс воспринимался с практической точки зрения. Уже к 90-м гг. XIX в. в местной среде оформился мощный социальный запрос на образование и, соответственно, освоение русского языка. Помимо того, что образование (даже в том минимальном объеме, который предлагали церковно-приходские школы ОВПХ), становилось надежным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, выводя общинника за пределы традиционности и открывая возможности для интеграции в иную цивилизацию, вполне реальными становились карьерные перспективы и на локальном уровне. Знание русской грамоты не только значительно поднимало общественный вес общинника в глазах односельчан – владея русским языком, рядовой горец мог повисить и собственный социальный статус, заняв место в сельской администрации либо став учителем, дьяком или даже священником [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 139, 140]. Вот почему сами жители нередко изъявляли желание, «чтобы в их селение был назначен непременно русский учитель», мотивируя это тем, что в таком случае «их дети скорее научатся русскому языку» [Отчет начальника Терской области 1914: 112], и в действительности в подобных обстоятельствах русский язык усваивался лучше, что было «весьма ценимо горцами» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 179]. Мотивация к усвоению русского языка и вообще к образованию подпитывалась еще и льготами, поначалу предоставляемыми тем местным уроженцам, кто отправлял своих детей получать дальнейшее образование: к примеру, семьи, отсылавшие детей в высшие духовные училища, освобождались от всех общественных повинностей [там же: 81-82].

Вместе с тем русский язык служил (и воспринимался таковым!) не только языком государственным, но также и языком межэтнического общения, посредником в межкультурной коммуникации. Наиболее выраженной эта языковая функция оказалась в равнинных поселениях, соседствующих с казачьими станицами и городами. Здесь активно шло не просто заимствование, но усвоение новых образцов организации жизни и связанных с ними ценностей, вовлекающих человека в круг современных отношений и значительно расширяющих сеть его социальных связей в лоне иной культуры (см. например: [Ардасенов. 1896; Канукова 2013; Канукова, Гутиева, 2013 и др.]). Особое стремление к усвоению русского языка выказывало население Осетии, большая часть которого охотно отдавала своих детей «в станицы казакам для обучения русской грамоте... Ныне не редкость встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого», – рапортовал начальник Владикавказского округа областному начальству еще в 1868 г., что давало ему основания требовать начинать обучение в осетинских школах «прямо с русского языка» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 129]. Показателен в этом отношении пример Алагирской школы, куда, по настоятельной просьбе алагирского волостного старшины, были определены учениками и дети соседнего Салугардана. «Соединение в одной школе осетинских мальчиков с русскими, – убеждал старшина, – имеет важное значение в том отношении, что первые скорее могут усвоить русский язык, а чрез [это] изучение грамоты делается для всех несравненно легче, чем теперь, и наконец, между туземцами и русскими воспитанниками незаметно будет развиваться дружба, под влиянием которой молодое поколение туземцев постепенно будет приготавливаться к слиянию в один русский народ» [НА СОИГСИ. Ф. 10, оп. 1, д. 70, л. 24-25].

Нередки были и случаи, когда осетины и ингуши отдавали своих детей в услужение городским жителям без всякой платы,

но с единственным условием – выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 38]. И уже к середине 1890-х гг. XIX в. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметев в своей Всеподданнейшей записке не без гордости отмечал, что успехи его предшественников на поприще гражданского управления краем, следовавших «высочайшим предначертаниям в отношении этой окраины, – в установлении полного слияния ее с остальными частями нашего обширного отечества», были столь внушительными, что большая часть Северного Кавказа стала мало чем отличаться от многих коренных частей империи благодаря «преобладанию русской народности» и «значительному сравнительно распространению русского языка среди племен, населяющих Кавказ» [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 1, кн. 2, д. 3132, л. 1-1об.].

Наконец, высокий спрос на образование, сформировавшийся на Центральном Кавказе, ставил проблему учительских кадров, нехватка которых для кавказской школы имела хронический характер. Еще в начале 1860-х гг. «Журнал Министерства народного просвещения» с сожалением отмечал недостаток учителей, «да таких учителей, которые бы вносили в народ не одно знание грамоты, но умственное образование, христианский характер, и те гражданские правила жизни, на которых покоится благоденствие государства» [ЖМНП 1861: 10]. Помимо этого, задачи скорейшего мирного освоения края, выступившие на первый план после окончания Кавказской войны и последовавшего затем административного переустройства Северного Кавказа, актуализировали теперь и проблему формирования слоя управленческой бюрократии. Школа, по мысли реформаторов, должна была сыграть важную роль в подготовке местных управленческих кадров, которые могли бы помочь культурному слиянию кавказских окраин с российской метрополией [Бзаров 2005: 33].

Частичное разрешение проблемы учительских и административных кадров в пореформенный период связывалось с

«Положением о Кавказских воспитанниках в высших и специальных учебных заведениях Империи» (1868) [ПСЗ-II, XLVIII, 46454], разработанном в целях «снабжения края специалистами по некоторым отраслям администрации и деятельности общественной и промышленной» [там же: 404]. На «местах» подготовкой учительских кадров для начальной школы занималось Общество восстановления православного христианства на Кавказе, в ведении которого находилось Владикавказское духовное училище (1836-1863). Кроме его выпускников учительствовали также те, кто окончил организованные с 1868 г. годичные курсы при Александровской учительской школе в Тифлисе (1866) и Владикавказский осетинский женский приют имени княгини Ольги Федоровны. Воспитанники этих учебных заведений пополняли когорту учителей в начальных школах. Их подготовка, однако, оставляла желать лучшего, поскольку сами эти учебные заведения не давали специального образования, пригодного для педагогической деятельности. К тому же, «Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» 1874 г. разрешалось учительствовать в приходских школах только выпускникам учительских семинарий и учительских институтов [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 137], т. е. людям с педагогическим образованием.

В Кавказском учебном округе существовало несколько специальных учебных заведений, занимавшихся подготовкой учителей для начальной школы. Одно из них – старейший в империи Александровский учительский институт, преобразованный из Александровской учительской школы в Тифлисе в 1872 г. Кроме него, действовали также Тифлисская семинария, через которую прошли все представители осетинского духовенства (см.: [Гостиева 2014]), и Кубанская учительская семинария, которая уже в начале 1870-х гг. «стала переполняться стипендиатами сельских и станичных обществ» [Модзалевский 1880: 71]. В 1876 г. открылась Закавказская учительская семинария в г. Гори.

Однако на практике в начальную школу для горцев шли далеко не самые подготовленные выпускники этих учебных заведений. К примеру, на 1 января 1877 г. в составе учителей осетинских приходских школ было 22 человека (из них 8 женщин), среди которых 12 человек окончили годичные курсы при Тифлисской Александровской учительской школе, 8 – Осетинский женский приют во Владикавказе и 2 человека окончили двухклассную школу [Габеев 1942: 16].

Не оправдало ожиданий и открытое в 1887 г. Ардонское Александровское осетинское духовное училище, целью которого объявлялась подготовка священнослужителей в осетинские приходы и учителей в осетинские церковно-приходские школы ведомства ОВПХ [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 237]. Училище сделало всего два выпуска (15 и 19 человек), и из всех его воспитанников лишь пятеро посвятили себя служению церкви. Реорганизация в 1895-1896 уч. г. духовного училища в Александровскую миссионерскую духовную семинарию [ПСЗ-III, XV, 11999: 539-541] несколько ослабила остроту проблемы педагогических кадров для осетинских церковно-приходских школ, но не устранила ее: семинария могла принять не более 150 воспитанников, а ежегодный выпуск составлял не более 15 учеников [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 164].

Даже в совокупности, все эти учебные заведения не отвечали реальным потребностям в количественном и качественном составе учителей. И спустя почти столетия в администрации Терской области с прежним сожалением констатировали, что «среди туземцев почти совсем нет учителей. Приходится назначать в туземные училища русских учителей и учительниц, которые начинают преподавание прямо на государственном языке. Те же немногие из туземцев, которые получили учительское звание, неохотно идут в туземные училища и предпочитают добиваться мест в русских, преимущественно станичных училищах» [Отчет начальника Терской области 1914: 112].

Предпринятое со времени учреждения Терской области относительное расширение сети начальных образовательных учреждений с программами, отвечающими русификаторским устремлениям правительства, одновременно удовлетворяло (хотя и в значительно меньшем, чем требовалось, объеме) образовательным запросам самого населения. В то же время отчеты начальника Терской области С.В. Каханова из года в год информировали о нехватке начальных школ для горского крестьянства. Еще в 1894 г. он писал, что «потребность местного населения в образовании удовлетворяется не так полно, как бы то было желательно... особенно же сильный недостаток в образовательных средствах ощущается по отношению к туземному населению области, которое до сих пор стоит на весьма низкой ступени культурного развития и потому наиболее нуждается в образовании. Из всего числа низших учебных заведений, существующих в туземных селениях и специально для обучения детей туземцев, насчитывается всего 30, из коих 24 заведения на 1921 учащегося содержатся на средства общества восстановления православного христианства на Кавказе и только 6 заведений на 458 учащихся открыты для детей туземцев остальных племен: кабардинцев, чеченцев, ингушей, кумыков и разных татарских и горских народностей, численность коих в общей сложности простирается до 421128 душ обоого пола» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1895: 58].

В стремлении к образованию обычным людям по большому счету было все равно, казенная («министерская») будет их сельская школа или церковно-приходская. Да и по уровню образования церковно-приходские школы ОВПХ и низшие одноклассные училища Терской дирекции народных училищ не слишком различались, давая лишь элементарные знания. Их объем определялся Положением о начальных народных училищах 1874 г., которое рекомендовало перечень преподаваемых дисциплин (закон божий, чтение по книгам гражданской и церковной печат-

ти, письмо и четыре действия арифметики). Языком преподавания, разумеется, являлся русский.

Но объективные сложности с финансированием министерских школ вели к тому, что основными очагами просвещения в сельской среде оставались все же школы церковно-приходские. Вместе с тем, признавая приоритет Св. Синода в сфере начального образования, правительство мало содействовало и их развитию, предоставляя это дело духовному ведомству. Само же оно стремилось к расширению миссионерской деятельности, которая осуществлялась главным образом через церковно-приходские школы. «Если церковная школа имеет просветительское значение среди русских, то среди туземцев – это миссионерский стан, откуда единственно, можно сказать, распространяется свет веры Христовой, и в то же время школы в ауле единственное просветительное учреждение, откуда распространяется широкое знакомство с русской речью и влияние на улучшение нравов, – писали в 1898 г. в училищный совет при Св. Синоде из Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета. – Открытие министерских школ в Осетии прямо не желательно, ибо таковые школы обещают насадить прямо рационализм, далекий от христианского влияния, что имеет благоприятную почву у осетин и отчасти готовые семена от лиц, получивших образование в светских учебных заведениях... министерская школа в Осетии будет парализовать миссионерское дело» [НА СОИГСИ. Ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 29-30].

Кроме того, личное внимание высшей администрации края к народным школам поощряло местные сообщества к устройству новых училищ. Частым явлением общественной жизни горцев стали выносимые на сельских сходах общественные приговоры об открытии церковно-приходских школ, для которых население с готовностью жертвовало всем самым необходимым. Так, в рапорте инспектора школ ОВПХ архимандрита Леонида за 1893 г. говорилось о готовности жителей горного и малодоступного Стыр-Дигорского прихода Северной Осетии устроить

у себя церковно-приходскую школу, построить для нее на свои средства «приличное помещение» и самим обеспечить половинную часть жалованья учителю в размере 150 руб. в год. Архимандрит считал, что это желание общества нужно встретить «очень сочувственно», поскольку ввиду полной безграмотности местного населения здесь «начинает свивать широкое гнездо» мусульманство [НА СОИГСИ. Ф. 10, оп. 1, д. 74, л. 1]. По этой же причине положительно было воспринято и желание жителей Санибанского общества устроить у себя церковно-приходскую школу и на свои средства выстроить для нее помещение, о чем в 1898 г. был составлен общественный приговор [там же, д. 7, л. 55-56].

В отчете Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета за 1897-98 уч. г. особо отмечено «сочувственное», «желательное и приятное» отношение населения к церковно-приходским школам. «Сельские общества, при всей своей нередко крайней бедности, сами на свой счет без всяких пожертвований и помощи со стороны строят удобные помещения для школы и учителей, дают отопление и ремонт всему помещению, дают жалованье по 300 руб. в год учителям и потом внимательно относятся ко всему школьному делу, – писал Косьма Токаев, наблюдатель над церковно-приходскими школами Осетии. – Сами просят и молят, чтобы открыли у них хотя какую-нибудь школу и каких нередко трудов стоит горцам построить школьное здание, по пешеходной тропинке приходится перевозить волоком или на своих плечах перетаскивать всякое бревнышко через горы и скалы издалека. И они при всех этих трудностях стараются устроить у себя школы, гораздо более ревнуя о школьном просвещении, чем соседи их русские казаки, живущие в гораздо более выгодных условиях...» [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 163-164]

Понимая практический интерес местного населения к школе и подразумевая при этом, что «народная школа, приспособленная к характеру и потребностям населения, является одним из

могущественнейших орудий культуры и водворения гражданственности» [Всеподданнейший отчет начальника Терской области 1894: 58], администрация Терской области полагала, что этот интерес нужно поддерживать всеми имеющимися средствами и способствовать открытию возможно большего числа школ, ограничиваясь на первое время самыми необходимыми требованиями.

Растущие потребности горцев в образовании нашли отклик и у высшего кавказского начальства: программа «умиротворительной политики» наместника Воронцова-Дашкова уже содержала четко сформулированный план по организации народного образования в крае на всех его уровнях, включая высшее образование [Всеподданнейшая записка 1907: 113-120].

Рост числа начальных образовательных учреждений в Терской области к концу первого десятилетия XX в. интерпретировался местной администрацией как показатель «особого подъема и запроса на начальное образование». «Казенные ассигнования преимущественно направлялись на туземные селения, – отмечено в отчете начальника Терской области за 1913 г. – Большинство вновь открытых школ принадлежит этим селениям, именно: среди кабардинцев открыто 22 школы, осетин – 17 школ, ингушей – 15, чеченцев – 35, всего 89 школ. Отчетный год должен быть отмечен как показание особого подъема и запроса на начальное образование. Просьбы и ходатайства об открытии школ получались в дирекции со всех сторон, в том числе и от туземного населения. На первом месте в этом отношении стоят чеченцы и кабардинцы и затем осетины и ингуши. И только недостаточное ассигнование средств из государственного казначейства обуславливает малую возможность полного удовлетворения этих ходатайств» [Отчет начальника Терской области 1914: 111-112].

Тем не менее, несмотря на в целом низкий уровень образования в Терской области, совершенно неудовлетворительную материальную базу учебного дела, тяга к просвещению, а через

него – к иной культуре, стала одной из существенных особенностей, характеризующих социокультурную ситуацию на Центральном Кавказе в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, анализ образовательной политики на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., приводит к следующим основным выводам. Прежде всего, оценивая сложившуюся в сфере образования в начале XX в. ситуацию в целом, следует, пожалуй, обратить внимание на ее неоднозначность. С одной стороны, образовательная практика правительства в регионе всегда имела определенный политический подтекст, будучи ориентирована на культурно-языковую ассимиляцию местного населения. «Раз вступив на путь духовного объединения Кавказа с Империей, – подчеркивали в инспекции Кавказского учебного округа, – Кавказское высшее начальство должно было неуклонно следовать по тому же пути образования юношества, на который указывала ему Высочайшая воля, тем более, что и сами туземные, в особенности же христианские населения края, благодаря сокращению времени и пространства, прежде столь резко отделявших их от общего отечества, все более и более примыкали к государственной, экономической и духовной его жизни» [Модзалевский 1880: 69]. Но с другой стороны, откровенные русификаторские установки, задающие тон и направленность учебному делу на Кавказе в целом и Центральном Кавказе в частности, парадоксальным образом способствовали консолидации национальной интеллигенции и кристаллизации в общественном сознании, выразителем которого являлись ее лучшие представители, идеи национального языка как центрального ядра национальной культуры и понимания необходимости повышения общественного статуса родного языка (см.: например: [Дзасохов 1934; Всеподданнейшая записка 1907: 107-108]). Наиболее зримых результатов на этом пути добилась Осетия, и исследователи отмечают по этому поводу: «Поворот традиционного общества к просвещению, специализация отдельных сфер культурной деятельности, появление

профессиональной литературы и искусства – все это происходило на фоне национальной консолидации и осознания национальных интересов. Именно в этом историческом и культурном контексте протекала деятельность и формировалась мотивация осетинских просветителей середины XIX в.» [Бзаров 2005: 36]. Сформулированные ими задачи поддержки родного языка (см., например: [Петиция 1934]) получили частичное разрешение на волне общей переориентации управления регионом в сторону регионализации (после учреждения в 1905 г. Кавказского наместничества), что сказалась и на принципах организации преподавания в местных школах [Всеподданнейшая записка 1907: 106-107], в программу которых осетинский язык был введен в качестве обязательного [Материалы по истории осетинского народа 1942 б: 175-177].

Вместе с тем, можно с уверенностью говорить об успешности русификации, состоявшейся не столько благодаря целенаправленным действиям соответствующих официальных ведомств и учреждаемых ими образовательных институтов, сколько ввиду отсутствия на тот момент реальных условий и механизмов повышения статуса родного языка, его утверждения во всех сферах общественной жизни наравне с общегосударственным. Нехватка учебников, квалифицированных педагогических кадров для начальной школы, разнообразной и доступной литературы на родном языке, весьма ограниченная сфера его бытования и, наконец, главное – отсутствие государственной поддержки объективно законсервировали положение национального языка в качестве вспомогательного, обеспечивая русскому языку широкое проникновение в местную среду и формируя в ней настоятельную потребность в его изучении.

В числе факторов, предопределивших инструментальный характер мотивации к усвоению русского языка, можно выделить следующие. Прежде всего, русский язык являлся языком власти, и овладение им значительно повышало социальный статус человека в его макро- и микросоциуме; знание русско-

го языка открывало для горца перспективы выхода за пределы традиционности и освоения намного более широкого социального пространства. Новый социальный контекст, в котором оказывались местные традиционные общества, обеспечивал русскому языку функции посредника в межэтническом взаимодействии и межкультурной коммуникации. Наконец, отмечаемое среди горцев (и в особенности осетин) стремление к освоению русского языка являлось адаптивной реакцией на новые и всегда острые социальные вызовы, смягчающей чувство психологического дискомфорта, неизбежного в условиях давления государства и его основных институтов на традиционную повседневность. Иначе говоря, позитивные мотивации к усвоению русского языка стали своего рода бесконфликтной альтернативой «административной русификации» в условиях унифицирующего пресса государственности.

«Русифицирующий» потенциал колонизации

В активной правительственной политике «обрусения» кавказской окраины действия административно-правового характера в течение всего периода проникновения империи в регион тесно переплетались с мероприятиями по колонизации здешних территорий, результатом которых стало не только хозяйственное освоение мигрантами местных земельных угодий, но и изменение его социально-демографического фона. Со строительством укрепленной линии у правительства Екатерины II появилась прямая заинтересованность в колонизации Кавказа русским населением, что должно было послужить «достаточным основанием к будущему гражданскому развитию» края [Потто II: 148]. Поощряемая правительством широкая колонизация региона (см., например: [РГИА. Ф. 379. оп. 1, д. 162, л. 7]) вела к появлению здесь, вслед за казаками, русского населения, переселявшегося из Центральной России [Потто II: 147]; российская дворянская элита получила новые поместья; терское, гребенское, а затем и кубанское казачьи войска, «как сословия служилые», составляли уже «передовой форпост» на южнороссийских рубежах [Потто I: 22; II: 147]. За двадцать лет (с 1785 по 1804 гг.) помещикам из центральных российских губерний было роздано 160 тыс. десятин плодородных предкавказских земель [Фадеев 1957: 33]. Хотя первая волна колонизации Северного Кавказа силами крепостного российского крестьянства не привела к демографическим и экономическим подвижкам (крупные имения разорились, а большинство переселенцев вернулось назад), государство, запустив механизм внутренней колонизации в кавказском направлении, явно обозначило стремление укрепиться на далекой окраине, включив ее территорию во внутренние российские пределы как в административном, так и в социокультурном отношении. И если первое могло быть осуществлено в ходе официальных правительственных мероприятий, опирающихся на соответствующую законодательно-правовую базу (т. е. путем собственно колонизации, в основе которой

лежат прежде всего политические интересы государства), то второе требовало не только иных подходов (более гибких и одновременно более разнообразных, «цивилизационных» — как их определял наместник Михаил Николаевич [Главнейшие мероприятия 1878: 3]), но и времени (что в позднеимперском дискурсе трактовалось в терминах «русификации»)²⁶.

В целом в дореформенный период в общем потоке колонистов заметно преобладало военно-казачье сословие, поселявшееся на плоскостных землях Предкавказья (см., например, Положение Комитета министров «О наделении землями казаков, на Кавказской линии поселенных» от 11 декабря 1823 г. [ПСЗ-I, XXXVIII, 29682: 1301-1307]). Однако, несмотря на традиционное предпочтение казаков в качестве переселенцев, «Положением о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», принятым 10 мая 1862 г. [ПСЗ-II, XXXVII, 38256: 406-425], правительство открывало путь и для заселения территории, правда, пока только одного из субрегионов Кавказа, государственными крестьянами. Новый закон от 29 апреля 1868 г., дающий «русским подданным не войскового сословия» право «во всех без изъятия казачьих войсках... приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства,

²⁶ Отметим, что нередко понятие «колонизация» смешивалось с понятием «переселение», хотя и то, и другое имело самостоятельный социальный смысл: переселение происходило в силу собственного миграционного потенциала у населения, стремившегося таким образом решить свои частные проблемы; колонизация же в большой степени связывалась с искусственным регулированием миграционных потоков в целях удержания завоеванных территорий и расширения государственного пространства. Однако военно-политические задачи на окраинах империи и выселение из Европейской России малоземельных крестьян, чтобы заселить «окраинные пустыри», привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением» [Ремнев, Суворова 2008: 133].

ни городского или станичного общества» [ПСЗ-II, XLIII, 45785: 473-474], открыл широкую дорогу крестьянскому переселенческому движению. И уже с конца 60-х гг. XIX в. военно-казачья колонизация Северного Кавказа стала сочетаться с крестьянской, чему в большой степени способствовала государственная политика, нацеленная на скорейшее заселение края «русским народным элементом» после окончания Кавказской войны. Кроме того, проведение в 1861 г. крестьянской реформы создавало для освободившихся от крепостной зависимости крестьян перспективы для своего земельного устройства, мотивируя их миграционные устремления. Предполагаемый «русифицирующий» потенциал переселенцев из российской глубинки должен был не только «усилить» русскую составляющую в населении края, но и, как считалось администрацией, оказать «немаловажное нравственное воздействие» на местных жителей. Соответственно поставленной задаче законы и положения о переселении на Кавказ русских поселенцев из центральных губерний страны, принимаемые уже в 80-90-х гг., имели целью «укрепить» русское население региона.

Официальное разрешение крестьянской колонизации сказалось на ее темпах, и в течение 60-х гг. число иногородних (т.е. лиц, не принадлежавших к казачьему сословию и проживавших на войсковой территории) в Кубанской области увеличилось в четыре раза, составляя 5,2% ее населения [Исмаил-Заде 1977: 327].

После военных сословий именно российское крестьянство (помимо горского населения Терской области), переселившееся в область из внутренних районов страны, занимало первое место по численности. Уже по данным 1873 г. процент русского населения по отношению ко всему населению Предкавказья (Северного Кавказа) составлял 68,6%, причем в Кубанской области и Ставропольской губернии русские, украинцы и белорусы составляли соответственно 86,9% и 77,4% [Исмаил-Заде 1977: 327]. В целом в течение «золотых» в истории земледельческой

колонизации Северного Кавказа 70-х гг. (см.: [Кабузан 1996: 93]), когда край превратился в ведущий заселяемый регион России, его население увеличивалось стремительными темпами: в этот период сюда в целом прибыло почти 350 тыс. мигрантов [там же: 96]. И уже к 1876 г. численность населения региона (за счет механического прироста) достигла уровня 1858 г., предшествовавшего массовому оттоку мусульманской части жителей края в Турцию [там же].

В первой половине 70-х гг. в Ставропольской губернии водворилось около 80 тыс. чел., в Терской области — 70 тыс. чел., в Кубанской же — 175,4 тыс. чел. В результате миграционных потоков из центральных районов России и ближайших регионов (Новороссии, Левобережной Украины) вырос удельный вес русского и украинского населения в общей массе населения северокавказского региона: доля русских в 70-90-е гг. увеличилась с 30,5 до 36,9%, украинцев — с 23,3 до 29,4% [там же: 100].

Судя по данным Кавказского статистического комитета, если только в Терской области в 1876 гг. население составляло 530980 чел., то к 1882 г. возросло уже до 606503 чел. Для Кубанской области, которая в то время была самым заселяемым регионом России, положительная динамика численности населения за счет механического прироста оказалась еще более выражена: 831740 чел. — в 1876 г., 1084531 чел. — в 1882 г.²⁷ При этом полученные комитетом данные даже считались заниженными по сравнению с действительностью [Числительность народонаселения: 99].

Средняя плотность населения в Терской области также была достаточно высокой — 563,97 чел. на 1 кв. милю или 9,9 жителей на 1 кв. км [Числительность народонаселения: 105, 106]. Но хотя представители статистического комитета и полагали приведенные цифры не столь высокими в сравнении с Европейской Рос-

²⁷ Показатели механического прироста населения заметно опережали цифры его естественного прироста (см. табл. 57-61 в кн.: [Кабузан 1996: 192-197]).

сией, особенности рельефа местности и недостаточность, особенно в нагорной полосе, пригодных для сельскохозяйственных нужд площадей и эти показатели делали довольно красноречивыми. Более того, как свидетельствовал еще в 1897 г. сам министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, «ознакомление с данными об имеющемся на Кавказе запасе казенных земель не оставляет сомнения в том, что губернии Кавказа не представляют условий, которые позволяли бы рассчитывать на широкое развитие в них русской колонизации, ибо не только сравнительная незначительность находящихся здесь земель, но свойства последних устраняют предположения о направлении сюда усиленного переселенческого движения» [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 1-1об.]²⁸.

Тем не менее, вопрос об «усилении русского населения на Кавказе» был поставлен в ряд первоочередных государственных задач, а заселение его «русскими людьми» объявлялось «весьма желательным с точки зрения общих интересов государства» [там же, л. 1, 2об.]. МВД считало, что поставленная правительством задача «сводится не к открытию Кавказа для переселения, а к заселению лишь в пределах возможности

²⁸ Решительно протестовал против переселенческого движения А.М. Дондуков-Корсаков. Как наказной атаман Терского Казачьего войска, он ревниво оберегал не только самобытный уклад казачьих станиц, но и их экономическую самодостаточность. Однако закон 1868 г., позволяющий переселенцам устраиваться на территории казачьих юртов, угрожал земельному благополучию станичников. «Кзаки, — негодовал наказной атаман, — встретили в иногороднем элементе нового врага, мирным и легальным путем стремившегося вытеснить их самих из станиц и юрт» [Всеподданнейшая записка 1890: 55]. И уже 13 мая 1883 г. было обнародовано инициированное главноначальствующим высочайшее повеление о запрете казакам права продажи лицам невойскового сословия усадебных мест, домов и строений без согласия станичного общества или местного войскового начальства. Отдельные постановления терских властей 1894 и 1895 гг. лишали иногородних возможности приобретать недвижимость на казачьей территории [История Северо-Осетинской АССР 1987: 334].

свободных его земель русскими людьми. Настоящее положение Кавказа, являя с одной стороны недостаточную для столь богато одаренного от природы края густоту населения, а с другой — преобладание исключительно инородческого, и частью даже мало благонадежного населения... не может быть признано нормальным. Вместе с тем не подлежит сомнению, что изменение сего положения возможно и желательно только путем привлечения в край коренного русского населения, которое одно способно содействовать развитию названной окраины в направлении культурного сближения с остальными частями империи... При таких условиях... как бы ни был ограничен существующий на Кавказе запас свободных земель, его надлежит целесообразно использовать для водворения русского населения» [там же, л. 1 об.]. Заняться решением задач, связанных с переселением на Кавказ русских крестьян, настоятельно рекомендовалось местной администрации, возглавляемой главноначальствующим гражданской частью на Кавказе князем Г. С. Голицыным.

Усилившееся к концу столетия переселенческое движение на Северный Кавказ, в частности в Терскую область, вело к тому, что прибывавшие крестьяне «все более и более» заселяли «свободные земли во всех углах области, занимая как казенные, так и частновладельческие участки» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1895: 17]. В результате демографическая нагрузка на регион возрастала с каждым годом (см. табл. 4). Через 10 лет, к 1909 г., в областях Северного Кавказа, помимо местного населения, проживало уже более одного миллиона душ «иногородних» (называемых так по старинке, хотя еще в 1872 г. это понятие было заменено определением «лица невойскового сословия» [Исмаил-Заде 1977: 338]), ожидающих своего земельного устройства [Кавказ в 1909 году: 43]. На наличие «обширного контингента» «иногородних» в Кубанской и Терской областях обращал внимание в своей «Всеподданнейшей записке» И. И. Воронцов-Дашков, подчеркивая,

что из полутора миллионов иногородних один миллион проживает там на правах арендаторов, а 500 тыс. — в качестве «сельских работников» [Всеподданнейшая записка 1907: 76]. При этом лишь около 30 тыс. душ обоего пола, основав при помощи крестьянского банка на Северном Кавказе свыше 310 отдельных крестьянских товариществ («преимущественно из разряда «иногородних»»), образовали столько же селений на купленных землях [там же] — то есть могли считаться более или менее устроенными.

Таблица 4

Численность населения Терской области

	Округа Терской области				Владикавказский округ			
	1891 г.	1895 г.	1897 г.	1899 г.	1891 г.	1895 г.	1897 г.	1899 г.
Крестьяне	94294	25509	31654	42477	84760	1880	3424	3774
Горское сельское население		414190	421595	427932		85036	87905	91094

Примечание: Таблица составлена на основании ведомостей о народонаселении Терской области, представленных в отчетах начальника Терской области.

Аграрное перенаселение края привело к тому, что в начале XX в. из объекта колонизации Северный Кавказ превратился в регион, выбрасывающий значительное число мигрантов в Сибирь и Казахстан [Кабузан 1996: 102]. Впрочем, свою немаловажную роль в этом процессе сыграли также и факторы субъективного свойства, которым Воронцов-Дашков придавал не меньшее значение, чем недостаточности свободных для заселения площадей: «Главным основанием неудачного заселения следует считать полное отсутствие должного подбора предприимчивых переселенцев, устойчивых в новых непривычных условиях жизни, способных к занятию, кроме обычного хлебопашества, ценными культурами или промышленным скотоводством. В край прибывают преимущественно слабые экономически и духом семьи, не имеющие понятия ни о каком другом хозяйстве, кроме зернового, с которым свыклись на родине, и

вовсе не проявляющие стремления к приспособлению в новой обстановке. Словом, кавказское переселение пока привлекало лишь такой контингент выходцев из внутренних губерний, который и в других местах, напр., в Сибири, плохо осваивается и долго бродит прежде, чем крепко осесть в более подходящих к родным условиям» [Всеподданнейшая записка 1907: 72-73]. По его компетентному мнению, «бегству» из края «менее устойчивых и сильных духом новоселов» почти в такой же степени, как бездорожье и «вражда соседей», способствовали и климатические условия, непривычные и неблагоприятные и для людей, и для выращиваемого ими скота [там же: 74].

Чтобы сохранить Кавказ для русской колонизации, правительство вынуждено было отреагировать принятием ряда законодательных мер (в 1897, 1899, 1900 гг.), регулирующих переселенческое движение в регион и направленных на немедленное рассредоточение переселенцев Кавказского края в его менее заселенные районы (преимущественно Закавказье и Дагестанскую область), хотя мнение о необходимости и желательности заселения Кавказа «с точки зрения общих интересов государства» сохраняло свою особую актуальность в соответствующих ведомствах (см., например, переписку министра внутренних дел И. Л. Горемыкина с министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым: [Дякин 1998: 558-562]), привлекая внимание самого императора [там же: 567]. Возврат к ограничительному характеру переселенческой политики правительства на рубеже столетий сказался в разработке более жестких условий для переселения на Кавказ, определенных как истощением земельного фонда районов Предкавказья, так и переизбытком на Северном Кавказе, главным образом в Кубанской области, необустроенных безземельных иногородних. Вместе с тем, выработанные в свете новых тенденций временные правила, регулирующие переселенческое движение на Кавказ и составившие основу Положения Комитета министров о разрешении переселений

в Ставропольскую губернию и местности Северного Кавказа, утвержденного 15 апреля 1899 г., давали преимущества русским крестьянам исключительно православного исповедания, которым предоставлялся для заселения «весь свободный наличный запас казенной земли, не состоящей в отводе казенных крестьян», причем пригодность сдаваемых в аренду участков должна была определяться с учетом прежде всего интересов переселенцев и независимо от земельного положения «туземных поселян» [Исмаил-Заде 1997: 332-333]. Однако «полезными колонизаторами вновь заселяемых местностей» признавались далеко не все русские и православные: в силу вступили дополнительные условия, предписанные циркуляром главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 15 марта 1901 г., — имущественный ценз (приблизительно до 300 руб. на среднюю крестьянскую семью), опыт предшествующего самостоятельного ведения земледельческого хозяйства («хотя и на заарендованных землях»), а также достаточное количество рабочих рук [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 3, д. 63, л. 41об.-42].

К исходу XIX столетия темпы колонизации Северного Кавказа в целом понизились. Но сюда продолжали прибывать все новые переселенцы: с 1897 по 1916 гг. здесь осело 427 тыс. чел. В одной только Осетии примерно за тот же период (1897-1913 гг.) численность населения увеличилась на 76,5 тыс. чел. (38,7%), а плотность населения возросла с 24,7 до 34,3 чел./км² [Тавасиев 2014: 20]. В архивохранилищах есть любопытные свидетельства переселенческих настроений крестьян центральных российских губерний (к примеру, Екатеринославской, Смоленской и Воронежской), которые готовы были покинуть родные места ради неизведанной кавказской окраины в таком количестве, что «остающихся по выселении в их селениях душ оказалось бы меньше ревизских», либо изъявляли желание «уйти в составе всего своего небольшого общества» [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 123]. Подобные настроения поощрялись и местной администрацией, заинтересованной в единовременном выходе из ма-

лоземельных обществ возможно большего числа лиц, поскольку, согласно новому закону о переселении, оставшиеся после них надельные участки перераспределялись между наиболее нуждающимися односельчанами, а в случае выбытия целого общества освободившиеся земельные площади прирезались к смежным обществам либо служили основой для образования особых выселков из малоземельных близлежащих селений [там же, л. 123об.]. Так своеобразно решался земельный вопрос в Центральной России.

Администрация края была убеждена, что внимание к нуждам переселенцев и содействие местной власти к «водворению их в известной последовательности — так именно, чтобы целая сеть русских хуторов разъединяла сплошную массу инородческих поселений, — должны служить одним из лучших средств для упрочения в области русской культуры и гражданственности» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1892: 27], а поселение крестьян из внутренних российских губерний «крупными благоустроенными селами, с церквями, школами, торговлей и промышленностью, несомненно, ускорит умиротворение области» [Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1895: 17]. Кавказские власти были озабочены решением вопроса о предоставлении земель русским переселенцам исходя из того, что «переселенческое дело на Кавказе составляет неотложную потребность настоящего времени» [цит. по: Исмаил-Заде 1977: 332]. И даже то обстоятельство, что «в некоторых местностях Кавказского края, как, например, в Ставропольской губернии и Кубанской области, находится уже немалое число иногородних безземельных крестьян, подлежащих земельному устройству», считалось «благоприятным для скорого и успешного достижения вышеуказанной задачи», обязывая правительство «не отсрочивать разрешение вопроса о прочном устройстве быта означенной категории поселенцев, часть которых находится ныне в самом стеснительном положении» [ЦГИАГ. Ф. 12, оп. 3, т. д. 1, л. 1об.].

Одновременно с заселением региона «иностранцами» росло число безземельных крестьян, сопровождаемое уменьшением земельного надела на 1 м. душу. Так, на плоскости в 1892 г. в среднем на душу приходилось 5,1 дес. удобной земли и 5,4 дес. — неудобной, в то время как продовольственная норма, к примеру, для Осетии, составляла 11 дес. уд. земли на 1 м.д. [Тедтоев 1952: 36]. Но в 1906 г. эта доля составляла уже 4,5 десятины для осетин, 4,3 десятины — для ингушей, 5,1 — для чеченцев, для балкарских крестьян — в среднем 17,8 десятин, кабардинских — 6,2. Особенно остро земельный голод, от которого одинаково страдали все жители нагорной полосы Терской области, ощущался в сравнении с кажущейся обеспеченностью землей казаков, изначально наделявшихся повышенным в сравнении с окружающим населением земельным паем, который представлялся в качестве компенсации за их пожизненное военное обязательное положение. К примеру, казачество, составлявшее в первые годы XX в. около 20% населения Северного Кавказа, владело более чем половиной пахотных угодий, при этом на одну мужскую душу казака в том же 1906 г. приходилось 16,5 десятин удобной земли [Статистический обзор Терской области 1915: 19]. Но в действительности и казаки не владели достаточным земельным наделом, который бы удовлетворял установленной продовольственной норме — 50 десятин удобной земли на 1 м.д. [Мартirosiан 1925: 44-45]. Именно по этой причине казачьи станицы стали отказываться от приписки иностранцев, которые вынуждены были арендовать у станичников земли или идти к ним в наем.

В горной же полосе безземелье достигало еще больших масштабов: при существующей продовольственной норме в 50 десятин в Осетии, например, на 1 м.д. в среднем приходилось 0,4 дес. пахотной земли, 1,4 дес. покосной, 0,6 дес. леса и 4,1 дес. составляли выгоны и пастбища, т. е. в целом 6,5 десятин (!). В Ингушетии и Чечне земельный дефицит был еще более острым: там на 1 м.д. приходилось в целом по 5,8 и 5,2 десятины

соответственно. В горах из-за нехватки пригодных для ведения хозяйства земель, таким образом, могло прожить лишь 12% наличного населения, а остальные 88% были избыточными. В среднем же в начале XX в. 65% всех селений Терской области являлись малоземельными [Тедтоев 1952: 27, 28; Мартиросиан 1925: 48-49; Труды комиссии 1908: 97-100, 166]. Хроническое малоземелье наряду с перенаселением выталкивало часть жителей горной полосы в находящиеся в более благоприятных условиях плоскостные селения [Материалы по истории Осетии 1950: 37], где они оседали в качестве временнопроживающих. Небольшими семейными группами они приписывались в административно-полицейском отношении к определенному населенному пункту — чаще всего к тому, где жили их однофамильцы или бывшие односельчане. И уже к 1905 г., по сравнению с 80-ми гг. XIX в., число временнопроживающих в плоскостных селах почти удвоилось [Тедтоев 1952: 33] несмотря на политику сдерживания переселенческих устремлений местного населения, практиковавшуюся в пореформенные годы (с 16 января 1884 г. самовольное переселение из одного общества в другое было запрещено циркуляром начальника Терской области [Материалы по истории Осетии 1950: 27-28]).

Земельный дефицит и демографическая напряженность в горах сыграли свою определяющую роль в появлении на Владикавказской равнине новой социальной группы — временнопроживающих, проблема которых усугубилась к концу XIX — началу XX в.

Источники пополнения категории временнопроживающих были различны. Одни из них связываются с результатами крестьянской реформы, когда крестьяне по истечении срока их временнообязанного состояния приписывались к селам без наделения их земельным паем. Указываются также случаи кровной вражды, из-за которой целые фамилии вынуждены были менять место жительства. Были среди временно проживающих и те, кто, поддавшись мухаджирским настроениям, отбы-

ли в Османскую империю после окончания Кавказской войны, но не прижились там и пожелали вернуться обратно. Получив соответствующее разрешение, переселенцы возвращались, но уже без права пользования прежним земельным наделом. Не будучи приписанными к определенному обществу, новый земельный пай они не получали, что ставило их в положение временнопроживающих. В целом численность этой категории росла преимущественно за счет стихийных самовольных выселений из горных районов в относительно более благополучные в земельном отношении равнинные села. Но и там переселенцам закрепиться удавалось не всегда — сельские общества с неохотой давали им разрешение на подселение ввиду собственной недостаточной земельной обеспеченности, и часто такого рода дела вырастали в серьезные конфликты (см., например: [Материалы по истории Осетии 1950: 28-32]). Случалось даже, что уже осевших вблизи какого-либо плоскостного селения временнопроживающих выселяли «полицейскими мерами» в «места их коренного жительства» из-за крайне неприязненного к ним отношения со стороны соседей, поскольку «посторонние жители» частенько захватывали «не только свободную общественную землю, но даже землю, занятую проезжими дорогами, не обращая при этом внимания на воспрещение ни сельского старшины, ни сельского общества» [там же: 35-37].

Несмотря на ограничительные меры, уже к 1905 г., по сравнению с 80-ми гг. предыдущего столетия, число временнопроживающих в Терской области почти удвоилось [Тедтоев, 1952, с. 33].

Во многом появление этой категории было обусловлено встречей на Владикавказской равнине двух миграционных потоков: один был представлен местным горским населением, для которого переселение на равнину становилось вопросом выживания, другой — переселенцами из российских губерний. Интересы землеустройства последних превалировали над земельными проблемами самих горцев: несмотря на скудность

и недостаток пригодных для хозяйственного использования земельных площадей, у местного населения в пользу переселенцев из российских губерний изымались «свободные» с точки зрения властей земли (т.е. не находящиеся в общинном пользовании пастбищные, луговые и лесные угодья), обращенные в казенное ведомство согласно утвержденному 14 июня 1888 г. мнению Государственного совета [Труды комиссии 1908: 38]. Не удовлетворялись и просьбы выселенцев выдать им в пользование участки из т.н. казенных земель (см., например: [Материалы по истории Осетии 1950: 294-296]), поскольку преимущества в этом отношении предоставлялись русским переселенцам, и лишь в случае отсутствия таковых — безземельным горцам [ЦГА РСО-А. Ф. 168, оп. 1, д. 1, л. 16, 19].

Обстоятельства вынуждали горцев-переселенцев, не рассчитывавших на поддержку властей, искать средства для самостоятельного обеспечения себя землей на новых местах, и в складчину покупать или арендовать участки у кабардинских узденей (см.: [Цориева 2011: 140-142; ЦГА РСО-А. Ф. 11, оп. 7, д. 7, л. 5-боб.]). В конце XIX в. в Кабарде в пользовании осетинских поселенцев находилось уже до 38 тыс. десятин, на которых возникло более 30 селений осетин-дигорцев [Цориева 2011: 142].

Выступая в защиту своих владельческих прав на землю, горцы апеллировали к традиционной юридической практике, в соответствии с которой давность пользования землей обеспечивала и право владения, и, для большей убедительности, указывали на факты добровольности вхождения отдельных обществ в состав империи, что, по их мнению, гарантировало сохранение за ними в неизменном виде всего комплекса земельных прав. «Ознакомившись ближе с работами комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения... и с проектами землеустройства в Нагорной полосе, — писали в комиссию по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской

Области доверенные Мецхальского общества Ингушетии, — мы находим труды комиссии и ее проекты несоответствующими действительности и стоящими в противоречии с нашими интересами. Коренная ошибка, которую допустило большинство комиссии и благодаря которой ценность трудов ее сводится почти к нулю, заключается в признании всех земель, находящихся в фактическом обладании жителей Мецхальского Общества, принадлежащими в собственность казне и лишь в пользовании населения. Казалось бы, для разрешения предстоящего вопроса необходимо было бы историческое исследование его, что меньшинство комиссии и делает, между тем, как большинство прямо приступает к анализу фактического положения дела в настоящее время, почему и выводы этого большинства страдают самым существенным — необоснованностью. Нет разумных оснований отрицать право собственности населения на находившихся в их обладании земли до момента присоединения ингушевского племени к России; существование права собственности должно предполагаться, пока утверждение, отрицающее таковое, не будет с положительностью доказано. С момента присоединения может быть изменен законный титул, и где была собственность, так может быть оставлено лишь право пользования с перенесением первого на Государство (казну) присоединителя. Понятно, что права населения определяются законодательным актом о присоединении; и лучший способ разрешить возбужденный вопрос — обратиться к тому высочайшему Манифесту, коим провозглашалось присоединение. Этому комиссия не делает, а здравый смысл подсказывает, что если и при присоединении силою оружия за населением обычно сохраняются все их гражданские и имущественные права, то тем более это должно иметь место при добровольном присоединении. Ингуши не силою оружия присоединены, а добровольно отдались под власть России» [ЦГА РСО-А. Ф. 270, оп. 1, д. 22, л. 4-4об.].

Очевидно, что и переселенческая политика властей, и итоги проведенной в крае земельной реформы не могли не вызывать

недовольства в горской среде, следствием которого становились длительные конфликты как между самой администрацией и местными народами, так и спонтанные, но довольно острые межэтнические столкновения (см., например: [Джанаев 1998; Гатагова 2002]). Тот же Воронцов-Дашков, объясняя причины низкой эффективности переселенческой политики, подчеркивал, что «при образовании переселенческих участков на Кавказе большею частью совершенно не выяснились правовые и хозяйственные отношения к включаемым в них землям соседнего коренного, а местами и старожилото русского населения. Между тем во многих случаях земли эти оказываются, по заселении, необходимыми для поддержания хозяйства прежних пользователей. Отсюда, как ближайшее следствие, возникали сразу неприязненные отношения к новым поселениям аборигенов края, легко переходящие в открытые столкновения и препятствующие прочному устройству новоселов. В эту же категорию надо отнести случаи неудачного образования участков в хозяйственном отношении: без пахотных угодий, без удобных под усадьбы мест, из разных чересполосных участков и т.п.» [Всеподданнейшая записка 1907: 73].

Между тем, основания для будущих конфликтов были заложены еще в первой половине XIX в., когда не только плоскостные земли, находившиеся в хозяйственном обороте у местных народов, отводились под строительство укреплений Кавказской военной линии и передавались казачьим поселениям (см., например, [ПСЗ-I, XXXVIII, 29682]), система которых сформировалась уже к середине столетия, но и горные селения, расположенные в стратегически важных пунктах, расселялись, а на их месте устраивались военные посты (см., например: [Чудинов 1889: 110-111]). Еще в начале 30-х гг. XIX в. в Осетии вдоль линии Военно-Грузинской дороги были поселены сформированные в Малороссии конные полки [Пономарев 1904: 20-21], само присутствие которых в регионе, где только что после особых карательных операций генерала И. Н. Абхазова

была учреждена система приставского управления [АКАК, VII: 372-373], должно было служить весомым сдерживающим фактором. К тому же, при наличии здесь казачьих станиц отпадала необходимость в Донских казачьих полках, присылавшихся для охраны дороги и недешево обходившихся казне. Казаки — жители станиц обязывались также оказывать содействие и обеспечивать всем необходимым (провиантом, транспортными средствами) проезжающие по дороге команды [Пономарев 1904: 17]. Более того, тогда же, в 30-х гг. XIX в., в целях усиления линейных войск за счет казачьего сословия в него в массовом порядке переводились казенные крестьяне, что главноуправляющим Г. В. Розеном аргументировалось «слабым и ненадежным положением Кавказской линии со стороны неприязненных нам горских хищников...» [АКАК, VII: 826]. В начале 40-х гг. в казачьи станицы были преобразованы и военные поселения, сформированные на основании высочайше утвержденного Положения о военных поселениях на Кавказе от 10 октября 1837 г., цель учреждения которых заключалась, в числе прочего, в умножении «заслуженными воинами» «русского народонаселения на землях горских народов» [ПСЗ-II, XII, 10576: 770]. В ходе этих мероприятий велось активное перераспределение в пользу казачьих станиц части земель, уже занятых переселившимися (причем при правительственной поддержке) на равнину горцами. Так, к примеру, из кабардинских и осетинских земель для укрепления казачьих станиц 1-го Владикавказского казачьего полка в 1842 г. было отведено 81184 десятины, для чего с уже освоенного левобережья Терека предполагалось выселить до полутора десятков осетинских селений, где проживало более тысячи семей [Берозов 1980: 114]. Во избежание вооруженных выступлений со стороны местных жителей администрация не рискнула выселить их единовременно, и процесс этот растянулся более чем на двадцать лет.

Вряд ли подобные шаги кавказских властей предпринимались в интересах исключительно хозяйственно-экономическо-

го освоения здешних территорий, хотя военным начальством и уделялось особое внимание развитию в казачьих станицах земледелия: скудная обеспеченность новопоселенцев-казаков необходимыми орудиями труда, скотом, посевным материалом наряду с плохим качеством земли, неблагоприятными для ведения земледельческого хозяйства климатическими условиями, а главное — утерей навыков земледельческого труда за долгие годы службы делали казачьи хозяйства не просто нерентабельными, а убыточными. Но на фоне военных действий, ведущихся в годы Кавказской войны, чересполосное расселение казачьих станиц должно было отвечать задачам сугубо стратегического свойства, не столько способствуя «упрочению русской культуры и гражданственности», сколько обеспечивая контроль, во-первых, над коммуникациями, а во-вторых — над беспокойным населением, в лояльность которого сложно было поверить, и препятствуя контактам жителей равнинных сел с населением нагорной полосы.

И, разумеется, крепко устроенный «русский элемент» в новоприобретенной и недружелюбно расположенной окраине должен был служить надежной социальной опорой для государственных административных преобразований.

Со временем, в 1861-1880 гг., в Кубанской области было основано уже около 75 казачьих поселений, в Ставропольской губернии в 60-х гг. возникло 18 новых населенных пунктов, а в Терской области примерно за тот же период — 15 казачьих станиц [Кабузан 1996: 95-96].

Решение задач колонизации кавказских земель во многом связывалось с проведением в крае земельной реформы, предоставившей горцам, выселившимся на плоскость, землю на основе уравнительного распределения участков на праве общинного владения. Например, в Осетии «земля, распределяемая между аулами, отводится в общинное пользование каждого аула отдельно, но отнюдь не в пользование всего Тагаурского общества», — подчеркивал наместник Михаил Николаевич.

Уже к середине 1866 г. было закончено распределение земель между 10 селами плоскостной Тагаурии, где размер подворного надела составил 39 десятин. Равнинным дигорским и алагирским селам было определено около 24 десятин на двор, а «плоскостному населению Куртатинского общества, заключающему в себе 1146 душ мужского пола, определено предоставить, из числа занятых уже им земель, 14,520 десятин...» [Всеподданнейший отчет 1870: 21-22] Все распоряжения наместника, касавшиеся поземельных вопросов в равнинной части Осетии, были утверждены императором в ноябре 1867 г.

Особое значение для развития поземельных отношений в Терской и Кубанской областях имела передача в казну более 16212,21 десятины общинных пастбищ, принадлежавших участникам движения Шамиля и восстания 1877 г., в результате чего малоземельные сельские общины в горах вынуждены были арендовать земли не у частных владельцев, а у государства [Северный Кавказ 2007: 218].

В течение 60-х гг. наделение общин землей было в целом завершено, после чего начался медленный процесс размежевания, сопровождавшийся массовыми переселениями. Станицам Терского казачьего войска отошли земли Карабулакского участка Ингушевского округа, причем в возникавших при этом спорах горцев с казаками местная администрация в лице начальника Терской области Лорис-Меликова однозначно заявляла, что «отобрание земель от казаков или от казны не соответствует политическим взглядам правительства» [Максимов, Вертепов 1894: 45]. 50989 десятин горных пастбищ, конфискованных у чеченцев округа, также перешли в казну и передавались в пользование местного населения уже на условиях несения оброка. При размежевании в надел аульным обществам передавалась земля из расчета примерно по 33 десятины на дым. Запасные земли предоставлялись аулам не с учетом прироста населения (как это было у казаков), а для новых переселенцев [Северный Кавказ 2007: 219-220]. Свою роль в переселенческой политике

кавказской администрации играли и конфессиональные предпочтения. Так, Лорис-Меликов в своей записке о Терской области подчеркивал, что выселение семейств осетинской знати в Кубанскую область («особо от существующего недостатка земли для прочих жителей») «имеет главнейшею целью оставить в Осетинском округе, занимающем весьма важную для нас местность на Кавказе, население чисто христианское, тем более, что алдары, устраняя до сих пор последнее от прямого нашего влияния, одни только и получали все выгоды от посредничества, принятого ими на себя не только между нами и христианами округа, но и между местною властью и мусульманским населением всего чеченского населения. При осуществлении мысли переселения алдар, остающийся затем десяток семейств дигорских баделят не может быть нам вреден, а если бы и найдено было впоследствии необходимым, то не представится труда выселить их на условиях, предоставленных алдарам» [Материалы по истории осетинского народа 1942 а: 336].

Однако отсутствие внятной программы колонизации наряду с ощутимым малоземельем препятствовали скорой реализации правительственных планов. Более того, в результате переселенческой политики правительства к началу XX в. «земельный вопрос» в крае приобрел уже особенную остроту, став самостоятельным мощным конфликтогенным фактором, который, сопрягаясь и усиливаясь другими, обуславливал социально-политическую напряженность в регионе.

Но как бы то ни было, культуртрегерский потенциал русских переселенцев оказался в достаточной мере реализованным. Знакомство с новыми формами хозяйствования, приобщение к новой культуре производства-потребления, в конце концов, расширившееся географическое пространство обитания в связи с массовым переселением на равнинные земли заставляли горцев искать возможности удовлетворять «рождающиеся новые потребности», отделяя таким образом «факт от принципа, дело от убеждения» [Всепопданнейший отчет 1870: 117]. Особые

«успехи в смысле гражданственности» сделала Осетия, «усердно занявшаяся хозяйством... и многие плоскостные селения Тагаурии и Куртатии (осетинские общества. — *Е. К.*) поражают своим благосостоянием и порядком», — подчеркивали в региональной администрации [Всепопданнейшая записка 1890: 66]. Уже в 60-х гг. начальник Осетинского округа полковник Эглау в своем отчете с удовлетворением отмечал; «Вообще следует сказать, что Осетинский округ находится в самых благоприятных условиях к развитию; народ трудолюбив, покорен, стремится к улучшению своего быта и начинает сознавать необходимость образования» [ЦГА РСО-А. Ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 33-33об.].

Говоря о значении переселенческого движения на Кавказе в конце XIX — начале XX в., исследователи приходят к выводу о позитивных в целом его последствиях, главным из которых стало появление в крае переселенческой деревни, что привело к тесному переплетению судеб российского и местного крестьянства в хозяйственной, социально-экономической и политической сферах [Исмаил-Заде 1977: 335-336]. С притоком русского населения началась бурная капитализация экономики Северного Кавказа, а казачья колонизация «быстро сменилась широким потоком переселенцев, которые хозяйственно приобщали Предкавказье к пореформенной капиталистической России» [там же: 329].

Но социальный смысл колонизации как одной из составляющих политики «русификации» имел и еще одно важное изменение, о котором необходимо упомянуть в контексте данной проблемы. Колонизация как особый социально-политический феномен обеспечивала перспективу «двойного расширения» Российской империи за счет разрастания «имперского ядра» путем присоединения окраин не только в территориально-административном, но и в социально-культурном аспектах [Горизонтов 2001: 130]. Исследователи отмечают, что колонизация — «это в конечном счете попытка приведения мира в соответствие с тем идеалом, который присущ тому или иному народу. Причем

идеальные мотивы могут порой преобладать над всеми прочими — экономическими, военными и другими» [Лурье 1994: 56]. Несмотря на то, что русские переселенцы (как казаки, так и обычные крестьяне) «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями «цивилизаторской» миссии, ни миссионерами» [Брейфогл 2002: 185, 188], они призваны были стать важной «третьей силой» во взаимоотношениях власти и местных сообществ, которая бы придала процессу колонизации имперское измерение. Идеологическая подоплека колонизационных задач заключалась в формировании «большой русской нации» [Ремнев, Суворова 2008: 137] как политической целостности, идея которой, трактуемая правительственными идеологами как «национальная», в пореформенный период формулируется в виде нового правительственного курса на создание и поддержание «единства и неделимости» Российской империи с единым политическим ядром, окруженным окраинами (см., например: [Кэмпбелл (Воробьева) 2001]).

И если поначалу такой духовной составляющей имперского комплекса, который несли с собой колонисты, служила идея православия, выступающая формообразующей силой, то со временем ее практически подавила эволюционировавшая в политическую идеологему идея «гражданственности» как общая национальная идея, выступавшая обоснованием целостности государства, его «единства и неделимости».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пореформенный период в истории Осетии и Северного Кавказа в целом достаточно полно документирован и изучен. Интерес к событиям, происходившим в регионе в 70-е гг. XIX — начале XX в., объясняется прежде всего тем, что со времени проведения реформ на Северном Кавказе начался новый этап его политического, экономического и социокультурного развития, что сказалось на формах и способах традиционного жизнеустройства кавказских народов и выразилось в появлении новых социальных институтов. По большей части эти новации были инициированы самим государством, но возникали также и в ходе культурных контактов местного горского населения с переселенцами из внутренних российских губерний.

Социально-политические и экономические изменения в разных областях жизни края были обусловлены не только процессами интеграции его территории и населения в Российское государство, но и теми существенными трансформациями, которые происходили в самом государстве в ходе бурной капитализации его экономики и связанной с ней сфер государственной деятельности. Активное вовлечение Северного Кавказа в общероссийское политико-административное, хозяйственно-экономическое и социокультурное пространство отвечало важной политической задаче, которую ставило перед собой правительство со времен Екатерины II, — сохранение Кавказа в пределах России.

Однако в пореформенные годы социальный смысл проводившихся правительством мероприятий, согласуясь в целом с давно поставленной целью, приобрел уже иное звучание, отражая установку правительственных верхов на создание общегосударственного единства, преодолевающего социокультурную дробность империи, и формирование единой «общерусской народности» с доминирующими позициями русского (государственного) языка и институтов социальной организации среднерусского крестьянства.

Основные доминанты объединительной политики Петербурга ярче всего обозначились в административной практике, ориентированной на широкое распространение в местной среде как государственных административно-правовых учреждений, так и принципиально иных стратегий социально-экономического поведения и связанных с ними культурных ценностей. Административная деятельность «на местах» предполагала прежде всего переустройство местных общественных структур и стандартизацию организационных форм самоуправления. Стремление к универсализации заставляло правительство искать новые формы воздействия на северокавказский социум в хозяйственно-культурном и политико-правовом аспектах, что нередко вело к всплескам социальной и политической напряженности в регионе. Игнорирование веками сложившихся практик жизнеустройства и самоуправления, подмена базовых принципов патриархального общежития безличными формулами государственного порядка, выстраивание новой статусной иерархии, иными словами — вмешательство в «пространство национального духа с его традициями и обычаями» [Гатагова 2002: 164] не могло не вызывать негативную реакцию, определяя особую болезненность переживаемых трансформационных процессов.

Но вместе с тем, оказавшись в иных условиях жизнеобеспечения, и само население Северного Кавказа постепенно приобщалось к новым формам социальной организации и хозяйствования. При этом процессы адаптации (обусловленной унифицирующим прессом государственности и потому имевшие по большей части вынужденный характер), в которые оказались вовлечены местные народы, открывали для горцев новые перспективы, в ходе достижения которых шло активное формирование новых социальных мотиваций и установок. В их основе лежали преимущественно прагматичные интересы, связанные со стремлением к экономическому и социальному благополучию. Гарантией продвижения по социальной лестнице стано-

вилось образование. Давно возникший и неуклонно растущий запрос на образование со стороны местных сообществ являлся, скорее, адаптивной реакцией на новые социальные вызовы, а само образование становилось инструментом относительно безболезненного усвоения новых культурных моделей, их заимствования в ходе контактов с другим сообществом, не затрагивавших глубинных пластов национально-культурной идентичности. Русский язык как язык преподавания, по поводу которого в других окраинах империи возникали наиболее ожесточенные споры между нарождающейся национальной интеллигенцией, поддерживаемой либерально настроенными слоями российского общества, и правительственным официозом, здесь приобрел свойства проводника иной культуры, посредника в межкультурной коммуникации. Отвечая в целом политически окрашенным задачам «русификации» северокавказской окраины, русский язык и образование становились мощным ресурсом социализации для самого местного населения, открывая перспективы его более или менее успешной интеграции в иную цивилизацию.

Необходимым с точки зрения властей звеном объединительной политики являлась колонизация территории Северного Кавказа «русским элементом», рассматривавшаяся в качестве одной из первоочередных государственных задач. Действительно, переселенцы заметно повлияли на общий социально-демографический фон региона. Однако, уделяя им особое внимание прежде всего как носителям имперской государственности и решая таким образом сугубо политическую задачу расширения «русского» пространства империи, власти столкнулись с проблемой обезземеливания местного крестьянства, что, при отсутствии четко проработанной программы колонизации, привело не только к перенаселению Северного Кавказа и превращению его самого в регион, «выбрасывающий» миграционные потоки, но и к обострению существовавших социальных противоречий, еще более усугублявшихся земельным голодом,

от которого одинаково страдали все местные народы, особенно проживающие в нагорной полосе.

Вместе с тем, мощный культуртрегерский потенциал, который несли с собой колонисты, обеспечивал «двойное расширение» империи — не только в территориально-административном, но и в социокультурном отношении, а сами переселенцы выступали в роли своеобразной «третьей силы» во взаимоотношениях власти и местных сообществ.

Таким образом, отстаивая принципы «единства и неделимости» Российской империи, правительство ставило и по-своему решало задачи интеграции ее разнородного населения в общегосударственном политико-правовом, хозяйственно-экономическом и социально-культурном пространстве. В силу масштабности поставленной цели, а еще более — чрезвычайной множественности и в то же время уникальности конкретных ситуаций, эта деятельность далеко не всегда вела к желаемым результатам, зачастую оборачиваясь нарастанием социально-политической напряженности в национальных окраинах. Тем не менее, Центральный Кавказ, активно включившийся в интеграционные процессы в пореформенные годы, уже к концу XIX в. стал одной из неотъемлемых частей Российского государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Архивные материалы:

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 379, оп. 1, д. 162 — Осетины — переселение. 1816 г.
- Ф. 565, оп. 1, д. 4398 — Дело по вопросу о преобразовании управления Терской и Кубанской областями и Кавказскими казачьими войсками. 1887-1888 гг.
- Ф. 821, оп. 8, д. 712 — Переписка с канцелярией главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1895 г.
- Ф. 866, оп. 1, д. 27 — Письмо начальника штаба войск Терской области Лорис-Меликова; памятная записка для начальника штаба Терской области со сведениями о неудовлетворительном состоянии управления областью. 1863 г.
- Ф. 866, оп. 1, д. 37 — Письмо в. кн. Михаилу Николаевичу М.Т. Лорис-Меликова по поводу успешного сбора податей с жителей Терской области. 1866 г.
- Ф. 866, оп. 1, д. 40 — Докладная записка начальника Терской области Лорис-Меликова главнокомандующему Кавказской армией о положении дел, системе управления и необходимых мероприятиях в Терской области. 1866 г.
- Ф. 919, оп. 2, д. 617 — Всеподданнейший доклад (черновик) Воронцова-Дашкова с изложением программы его будущей деятельности в должности наместника на Кавказе. 1905 г.
- Ф. 919, оп. 2, д. 696 — Объяснение по запросу, внесенному в Государственную думу о незаконных действиях администрации Терской области по отношению к туземному населению. 1910 г.
- Ф. 919, оп. 2, д. 706 — Выписки из «Свода законов» по управлению Кубанской и Терской областями. Приложена заметка Воронцова-Дашкова о различных условиях Терского и Кубанского войска.

Ф. 1149, оп. 8, т. 8, д. 60 — Владикавказский округ. Об упразднении в оном горского словесного суда и о назначении вместо сего мирового судьи для разбора дел осетинского населения. 1871 г.

Ф. 1149, оп. 13, д. 126 — Дело Департамента законов Государственного совета о назначении содержания старшинам аульных селений Кубанской и Терской областей. 1903 г.

Ф. 1151, оп. 15, д. 496 — О подчинении осетин православному исповеданию Кубанской области в судебном отношении ведению мирового и общих судебных установлений названной области. 1903 г.

Ф. 1405, оп. 71, д. 4217 — О порядке принесения жалоб на решения осетинских владикавказских аульных словесных судов и применении Положения 19 февраля 1861 г. к аульным обществам горского населения Кубанской и Терской областей. 1873 г.

Ф. 1405, оп. 80, д. 8760 — По вопросу о мерах против лжесвидетельства в судах на Кавказе. 1898-1899 гг.

Ф. 1405, оп. 109, д. 12271 — Отчет о деятельности судебно-мировых учреждений Владикавказского округа Терской области за 1905 г. 1906 г.

Ф. 1405, оп. 532, д. 190 — Об устройстве судебной части для горского населения областей: Кубанской, Терской, Карсской, Батумской, Дагестанской и округа Закатальского. 1911 г.

Ф. 1405, оп. 542, д. 229 — Об учреждении во Владикавказском мировом судебном округе одной новой должности участкового мирового судьи. 1894 г.

Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ)

Ф. 12, оп. 1, кн. 2, д. 3132 — Всеподданнейшая записка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Б. г.

Ф. 12, оп. 3, д. 1 — О проживающих в пределах Кавказского края иногородних крестьянах, нуждающихся в землеустройстве. 7 июня 1897 — 20 ноября 1904 гг.

Ф. 12, оп. 3, д. 63 — По прошениям крестьян, проживающих в станице Воздвижен. Майкоп. отд. Кубан. Обл., ходатайст. о поселен. их в пределах Северного Кавказа.

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ)

Ф. 1, оп. 1, д. 66 — Материалы о временнопроживающих в Северной Осетии.

Ф. 2, оп. 1, д. 16 — Копии документов из фонда Д.И. Святополк-Мирского (Центральный государственный архив г. Харькова)

Ф. 4, оп. 1, д. 107 — Описание вредных народных обычаев, существовавших в туземных племенах Военно-Осетинского округа (сделано полк. Кундуховым).

Ф. 5, оп. 1, д. 1 — Копии документов о Владикавказском осетинском ауле и Владикавказской крепости и о переименовании крепости в город.

Ф. 10, оп. 1, д. 70 — Архивные материалы по истории возникновения и развития народного образования в Северной Осетии за 1874-75-76-77-78 гг., собранные Гадиевым П.Ю. в 1948-49-50 гг.

Ф. 10, оп. 1, д. 74 — Архивные материалы по истории возникновения и развития народного образования в Северной Осетии за 1893-94-98-99 гг., собранные Гадиевым П.Ю. в 1948-49-50 гг.

Ф. 10, оп. 1, д. 7 — Материалы по народному образованию в Терской области за 1890-1899 гг.

Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А)

Ф. 11, оп. 6, д. 171 — Прошение общества сел. Новоурухского о привлечении временнопроживающих к уплате налога на содержание сельского правления. 1899-1900.

Ф. 11, оп. 7, д. 7 — По прошению доверенных от общества

- Средне-Урухского Афанасия Рамонова и Дзиво Кантемирова об упразднении сельского правления в их селении. 1899 г.
Ф. 11, оп. 11, д. 2 — Приказы по Терской области об улучшении быта горского населения и переписка по данному вопросу. 1905-1916 г.
- Ф. 11, оп. 34, д. 431 — По обвинению старшины сел. Ногкау Владикавказского округа Владимира Маркозова в нанесении побоев Саулову Тезиеву. 1896-1898 г.
- Ф. 11, оп. 34, д. 435 — По жалобе магометанского жителя Владикавказского округа Ельбаздуко Малиева на действия сельских судей, старшины и писаря того же селения. 1896-1899 г.
- Ф. 11, оп. 34, д. 595 — По сообщению Прокурора Владикавказского окружного суда о неправильных по службе действиях старшины сел. Донифарс Баликоева.
- Ф. 11, оп. 52, д. 276 — Циркуляры о преобразовании полицейских учреждений. Проект положения о сельских (аульных) обществах Терской и Кубанской областей. 1886-1913 гг.
- Ф. 11, оп. 52, д. 680 — Положение (проект) о сельских аульных обществах, их имущественном управлении и общественных повинностях горского населения Терской и Кубанской областей. 1901 г.
- Ф. 12, оп. 1, д. 2 — Указы императора. 1860-1867 гг.
- Ф. 12, оп. 1, д. 6 — Указы Сената и циркуляры Министерства Внутренних дел (Ч. II). 1862-1863.
- Ф. 12, оп. 1, д. 427 — Переписка с главным управлением наместника кавказского о новом устройстве Общественного управления в городе Владикавказе. Проект положения об управлении городом Владикавказом. 1863-1869.
- Ф. 12, оп. 5, д. 3 — Рапорты о преобразовании канцелярии по управлению покорными горцами и переписка по данному вопросу. 1860 г.
- Ф. 12, оп. 5, д. 6 — Проект управления Терской области. 1862-1863 гг.
- Ф. 12, оп. 5, д. 8 — Докладная записка о преобразовании

Главного народного суда, канцелярии начальника Терской области; Осетинского и Кумыцкого округов и переписка по данному вопросу. 1864 г.

Ф. 12, оп. 5, д. 10 — Дело об образовании Кубанской и Терской областей. 1864 г.

Ф. 12, оп. 5, д. 184 — Переписка об утверждении в должности аульных старшин разных лиц. 1866 г.

Ф. 12, оп. 5, д. 319 — Отчеты начальников округов Терской области о состоянии военно-административных учреждений (1869)

Ф. 12, оп. 5, д. 333 — Переписка о применении к горскому населению положения о сельских управлениях. 1867 г.

Ф. 12, оп. 6, д. 1283 — Рапорты о работе народных судов. 30 апреля 1869 г.

Ф. 12, оп. 7, д. 13 — Переписка с Попечителем Кавказского учебного округа об открытии училищных советов и введении должности инспектора училищ Терской области. 1871-1872 гг.

Ф. 54, оп. 6, д. 22 — Переписка с начальником штаба Кавказского военного округа об изменении порядка управления населением Терской области. 1880 г.

Ф. 168, оп. 1, д. 1 — Об упорядочении хозяйства на казенных участках Терской области. 1912 г.

Ф. 270, оп. 1, д. 22. Прошение жителей Назрановского округа о наделении их землей. 1907-1908 гг.

Опубликованные источники:

Административные отделы Кавказского края 1877-1878 — Административные отделы Кавказского края // ИКОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т. V.

АКАК, II — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1868. Т. II.

АКАК, V — АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

АКАК, VI, 1 — АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI, ч. 1.

АКАК, VII — АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII.

АКАК, IX — АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX.
АКАК, XI — АКАК. Тифлис, 1888. Т. XI.
АКАК, XII — АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII.
Временные правила 1891 — Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891.
Всепопданнейшая записка 1890 — Всепопданнейшая записка Командующего войсками Кавказского военного округа и Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 г. СПб., 1890.
Всепопданнейшая записка 1907 — Всепопданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.
Всепопданнейший отчет 1870 — Всепопданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.
Всепопданнейший отчет 1899 — Всепопданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Владикавказ, 1899.
Всепопданнейший отчет 1910 — Всепопданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910.
Всепопданнейший отчет 1913 — Всепопданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
Всепопданнейший отчет Начальника Терской области 1892 — Всепопданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1892.
Всепопданнейший отчет Начальника Терской области 1894 — Всепопданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 г. Владикавказ, 1894.

Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1895 — Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. Владикавказ, 1895.

Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1897 — Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896 год. Владикавказ, 1897.

Всеподданнейший отчет Начальника Терской области 1899 — Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Владикавказ, 1899.

Всеподданнейший отчет начальника Терской области 1900 — Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1899 год. Владикавказ, 1900.

Всеподданнейший отчет Начальника Терской области за 1909 год — Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1909 год. (По гражданской части). Б.м., б.г.

Всеподданнейший отчет 1889 — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г. СПб., 1889. Главнейшие мероприятия 1878 — Главнейшие мероприятия по устройству Кавказского края. Тифлис, 1878.

Деятельность Государственного совета 1900 — Деятельность Государственного совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881 г. — 20 октября 1894 г. СПб., 1900.

Законодательные акты переходного времени 1909 — Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг. СПб., 1909.

Именной высочайший указ 1909 — Именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государ-

ственного порядка». 12 декабря 1904 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг. СПб., 1909. С. 3-6.

История Владикавказа 1991 — История Владикавказа (1781-1999 гг.): Сборник документов и материалов. Майкоп, 1991.

Кавказ в 1909 году — Кавказ в 1909 году: Краткий обзор деятельности правительственных учреждений Кавказского наместничества. Тифлис, 1910.

Кавказ и Российская империя 2005 — Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв.: Сборник документов и материалов. СПб., 2005.

Леонтович 1882-1883 I — *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. В 2-х т. Одесса, 1882-1883. Т. I.

Материалы по истории Осетии 1950 — Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Дзауджикау, 1950. Т. III.

Материалы по истории осетинского народа 1942 а — Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. Т. II.

Материалы по истории осетинского народа 1942 б — Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. V.

О горском словесном суде 1894 — О горском словесном суде // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 135-145.

Обзор Терской области за 1887 г. — Обзор Терской области за 1887 г. (Приложение к всеподданнейшему отчету). Б. м., б. г.

Обзор Терской области 1894 — Обзор Терской области за 1893 год // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 19-100.

Округа Терской области 1878 — Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1.

Отчет начальника Терской области 1910 — Отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1909 г. Владикавказ, 1910.

Отчет начальника Терской области 1914 — Отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Владикавказ, 1914.

Отчет по Главному управлению 1873 — Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказом и Закавказским краем. 6 декабря 1862 — 6 декабря 1872. Тифлис, 1873.

Петиция 1934 — Петиция учителей школ Северной Осетии, поданная Владикавказскому епископу // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ИСОНИИ). Т. VIII. С. 191-192.

ПСЗ-I, XXIII, 17025 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I). Т. XXIII. № 17025.

ПСЗ-I, XXXVIII, 29682 — ПСЗ-I. Т. XXXVIII. №29682.

ПСЗ-II, XII, 10576 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ-II). Т. XII. Отд. 1-е. №10576.

ПСЗ-II, XXVIII, 27646– ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. №27646.

ПСЗ-II, XXXII, 32541 — ПСЗ-II. Т. XXXII. Отд. 1-е. № 32541.

ПСЗ-II, XXXII, 32529 — ПСЗ-II. Т. XXXII. Отд. 1-е. №32529.

ПСЗ-II, XXXV, 35421 — ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35421.

ПСЗ-II, XXXV, 35648 — ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35648.

ПСЗ-II, XXXV, 35962– ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35962.

ПСЗ-II, XXXV, 36278 — ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 2-е. № 36278.

ПСЗ-II, XXXVII, 38256 — ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38256.

ПСЗ-II, XXXVII, 38326 — ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326.

ПСЗ-II, XXXVII, 38327 — ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38327.

ПСЗ-II, XXXVII, 38326 — ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326.

ПСЗ-II, XXXIX, 40908 — ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. № 40908.

ПСЗ-II, XXXIX, 41473 — ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 2-е. № 41473.
ПСЗ-II, XXXIX, 41068 — ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. №41068.
ПСЗ-II, XL, 48548 — ПСЗ-II. Т. XL. Отд. 2-е. № 48548.
ПСЗ-II, XLI, 43441 — ПСЗ-II. Т. XLI. Отд. 1-е. №43441.
ПСЗ-II, XLII, 44748 — ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. №44748.
ПСЗ-II, XLII, 44942 — ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 2-е. № 44942.
ПСЗ-II, XLII, 45259 — ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 2-е. № 45259.
ПСЗ-II, XLIII, 45785 — ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 1-е. №45785.
ПСЗ-II, XLIII, 45655 — ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 1-е. №45655.
ПСЗ-II, XLIV, 47847 — ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. № 47847.
ПСЗ-II, XLIV, 47848 — ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. № 47848.
ПСЗ-II, XLIV, 47850 — ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. № 47850, п. III-а.
ПСЗ-II, XLV, 48429а — ПСЗ-II. Т. XLV. Дополнение. Ч. 2.
№ 48429а.
ПСЗ-II, XLV, 48413 — ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48413.
ПСЗ-II, XLV, 48968 — ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 2-е. № 48968.
ПСЗ-II, XLVIII, 46454 — ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 46454.
ПСЗ-II, XLVIII, 52808 — ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808.
ПСЗ-II, XLIX, 53444 — ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. № 53444.
ПСЗ-II, XLIX, 54142 — ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 2-е. № 54142.
ПСЗ-II, XLIX, 54142 — ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 2-е. № 54142.
ПСЗ-II, LI, 55651 — ПСЗ-II. Т. LI. Отд. 2-е. № 55651.
ПСЗ-III, II, 637 — Полное собрание законов Российской импе-
рии. Собрание третье (ПСЗ-III). Т. II. № 637.
ПСЗ-III, II, 638 — ПСЗ-III. Т. II. № 638.
ПСЗ-III, III, 1521 — ПСЗ-III. Т. III. № 1521.
ПСЗ-III, III, 1522 — ПСЗ-III. Т. III. № 1522.
ПСЗ-III, III, 1686 — ПСЗ-III. Т. III. № 1686.
ПСЗ-III, V, 2726 — ПСЗ-III. Т. V. № 2726.
ПСЗ-III, VI, 3686 — ПСЗ-III. Т. VI. № 3686.
ПСЗ-III, VII, 4559 — ПСЗ-III. Т. VII. № 4559.
ПСЗ-III, VIII, 5076 — ПСЗ-III. Т. VIII. № 5076.
ПСЗ-III, VIII, 5077 — ПСЗ-III. Т. VIII. № 5077.
ПСЗ-III, XII, 8707 — ПСЗ-III. Т. XII. № 8707.

ПСЗ-III, XII, 8708 — ПСЗ-III. Т. XII. №8708.

ПСЗ-III, XV, 11999 — ПСЗ-III. Т. XV. № 11999.

ПСЗ-III, XVII, 13818 — ПСЗ-III. Т. XVII. № 13818.

ПСЗ-III, XXV, 25891 — ПСЗ-III. Т. XXV. Ч. 1. № 25891.

ПСЗ-III, XXV, 26089 — ПСЗ-III. Т. XXV. Ч. 1. № 26089.

ПСЗ-III, XXV, 26166 — ПСЗ-III. Т. XXV. Ч. 1. № 26166.

Полный систематический свод узаконений 1890 — Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и проч. (Издание неофициальное). М., 1890.

Положение о сельских (аульных) обществах 1871 — Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.

Руководство для крестьян 1880 — Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М., 1880.

Свод законов Российской империи 1866 — Свод законов Российской империи. СПб., 1866. Т. XV. Ч. 1. Свод законов уголовных. Кн. 1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Устав гражданского судопроизводства — Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. С замечаниями, ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. (Издание неофициальное). СПб., б. г. Ст. 1481/1.

Учреждение управления Кавказского и Закавказского края 1876 — Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876.

Учреждение управления Кавказского края 1886 — Учреждение управления Кавказского края. (Из Свода законов Российской империи. Изд. 1886 г. Т. II. Ч. 2.). СПб., 1886.

Численность народонаселения — Численность народонаселения больших административных отделов Кавказского края в 1882 году и приблизительная плотность населения этих отделов // Известия Кавказского отделения Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1884-1885. Т. VIII.

Литература:

Абазов 2014 — Абазов А. Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX — начало XX в.). Нальчик, 2014.

Агаджанов 1998 — Агаджанов С. Г. Основные черты системы управления национальных окраин России. (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 351-413.

Агаджанов 1998а — Агаджанов С. Г. Предисловие // Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 5-14.

Агишев, Бушен, Рейнке 1912 — Агишев Н. М., Бушен В. Д., Рейнке Н. М. Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912.

Айларова 2014 — Айларова С. А. Виды и формы кооперативных организаций в Терской области (кон. XIX — нач. XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 14 (53). С. 26-34.

Айларова, Кобахидзе 2011 — Айларова С. А., Кобахидзе Е. И. Историко-культурные предпосылки формирования этнических противоречий на Центральном Кавказе (конец XIX-XX вв.) // Лавровский сборник: Материалы среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2010-2011. СПб., 2011. С. 265-270.

- Американская русистика 2000 — Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000.
- Ардасенов 1896 — *Ардасенов А. Г. (В.-Н.-Л.)* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896.
- Багратион-Мухранский 1862 — *Багратион-Мухранский Г. К.* О словесном суде и письменном производстве // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1862. Т. XII. Май. С. 233-274.
- Баев 1908 — *Баев Г. В.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ, 1908.
- Берозов 1980 — *Берозов Б. П.* Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.
- Бзаров 2005 — *Бзаров Р. С.* Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. № 3. С. 30-77.
- Битова 2000 — *Битова Е. Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLICA (Альманах социально-политических и правовых исследований). 2000. Вып. 1. С. 163-194.
- Большакова 2003 — *Большакова О. В.* Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор. М., 2003. (Сер.: История России).
- Большакова 2008 — *Большакова О. В.* Власть и политика в России XIX — нач. XX века: Американская историография. М., 2008.
- Борисевич 1899 — *Борисевич Кл.* Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. 1899. № 1-2.
- Брейфогл 2002 — *Брейфогл Н.* Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. 2002. № 4. С. 156-200.

Волконский 1883 — *Волконский Н. А.* Биография генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Приложение к Кавказскому календарю на 1883 год. Тифлис, 1883.

Волхонский 2003 — *Волхонский М. А.* Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Волхонский 2006 — *Волхонский М. А.* Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3 (35). С. 87-106.

Габеев 1942 — *Габеев А. Я.* Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 3-24.

Гальцев 1956 — *Гальцев В. С.* Перестройка системы колониального режима на Северном Кавказе в 1860-1870 гг. // Известия Сев.-Осет. НИИ. Орджоникидзе, 1956. Т. XVIII. (Отд. оттиск).

Гатагова 1993 — *Гатагова Л. С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

Гатагова 1996 — *Гатагова Л. С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

Гатагова 2001 — *Гатагова Л. С.* Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 47-57.

Гатагова 2002 — *Гатагова Л. С.* Межэтнические отношения // Россия в начале XX в. / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 137-167.

Гатагова, Исмаил-заде 1998 — *Гатагова Л. С., Исмаил-заде Д. И.* Кавказ // Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 245-322.

Гатуев 1881 — *Гатуев А.* Об искоренении суевежных и разорительных обычаев в Осетии // Терские ведомости. 1881. № 36.

Гершельман 1908 — *Гершельман Ф. К.* Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908.

Горизонтов 2001 — *Горизонтов Л. Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129-150.

Гостиева 2014 — *Гостиева Л. К.* Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ, 2014.

Грибовский 1911 — *Грибовский В. М.* Государственное устройство и управление Российской империи. (Из лекций по русскому государственному и административному праву) // Записки императорского Новороссийского университета юридического факультета. Одесса, 1911. Вып. IV.

Горизонтов 2001 — *Горизонтов Л. Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129-150.

Джанаев 1988 — *Джанаев А. К.* Народы Терека в Российской революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе, 1988.

Дзасохов 1934 — *Дзасохов Гр.* Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. VIII. С. 178-182.

Дигорон 1881 — *Дигорон.* Из селения Христиановского // Терские ведомости. 1881. № 11

Долгих 2006 — *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006.

Дякин 1998 — *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998.

Евангулов 1901 — *Евангулов Г. Г.* Проект судебной реформы на Кавказе. Тифлис, 1901.

- Евангулов 1914 — *Евангулов Г. Г.* Местная реформа на Кавказе. Тифлис, 1914.
- Ерошкин 1997 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997.
- ЖМНП 1861 — Журнал Министерства народного просвещения. 1861. Ч. 109. Март.
- Зайончковский 1978 — *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.
- Записка Кутаисского дворянства 1903 — Записка Кутаисского дворянства о введении суда присяжных // Туманов Г. М. Разбои и реформа суда на Кавказе. СПб., 1903. С. 52-65.
- Захаров, Петров, Шацилло 2006 — *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К.* История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006.
- Зиссерман 1891 — *Зиссерман А. Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. В 3-х т. М., 1891. Т. III.
- Иваненко 1904 — *Иваненко В.* Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 5-6.
- Иванова, Желтова 2010 — *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2010.
- Имперские и национальные модели управления 2007 — Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: Сборник материалов Международной научной конференции (Казань, 11-13 мая 2006 г.) / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М., 2007.
- Имперский строй России 1997 — Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века): Сб. науч. ст. / Под ред. П. И. Савельева. М., 1997.
- Исмаил-Заде 1977 — *Исмаил-Заде Д.* Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 322-339.

Исторический обзор 1902 — Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902.

История Северо-Осетинской АССР 1987 — История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе, 1987. Т. I.

Кабузан 1996 — *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.

Кавказ в 1909 году 1910 — Кавказ в 1909 году: Краткий обзор деятельности правительственных учреждений Кавказского наместничества. Тифлис, 1910.

Канукова 2013 — *Канукова З. В.* Традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX — начало XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 6-37.

Канукова, Гутиева 2013 — *Канукова З. В., Гутиева Э. Ш.* Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 71-82.

Каппелер 1997 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997.

Каппелер 1997 а — *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Каспэ 1998 — *Каспэ С. И.* Имперская политическая культура в условиях модернизации // Полития. 1998. № 3 (осень). С. 42-57.

Кобахидзе 2010 — *Кобахидзе Е. И.* «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.

Корелин 2002 — *Корелин А. П.* Россия сельская на рубеже XIX-XX вв. // Россия в начале XX в. / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2002.

- Кэмпбелл (Воробьева) 2001 — *Кэмпбелл (Воробьева) Е. И.* «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // *Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 204-215.
- Лавров 1889 — *Лавров Д.* Заметки об Осетии и осетинах // *Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах.* Цхинвали, 1989. Кн. 4. С. 50-51.
- Ларина 1960 — *Ларина В. И.* Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960.
- Лурье 1994 — *Лурье С.* Российская империя как этнокультурный феномен // *Общественные науки и современность.* 1994. № 1. С. 56-64.
- Максимов, Вертепов 1894 — *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1894. Вып. 2.
- Мартирозиан 1925 — *Мартирозиан Г. К.* Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925.
- Матвеев 2012 — *Матвеев В. А.* Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Ростов н/Д, 2012.
- Мацузато 2004 — *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»).* Казань, 2004. С. 427-458.
- М. Г. 1879 — *М. Г. [Гарданов М. К.]* Приговор осетин // *Терские ведомости.* 1879. № 50.
- Медушевский 1990 — *Медушевский А. Н.* Административные реформы в России XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор. М., 1990.
- Миллер 2002 — *Миллер А. И.* Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Поли-*

тическая наука. Национализм — новейшие исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. А. И. Миллер. М., 2002. С. 27-38. Миллер 2006 — *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

Мирописев 1905 — *Мирописев М. О.* О применении школьной системы Н. И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905.

Модзалевский 1880 — *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.

Пахомов 1904 — *Пахомов Д. А.* Кавказские горцы // Покоренный Кавказ. СПб., 1904.

Политическая история империи 2002 — Политическая история империи — политическая история нации: На пути к синтетическому методу? Заочный круглый стол // *Ab Imperio*. Казань, 2002. № 2. С. 89-132.

Пономарев 1904 — *Пономарев Ф. П.* Материалы по истории Терского казачьего войска // Терский сборник. 1904. Вып. 6.

Потто 1991 — *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577-1801 гг.). В 2-х т. Владикавказ, 1912. Репринтное воспроизведение. Ставрополь, 1991.

Правилова 1997 — *Правилова Е. А.* Местное и центральное управление в России: проблема правового регулирования отношений // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века): Сборник научных статей / Отв. ред. проф. П. И. Савельев. М., 1997. С. 36-51.

Пфаф 1871 — *Пфаф В. Б.* Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I.

Рейнке 1912 — *Рейнке Н. М.* Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912.

Ремнев, Суворова 2008 — *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и

- пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. Вып. 11 (129). С. 132-179.
- Российская многонациональная цивилизация 2003 — Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / Отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2003.
- ССТО 1878 — Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
- СССК 1906 — Сборник сведений о Северном Кавказе. Материалы исторические, географические, этнографические, статистические, экономические и пр. / Под ред. А. С. Собриневского. Ставрополь, 1906. Т. I.
- Северный Кавказ 2007 — Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007.
- Статистический обзор Терской области 1915 — Статистический обзор Терской области за 1914 г. // Терский календарь. Владикавказ, 1915.
- Тавасиев 2014 — *Тавасиев В. Х.* Демографический анализ населения Северной Осетии в XX веке // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2014. № 2. Ч. 4. С. 20-23.
- Тедтоев 1952 — *Тедтоев А. А.* Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX вв. Дзауджикау, 1952.
- Терский календарь 1894 — Терский календарь на 1894 г. Вып. 4.
- Труды комиссии 1908 — Труды комиссии по исследованию современного землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
- Фадеев 1957 — *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
- Хетагуров 2000 а — *Хетагуров К. Л.* Накануне // Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Т. IV. С. 88-114.

- Хетагуров 2000 б — *Хетагуров К.Л.* Горский словесный суд // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 220-221.
- Хетагуров 2000 в — *Хетагуров К.Л.* Общественный приговор // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Т. IV. С. 7-16.
- Хобсбаум 1999 — *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875-1914. Ростов н/Д, 1999.
- Цориева 2011 — *Цориева И. Т.* Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ, 2011.
- Цуциев 1998 — *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998.
- Чудинов 1889 — *Чудинов В.* Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. 1889. Т. XIII. С. 1-122.
- Эсадзе 1907 — *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Тифлис, 1907.
- Эсадзе 1913 — *Эсадзе С. С.* Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб., 1913.
- Яковенко 1994 — *Яковенко И.* Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 47-67.
- Geracy 2001 — *Geracy Robert P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
- Russification in the Baltic Provinces and Finland 1981 — Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914. Ed. Edward C. Thaden. Princeton, N. J.; Princeton University Press, 1981.
- Russification in Tsarist Russia 1990 — Russification in Tsarist Russia // Edward C. Thaden, with collaboration of Marianna Forster Thaden. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe. New York: Boulder, 1990.

Velychenko 2001 — *Velychenko St.* The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // *Jb. für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 2001. Bd 49, H. 3. S. 321-362.

Weeks 2004 — *Weeks Th.R.* Russification: Word and Practice. 1863-1914 // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2004 (December). Vol. 148. No 4. P. 471-489.

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абхазов Иван Николаевич (1764-1831) — князь, генерал-майор, начальник штаба Отдельного кавказского корпуса (1827-1829), военно-окружной начальник закавказских мусульманских провинций (с 1829). Известен своим карательным походом в Осетию в 1830 г. — 217

Александр II (1818-1881) — российский император (1855-1881) — 18, 43

Александр III (1845-1894) — российский император (1881-1894) — 159

Багратион-Мухранский Георгий Константинович (1820-1877) — князь. сенатор, статс-секретарь, тайный советник; глава Грузинского Царского Дома — 73

Барятинский Александр Иванович (1814-1879) — князь, генерал-фельдмаршал, кавказский наместник, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом (с 1857 г. Кавказской армией) (1856-1862), член Государственного совета — 16, 17, 19, 32, 71, 72, 81

Бунге Николай Христофорович (1823-1895) — государственный деятель, ученый-экономист, товарищ министра (1880), затем — министр финансов (1881-1886), председатель Комитета министров (1887-1895) — 159, 177

Ванновский Петр Семенович (1822-1904) — генерал-адъютант, военный министр (1881-1898), министр народного просвещения (1901-1902), член Государственного совета

Витте Сергей Юльевич (1849-1915) — министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892-1903), председатель Комитета министров (1903-1905), возглавлял Совет Министров (1905-1906), член Государственного совета по назначению (1906-1915) — 61, 177

Воронцов Михаил Семенович (1782-1856) — граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал; участник русско-турецких и русско-французских войн 1812-1813 гг.; генерал-губернатор Новороссии (1823) и полномочный наместник Бессарабии (с 1828 г. генерал-губернатор), где его деятельность способствовала развитию внешней торговли на юге России и началу пароходства на Черном море, первый кавказский наместник и главнокомандующий войсками на Кавказе (1844-1854), член Государственного совета — *16, 17, 44, 72, 184*

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837-1916) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, личный друг Александра III; руководитель «Священной дружины» (1881); министр императорского двора (1881-1897); кавказский наместник, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск (1905-1915), член Государственного совета — *53, 58, 61-64, 68, 108, 136, 137, 140, 151, 177, 207, 208, 217*

Голицын Григорий Сергеевич (1838-1907) — князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; наказной атаман Уральского войска и военный губернатор Уральской области (1876-1884), оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа (1880); главноначальствующий гражданской частью, командующий войсками Кавказского военного округа и войсковой атаман Кавказских казачьих войск (1896-1905), сенатор, член Государственного совета — *43, 207*

Горемыкин Иван Логгинович (1839-1917) — член комиссии по крестьянским делам губерний Царства Польского при Министерстве внутренних дел (1873); товарищ обер-прокурора 1-го департамента Сената (1882), обер-прокурор 2-го департамента Сената (1884); товарищ министра юстиции (1891); министр внутренних дел (1895-1899); член Государственного совета (1899); председатель Совета министров (1906, 1914-1916) — *206, 209*

Гудович Иван Васильевич (1741-1820) — граф, генерал-фельд-маршал, командующий войсками Кавказского и Кубанского корпусов (1790-1798), главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Грузии (1806-1809), генерал-губернатор Астраханской губернии, командующий войсками на Кавказской линии (1793-1798); главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Грузии, Астраханский военный губернатор, управляющий гражданской частью в губерниях Астраханской, Кавказской и в Грузии (1806-1809), с 1809 г. — главнокомандующий в Москве; сенатор, член Государственного совета — 14

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820-1893) — князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник военных действий на Кавказе; начальник штаба Войска Донского (1859-1863), Киевский, Подольский, Волынский генерал-губернатор, верховный комиссар в Болгарии, командир русского оккупационного корпуса (1879-1880), главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа (1882-1890), председатель комиссии, разработавшей новое положение об управлении Кавказом после упразднения наместничества; член Государственного совета — 43, 44, 46, 48-50, 53, 87, 131, 206

Евдокимов Николай Иванович (1804-1873) — граф, генерал-адъютант; начальник и командующий войсками Терской и Кубанской областей (1860-1861), начальник Кубанской области (с 1861), с 1865 г. назначен состоять при главнокомандующем Кавказской армией, вел. кн. Михаиле Николаевиче; автор записки «О предложениях, полезных для исполнения на правом фланке Кавказской линии (1854), в которой изложил основания прочного покорения враждебного края — 30

Екатерина II (1729-1796) — принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, супруга вел. кн. Петра Федоровича, будущего императора Петра III, российская императрица (1762-1796) — 14, 202, 224

Ермолов Алексей Петрович (1777-1861) — генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, участник русско-французских войн 1812-1813 гг.; командующий Отдельным Грузинским (с 1820 г. Кавказским) корпусом, а также управляющий гражданской частью в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях (1816-1827); сенатор, член Государственного совета — 113

Ермолов Алексей Сергеевич (1847-1917) — действительный тайный советник, директор департамента неокладных сборов Министерства финансов (1883—1892), министр земледелия и государственных имуществ (1894-1905), неоднократно совершал служебные поездки по Кавказу (1894, 1899, 1903, 1904), член Особой комиссии для выработки проекта законоположений по устройству Черноморского побережья Кавказа (1895), член Государственного совета — 209

Каханов Семен Васильевич (1842-1908) — генерал-лейтенант, генерал от кавалерии, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска (1890-1899) — 88, 100, 101, 117, 125, 132, 154

Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825-1888) — граф, генерал от кавалерии, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска (1863-1875), глава Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия с неограниченными полномочиями (1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1880-1881), член Государственного совета — 73, 74, 87, 115, 116, 129, 179, 220, 221

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912) — граф, генерал от инфантерии, последним из подданных Российской империи получил чин генерал-фельдмаршала (1898), военный министр (1861-1881), член Государственного совета — 21, 22

Михаил Николаевич Романов (1832-1909) — великий князь, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер; кавказский

наместник (1862-1881) и командующий Кавказской армией (1877-1878), председатель Государственного совета (1881-1905), почетный председатель Государственного совета (1905-1909). Под его руководством были окончательно покорены Чечня, Дагестан и Западный Кавказ. На годы его наместничества пришлись проведение в крае крестьянской, земельной и судебной реформ, преобразования в административном управлении, военная реформа, улучшение путей сообщения и финансов и целый ряд других нововведений в социально-политической и экономической сферах — 27, 31, 38, 41, 42, 46, 48, 57, 80, 92, 115, 128, 129, 131, 155, 186, 187, 203, 219

Михеев Александр Степанович (1853-1914) — генерал-лейтенант, сенатор; участник русско-турецкой войны (1877-1878), помощник старшего адъютанта управления Донской артиллерии (1880), старший адъютант того же управления (1881); начальник артиллерии Приамурского военного округа (1903), участник русско-японской войны, главный инспектор артиллерийской части при главнокомандующем на Дальнем Востоке (1905), начальник артиллерии Кавказского военного округа (1906), начальник Кавказской гренадерской дивизии (1908), начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска (1908-1912) — 89

Мордвинов Николай Семенович (1754-1845) — граф, государственный деятель, экономист, адмирал, первый в истории России морской министр (1802), член Государственного Совета (с 1810), председатель Департамента государственной экономики (1810, 1816-1818, 1822), председатель Департамента гражданских и духовных дел (1820), председатель Вольного экономического общества (1823-1840); имел репутацию самого либерального человека в правительстве; единственный член Верховного суда над декабристами, проголосовавший против смертного приговора — 112

Муравьев Николай Валерианович (1850-1908) — обер-прокурор кассационного департамента Сената по уголовным делам (1891-1894); государственный секретарь (1892); министр юстиции (1894-1905); с 1905 г. — посол в Риме — 102

Муравьев (Карсский) Николай Николаевич (1794-1866) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, кавказский наместник и командующий Отдельным Кавказским корпусом (1854-1856), член Государственного совета — 16, 44

Нейдгардт 1-й Александр Иванович (1784-1845) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, главноуправляющий в Грузии, командир Отдельного Кавказского корпуса (1842-1844) — 14, 44

Николаи Александр Павлович (1821-1899) — барон, камергер Двора е.и.в., сенатор, статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета, министр народного просвещения (1881-1882), председатель Департамента законов Государственного совета (1884-1889); начальник Главного управления кавказского наместника и председатель Закавказского центрального комитета об устройстве быта помещичьих крестьян (1863-1865); активно участвовал в проведении на Кавказе крестьянской и судебной реформ — 74, 160

Николай I (1796-1855) — российский император (1825-1855) — 14

Николай II (1868-1917) — старший сын императора Александра III, последний российский император (1894-1917) — 63, 125

Нольде Эммануил Юльевич (1854-1909) — барон, статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров (1902–1906, в 1905-1906 гг. одновременно управлял делами Совета министров), член Государственного совета. С 13 апреля 1905 г. представлял наместника е. и. в. на Кавказе в заседаниях высших государственных установлений по делам Кавказа, вносимым на рассмотрение министерств и главных управлений — 60

Орбелиани Григорий Дмитриевич (1804-1883) — князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Джаро-Белоканского военного округа и всей Лезгинской кордонной линии, командующий войсками в Прикаспийском крае и управляющий гражданской частью (1852-1853 и 1854-1857), председатель Совета кавказского наместника (1859-1866), Тифлисский генерал-губернатор, командующий Кавказской армией (1860-1866), член Государственного совета — 21, 22, 25, 26

Рейнке Николай Михайлович (1849-1927) — юрист, тайный советник, сенатор, исполняющий обязанности обер-прокурора Общего собрания кассационных департаментов и соединенного присутствия 1-го и кассационных департаментов; в 1910 г. командирован в округ Тифлисской судебной палаты для обозрения судебных установлений, в 1911 г. командирован в Терскую и Кубанскую области для ознакомления с деятельностью горских словесных судов; с 1904 г. член различных комиссий для разработки вопросов законодательства — 106

Розен Григорий Владимирович (1782-1841) — барон, генерал от инфантерии; командир Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий гражданской частью и иностранными делами в Грузии, Армянской области, в Астраханской губернии и Кавказской области 1831-1837) — 211, 218

Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1824-1899) — князь, генерал от инфантерии, начальник Кумыкского округа (1858), помощник начальника Терской и Кубанской областей (1861), начальник и командующий войсками Терской области (1861-1863), Кутаисский генерал-губернатор (1863-1867), помощник Кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича (1875), и. о. временного Харьковского генерал-губернатора и командующего войсками Харьковского военного округа (1881-1882), действительный член и почетный председатель Кавказ-

ского отделения Русского географического общества (с 1869), член Государственного совета — 22, 23, 24, 42

Смекалов Алексей Михайлович (1838-1890) — генерал-лейтенант; состоял при главном штабе Кавказской армии (1860-1863), затем назначен делопроизводителем канцелярии по управлению кавказскими горцами, помощником правителя (1865), затем — правителем канцелярии начальника Терской области (1867); помощник начальника Терской области (1876), военный губернатор Батумской области (1881), Кутаисский военный губернатор (1883), начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска (1887-1890) — 88, 154

Степанов — генерал-майор, в 1912 г. вр. исп. д. начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска — 145

Толстов Сергей Евлампиевич (1849-1921) — генерал от кавалерии, наказной атаман Терского казачьего войска, начальник Терской области (1900-1905) — 137

Хетагуров Коста Леванович (1859-1906) — выдающийся осетинский поэт и общественный деятель, основоположник осетинской литературы и литературного осетинского языка, драматург, публицист, художник. Воспитанник Ставропольской гимназии, учился в Петербургской академии художеств; вел широкую просветительскую деятельность: устраивал выставки, музыкально-литературные вечера, содействовал развитию сценического искусства и школьного образования в Осетии; постоянный сотрудник газеты «Северный Кавказ» (выходила в Ставрополе); за острую критику кавказской администрации высылался из Осетии (1891, 1899) — 99

Цицианов Павел Дмитриевич (1754-1806) — князь, генерал-лейтенант, инспектор по инфантерии Кавказской инспекции, Астраханский военный губернатор и главнокомандующий в Грузии (1802-1806) — 112

Шамиль (1797-1871) — руководитель борьбы горцев Дагестана и Чечни с Российской империей (1830-е — 1850-е гг.), создатель военно-теократического государства — имамата, объединившего горцев Западного Дагестана, Чечни и Черкесии; в 1859 г. в результате осады аула Гуниб вынужден был сдаться в плен на почетных условиях — 16, 70

Шереметев Сергей Алексеевич (1836-1896) — генерал-лейтенант, генерал от кавалерии, участник военных действий на Кавказе; состоял для особых поручений при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьеве, участвовал с ним в штурме Карса (1855), затем был назначен состоять для особых поручений при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом (с декабря 1857 г. — Кавказской армией), кавказском наместнике А.И. Барятинском; командир собственного е.и.в. конвоя (1864), командир 1-й Сводно-кавалерийской дивизии Кавказской армии (1876), командир 2-й Кавказской кавалерийской дивизии (1879), генерал-адъютант е. и. в.; начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска (1882-1884); помощник главноначальствующего на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова (1884-1890), затем — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и войсковой атаман Кавказских казачьих войск (1890-1896); за неделю до кончины был назначен членом Государственного совета — 43, 53, 125, 192

Эглау Александр Францевич — генерал-майор, начальник Осетинского (с 1869 г. — Владикавказского) округа (1863-1874) — 91

Научное издание

КОБАХИДЗЕ ЕЛЕНА ИСААКОВНА

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ
В ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Дизайн обложки *Е.Н. Макарова*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Подписано в печать 14.11.2014. Бум. тип. №1.
Гарнитура шрифта *Mugiad*. Усл. п. л. 15,0.
Печать цифровая. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Тираж 100 экз. Заказ №77.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3